
САКЕН
СЕЙФУЛЛИН

ИЗБРАННОЕ

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

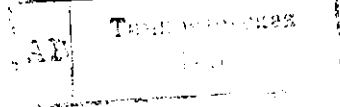
ИЗБРАННОЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД С КАЗАХСКОГО

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1984

Handwritten signature or note in Kazakh script, possibly 'Сейфуллин'.

ПОЭЗИЯ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА

1

Имя выдающегося поэта-революционера, крупного общественного деятеля Сакена Сейфуллина (1894—1938) принадлежит к числу наиболее популярных в казахском народе. Произведения его пользуются известностью и любовью широкого читателя.

Творческий путь С. Сейфуллина неразрывно связан с зарождением и становлением новой казахской литературы в целом, особенно в первое послеоктябрьское двадцатилетие. В национальном искусстве слова Сакен первый воспел социалистическую революцию и вызванный ею к жизни мир новых, социалистических отношений, этических норм, идей и чаяний. За идеалы коммунизма он боролся винтовкой и пером. Пламенные, полные революционной страсти стихи поэта вдохновляли первое поколение советских людей на подвиг и на труд.

Находясь в рядах Коммунистической партии с пламенных лет Октября (с февраля 1918 года) до последнего дня своей жизни, С. Сейфуллин горячо пропагандировал великие идеи ленинизма, боролся за утверждение социалистических преобразований в Казахстане. За 25 лет творческой деятельности им созданы сотни стихотворений, более десяти поэм, романы и несколько повестей, многочисленные рассказы, пьесы, очерки, статьи, научные исследования. Темы и идеи для своего богатого и разнообразного творчества писатель черпал в борьбе и труде родного народа, строящего новую, светлую жизнь. Его произведения пронизаны правдой Великой Октябрьской революции, одухотворены достижениями социалистического строительства.

Характер творческих поисков Сакена Сейфуллина во многом определяется его биографией. Поэт родился в 1894 году в кочевом казахском ауле Нильдинской волости Акмолинского уезда (ныне Жана-Аркинский район Карагандинской области). В возрасте 11 лет он был отправлен в Нильдинский рудник для обучения русской грамоте. В 1908—1913 годах Сакен учился в Акмолинске (ныне Целиноград) сначала в приходской школе, затем в двухклассном училище.

Находясь в рабочей среде и постоянно общаясь с трудовыми людьми, молодой Сакен еще в бытность свою на Нильдинском руднике проникся ненавистью к социальной несправедливости и неравенству. Впоследствии поэт писал: «В Нильды я провел три года. Уроки я получал, с одной стороны, в школе, с другой стороны — черпал знания из жизни: видел, как работают в кузне, как трудятся люди в шахтах под землей, как тяжело приходится им и наверху, где они воздвигают горы из каменного угля и руды; бывал в общежитиях, в домах рабочих, знал их быт. Много слышал от них. Все это оставило во мне неизгладимые впечатления».¹

В 1905 году Сейфуллин впервые оказался свидетелем редкого события в казахской жизни тех лет — забастовки рабочих. Это было революционное выступление

¹ Советские писатели. Автобиографии, т. 2. М., 1959, стр. 313.

рабочих Нильдинского завода — одного из отрядов малочисленного тогда пролетариата Казахстана¹.

В 1913—1916 годах Сакен учится в Омске в учительской семинарии. Этот период имел чрезвычайно важное значение для всей его жизни и творчества. Как известно, Омск в то время был административным и культурным центром Западной Сибири и одним из центров революционной борьбы против самодержавия. Еще во второй половине XIX века сюда ссылали людей, недовольных царским режимом. Но и находясь в ссылке, они способствовали распространению передовых идей. Здесь учился и воспитывался первый казахский ученый, демократ-материалист Чокан Чингисович Валиханов, на формирование мировоззрения которого решающее влияние оказали ссыльные революционеры, русские ученые и писатели. В начале XX века в Омске, где вырос значительный отряд рабочего класса, утверждаются и развиваются революционные традиции. Молодежь города также приобщалась к политической борьбе. Учившийся тогда в кадетском корпусе В. В. Куйбышев руководил политическими выступлениями учащихся в годы первой русской революции. Идеи борьбы с царизмом широко распространились и среди студентов учительской семинарии. В годы подъема революционного движения они принимали участие в массовых забастовках и демонстрациях. Сейфуллин, прибывший в Омск в это время, не остался в стороне от бурных политических событий. Факты говорят о том, что здесь он был связан с революционно настроенными людьми, в том числе с писателем-большевиком Феоктистом Березовским. Сакен был одним из активных членов студенческой организации казахской молодежи «Единство» и часто выступал на ее тайных сходках. На одном из собраний он заявил, что в случае революционного переворота члены группы «Единство» выступят с оружием в руках на стороне русского пролетариата. Политическая активность поэта была замечена царской жандармерией. Он оказался под наблюдением охраны. Интересен тот факт, что 27 октября 1914 года педагогический совет учительской семинарии принимает решение, запрещающее «отлучаться Сейфуллину из интерната после шести часов вечера в течение второй четверти».²

Первоначальные поэтические опыты молодого Сакена относятся именно к этому времени. В 1914 году он издает в Казани первый сборник стихотворений «Минувшие дни».

Дореволюционная поэзия Сейфуллина входила в общее русло прогрессивной демократической литературы. Он откликнулся почти на все актуальные вопросы, которые поднимала передовая литература того времени. Молодой Сакен горячо поддерживал демократическое просветительское направление в литературе, представленное именами выдающихся казахских писателей и поэтов дооктябрьского периода — Султанмахмутом Торайгыровым, Мухамеджаном Сералиным, Сабитом Донентаевым, Испандияром Кубеевым. Традиции передовой реалистической литературы, основанной Ибраем Алтынсариним и Абаем Кунанбаевым, таким образом, стали близкими и дорогими для поэта.

В сборнике «Минувшие дни» затронуты различные стороны казахской жизни. Молодого автора уже тогда волновали социальные проблемы. Он задумывается над судьбой родного народа, горько сетует на тяжелую жизнь казахской бедноты, изнывающей под гнетом феодально-патриархальных отношений в условиях беспросветной темноты, невежества и одряхлевших обычаев. В стихотворении «Сон» заброшенный сад символизирует все старое, отжившее. С надеждой обращает Сакен свои взоры на молодое поколение, которое может повести народ к светлому будущему:

А нужно, чтобы лозы в нем росли,
 День ото дня цвели бы без тоски.
 Аллах, дай молодости в счастье жить!
 Молюсь за неокрепшие ростки

¹ См. об этом: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957. с. 502.

² Омский областной архив, фонд 115, ед. хр. 101. св. 6. с. 98.

В начале XX века некоторые поэты-демократы отсталость и нищету народа объясняли отсутствием вождя, способного возглавить народ. Они бичевали казахских правителей, глухих к народному горю. В стихотворении «Кто поведет мой народ?» С. Сейфуллин также затронул эту волнующую многих тему. По мнению поэта, во главе народа должны стать герои, готовые ради него жертвовать своей жизнью, вести трудовые массы вперед, к знаниям, к культуре.

Общественную жизнь молодой поэт оценивает с просветительских позиций. Бичуя невежество, Сакен призывает народ учиться, приобщаться к достижениям науки и культуры. Противопоставляя феодальной косности искусство и науку, он подчеркивает силу и преобразующую роль знаний. Именно такие мысли пронизывают его стихотворения «Исповедь казаха», «Брату», «О невежественных баях» и др.

Агитационный характер этих стихотворений свидетельствует о том, что они написаны в традициях демократической литературы. Призыв молодежи к овладению знаниями, ожидание от нее полезных дел для будущего народа и другие передовые идеи, присущие стихам Сейфуллина, были главными и в произведениях Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева, Султанмахмута Торайгырова, Сабита Донентаева и других поэтов-просветителей. И. Алтынсарин страстно призывал родной народ равняться на культурные, передовые народы, которые строят «каменные дома», «мигом получают вести из далеких стран», «как рыба плавают в морях, как птицы летают в небесах». С. Донентаев в стихотворении «Земля», повествуя о Земле, на которой «живет свыше полутора миллиардов людей», говорящих на тысяче языков, с горечью отмечал, что среди них самый отсталый народ — казахи. Задевая честь народа, поэт хотел разбудить в нем стремление к культуре, к знаниям, прогрессу.

Просветительские стихи С. Сейфуллина дополняют этот мотив дооктябрьской демократической культуры. Многие из них построены как монолог поэта, обращаясь к молодому джигиту-казаху, в других поэт бичует невежественного бая, степного богача. И в тех и в других произведениях Сейфуллин настойчиво разъясняет значение образования, культуры.

«Минувшие дни покорили читателей жизнелюбием автора, его любовью к родной природе. В стихотворениях «Родной край», «Нура», «Перекочевка на джайляу», «Пьют кумыс на джайляу» поэт создает красочные картины природы. Однако в ранних стихах этого цикла чувствуется незрелость и ограниченность мировоззрения автора. Юноша-поэт только любит кочевой жизнью казахского аула, поле его зрения еще узко. Он описывает лишь то, что лежит на поверхности явлений, не замечает некоторых темных сторон кочевого быта казахов.

Следуя заветам просветительской демократической литературы, молодой Сакен считал тогда своим учителем великого Абая. В искусстве стихосложения он многому научился именно у него. Особенно часто подражал молодой поэт своему учителю в любовной, интимной лирике. «Незабвенная», «Любимой» и ряд других стихов написаны под влиянием любовной лирики Абая.

Связь Сейфуллина с журналом «Айкап» — еще одно важное свидетельство близости молодого поэта демократическому направлению казахской литературы начала XX века. «Айкап» был наиболее последовательным изданием в дореволюционном Казахстане. Демократически настроенные писатели объединились вокруг этого прогрессивного издания. Редактором и издателем журнала был известный журналист, поэт М. Сералин. Работали и печатались в «Айкапе» передовые поэты С. Торайгыров и А. Галимов. Часто публиковались на его страницах и стихотворения С. Донентаева. Молодой Сакен также стал одним из активных авторов «Айкапа». В журнале печатались его заметки, информации, стихи, критические статьи. Статья Сейфуллина «О драме «Манап», посвященная драме И. Лиханова, напечатанной на страницах «Айкапа», была одной из первых работ, свидетельствовавших о зарождении казахской литературной критики.

В предреволюционные годы С. Сейфуллин сформировался как поэт-лирик. Творчество его становилось все более самобытным, своеобразным. Поэт как бы наметил две тропинки в своей лирике. Первая идет от фольклора и поэзии Абая, а другая от классиков мировой поэзии. В 1915—1916 годах молодой поэт переводит ряд лирических произведений Саади, Адама Мицкевича и др.

После выступления казахского народа против царского угнетения в 1916 году Сейфуллин окончательно встал на путь защиты народных интересов. С этого времени поэт непосредственно участвует в революционном движении. Февральскую революцию 1917 года он встретил в ауле Слети-Бугули, вблизи Акмолинска, где учительствовал в казахско-русской школе. После свержения царя он полностью поддержал большевиков и выступил против сторонников Временного правительства. Общественно-политическая и творческая деятельность С. Сейфуллина продолжается в Акмолинске. Из-под пера молодого поэта рождаются пламенные строки революционных песен.

2

«Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых», — говорил В. И. Ленин.¹ С. Сейфуллин был глашатаем этого праздника, певцом униженных и оскорбленных. Находясь в гуще революционной борьбы народа, он разделил и радость, и горе родного ему трудового класса. Его революционные стихи родились в огне борьбы за свободу. В 1917—1918 годах он принимает активное участие в создании Совета рабочих и крестьянских депутатов в Акмолинске. Сакен был избран членом его президиума и комиссаром просвещения Акмолинского уезда. Он руководил молодежной организацией «Молодой казах», поддерживавшей революцию, и основал большевистскую газету «Жизнь».

Стихи С. Сейфуллина, написанные в годы революции, вошли в сборник «Неукротимый тулпар», изданный в 1922 году в Оренбурге. Это была первая книга поэта, вышедшая при Советской власти. Содержание книги всецело посвящено борьбе за новое общество. Рождение и становление политической, гражданской лирики в казахской советской поэзии было связано с поэтическим творчеством С. Сейфуллина, и первые ее успехи в этой области определяются высоким идейно-художественным уровнем стихов сборника «Неукротимый тулпар».

В самом образе неукротимого тулпара, давшем название сборнику стихотворений Сейфуллина, воплощаются творческие силы масс, разбуженные революционной эпохой. Лирический герой — борец, певец новой жизни. Оседлав неукротимого коня, он несет в казахскую степь отзвуки нового. Этот голос будит угнетенную, сонную степь от векового сна. Он зовет молодых к борьбе.

В посвящении читателям сборника поэт писал: «Тому, кто не рожден для расчетливости и корыстолюбия, кто не мечтает стать мироедом, кто, распрямив свои крылья, парит над Вселенной, взором орлиным взирая на мир; тому, кто огромною степью несется, как необузданный, дикий крылатый скакун, ищущий счастья, — тебе, молодежь, посвящаю я эту песню!.. Запевайте дружнее! Пусть весь мир содрогнется от огневой песни, что так слаженно, сильно звучит!»

Поэт использовал древний традиционный образ казахской народной поэзии — образ неукротимого тулпара-скакуна и наделил его коренной чертой новой эпохи — горячим, дерзким характером. На этом скакуне поэт несет в аулы голос революции. Лирический герой, пробуждающий на необузданном скакуне степь, находится в центре революционной поэзии С. Сейфуллина тех лет.

Революционный романтический пафос стихотворений, вошедших в сборник, их образная система свидетельствуют о несомненном влиянии на творчество казахского поэта великого буревестника революции М. Горького. Неукротимый тулпар, так же

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, с. 93.

как и буревестник,— образ, рожденный революцией. Позднее Сейфуллин писал: «Еще до революции мы, казахская молодежь, учились жить у великих русских писателей. Любимейшим из них был Горький. В 1916 году, учась в учительской семинарии, я восхищался и зачитывался произведениями Горького. Среди нас, семинаристов, любимейшими были «Песнь о Буревестнике», «Песнь о Соколе» и другие его стихотворения. Путь Горького уже тогда был идеалом для всех нас».¹

Впервые тему революции Сакен затронул в стихотворении «Мы спешно собрались в поход», написанном в марте 1917 года. Поэт приветствует свержение царя. Революцию он встречает словами:

Мы верили — придет расплата,
Мы солнце ласковое встретим.

В стихотворении «А ну-ка, джигиты!» он призывает строить «новый мир, иную жизнь».

С пылом юным
Бей по струнам!
С краснострунную домброй,
Пробуждая
Степь до края,
Обойдем простор родной.

Многие стихи С. Сейфуллина автобиографичны. Если цитированные выше вдохновенные строки написаны в дни борьбы за Октябрьскую революцию, то «Заблудившимся», «В заточении», «Мой крылатый скакун», «Если допытываешься — скажу...» и другие отразили настроение поэта, попавшего в руки врагов революции. Стихотворения «Побег из тюрьмы», «Подавленное настроение», «Предкам» написаны сразу же после побега Сейфуллина из организованного Колчаком омского концлагеря. А такие стихотворения, как «Марсельеза казахской молодежи», «В голодной степи», «Аул беглеца», «Товарищи», говорят о том, что поэт-воин снова вернулся на передний край революционной борьбы. Такова внутренняя связь между этими стихотворениями, составляющими единое целое.

Определяя широту восприятия поэта-лирика, А. С. Пушкин писал: «Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях, его живой и творческий дух: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальном негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...»²

Именно такое богатство и разнообразие чувств и раздумий воплощенных в живые образы, принес в казахскую поэзию Сакен Сейфуллин.

В мае 1918 года иностранными интервентами и белогвардейцами был организован контрреволюционный мятеж. Советская власть в Акмолинске была свергнута, руководители Совета захвачены в плен и переданы в руки Колчака. Пленные вынесли тяжелейшие лишения и муки в тюрьмах Акмолинска, Петропавловска, Омска. Атаман Анненков месяцами держал их в «вагоне смерти», многие, не выдержав пыток, погибли. В марте 1919 года Сейфуллину удалось бежать из концлагеря.

Из поэтических произведений Сакена этого времени видно, что ни плен, ни издевательства, ни угроза смерти не сломили свободолюбивый дух поэта. Он мечтает о том дне, когда снова, оседлав коня, ринется на врага, и заявляет, что никакие невзгоды не собьют его с избранного пути. Вот как звучат строки одного из его «тюремных» стихотворений:

Я пел бы радостные песни,
Да жизнь мне петь их не дает.
Но от земли до поднебесья
Передо мной весь мир встает —
Несправедливость, и обиды,

¹ Казахские писатели о Горьком.—«Литературный Казахстан», 1936, № 3. с. 84.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. т. 7. М.—Л. 1949. с. 435

И торжествующее зло,
И люди, добрые лишь с виду,—
О, как на сердце тяжело
И, видя неимущих слезы,
Слезами плачет грудь моя,
В очах моих сверкают грозы,
И песнь борьбы слагаю я.

(«Если допытываешься — скажу...»)

Стихотворения, написанные поэтом в тюрьме, близки патриотической лирике Некрасова и Кольцова, а герой-пленник напоминает вольнолюбивых героев поэзии Пушкина и Лермонтова.

В стихотворениях С. Сейфуллина, вновь вернувшегося к революционной борьбе, сильнее прежнего стали звучать мотивы, близкие русской и мировой боевой революционной поэзии.

Вступай в ряды свободных граждан,
Пойдем дружнее на врага,
На бой мы выйдем вместе с каждым,
Кому свобода дорога.
Отмстим злодеям-мироодам
За годы тьмы, за годы зла,
Отныне нам пора пришла
Идти к решительным победам,—

писал поэт в «Марсельезе казахской молодежи» (перевод П. Карпа).

«Марсельеза казахской молодежи» и «Товарищи» созданы под непосредственным влиянием «Марсельезы» и «Интернационала»; пламенный призыв к борьбе, умение воссоздать дух времени, пробудить священное чувство ненависти к угнетателям, вдохновить на бой, четкий, энергичный ритм стиха — все это сближает стихотворения с революционной поэзией русского и западно-европейского пролетариата. Многие песни поэта в казахских аулах воспринимались тогда и пелись как гимны новой жизни.

Сборник «Неукротимый тулпар» — творческое кредо поэта, своеобразный поэтический манифест, ясно демонстрирующий твердую позицию Сакена. Смысл художественного творчества поэт видит в служении революции. Он становится пламенным трибуном, певцом новой жизни. Его страстная боевая поэзия помогает партии в трудном и важном деле — в воспитании человека.

Революционная героинка наполнила поэзию Сакена качественно новым содержанием. Беспощадное обличение старого, пламенный призыв к строительству новой жизни, поиск новых художественных форм — вот отличительные черты лучших стихотворений С. Сейфуллина тех лет.

3

В 1920 году С. Сейфуллин принимает активное участие в работе оргкомитета по образованию Казахской Автономной Советской Социалистической Республики и на первом съезде избирается членом президиума КазЦИКа. Работал он заместителем наркома просвещения, редактором газеты «Ембекши казах» (ныне «Социалистик Казахстан») — орган ЦК КП Казахстана), а на III съезде Советов в 1922 году, был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров КазАССР. С. Сейфуллин дважды избирался членом ВЦИКа и был делегатом многих партийных съездов.

В течение ряда лет находясь на высоких правительственных постах, Сейфуллин никогда не забывал о своей миссии поэта. В советское время он стал признанным певцом социалистической нови. Первые успехи нашей страны на пути к социализму открывали поэта, воодушевляли его на создание новых произведений. В двадцатые годы Сакен издал ряд сборников стихов и поэм: «Домбра» (1924), «Экспресс» (1926), «Организация и трудовой договор — защита бедняков» (1926), «На волнах жизни» (1928), «Кокчетаяу» (1929) и др.

Развитие казахской литературы в 20-х годах происходило в сложнейших условиях. Нелегко давались революционные преобразования народу, сильно отставшему в политическом, экономическом и культурном отношении. Коммунистическая партия проводила в стране мероприятия по строительству социализма, учитывая местные условия и особенности, привлекая казахских крестьян на сторону Советской власти постепенным, терпеливым разъяснением своей политики. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в течение десятка лет (вплоть до 1928 года) имущество казахских баев не было конфисковано и они удерживали в своих руках значительную часть национального богатства; они оказывали также и некоторое идеологическое влияние в области литературы и искусства.

Поэты-националисты яростно ненавидели простой люд, потоками грязи обливали Октябрьскую революцию, большевиков, злобно сопротивлялись приходу в казахскую степь новой жизни. Они искали темы для своих произведений в далекой старине, идеализировали жизнь ханов и баев. Восторженно, умиленно вспоминали «веселье» прошлых дней и оплакивали дорогое для них, но уж безвозвратно ушедшее время, тосковали о «дорогом», «старом мире» феодальных порядков.

Наряду с этим писатели-националисты и сочувствующая им часть старой интеллигенции объявили открытый бой на литературном фронте, стараясь препятствовать росту молодых кадров казахской советской литературы, уничтожить ее молодую поросль. В этой борьбе они не брезговали ничем, жестоко травили молодых литераторов, преданных Советской власти, издевались над ними. Основной мишенью классовых врагов был Сакен. Пытаясь заглушить голос революционного поэта, буржуазные литераторы чернили его произведения, писали о нем разгромные статьи и рецензии. В творчестве С. Сейфуллина 20-х годов выделяются идеи борьбы с национализмом и вековой отсталостью. Он боролся со всем старым, отживающим, воспевал новое, революционное. Любую тему поэт раскрывал с большевистских партийных позиций, остро и тенденциозно. В своих пламенных статьях отстаивал принципы партийности и народности.

Нетрудно заметить в произведениях Сакена той поры внутреннюю полемику автора с идеализацией старины, непримиримое его отношение ко всему антинародному, многие его стихотворения написаны как ответ и отповедь националистам.

Сакен выступил против тех, кто боялся индустриализации, паровоза и автомобиля, вошедших в трудовой быт народа. Если поэт-националист М. Жумабаев представлял паровоз, как необузданную железную стихию, которая уничтожает все на пути и несет смерть кочевникам-казахам, Сакен показывает советскую технику, как нечто принципиально новое, демонстрирующее силу, мощь новых общественных отношений. В стихотворениях «В полете», «Самурык» слышится гордый клич молодого большевика, взлетевшего в бурное небо. Там, с вышины, он ко всему миру обращается с лозунгами мужества и труда. А внизу, на земле, «клопами лезли в щели господ всех рангов, званий и пород». В стихотворениях «Автомобиль», «Вороной скакун» звучит голос нового, врывающегося в аулы, где еще сильно прошлое.

Стихи С. Сейфуллина о природе были поэтическим ответом на произведения того же М. Жумабаева. Разочарованный в жизни, погруженный в тоску, Магжан Жумабаев изображал свою родную степь то в виде трупа, то в траурном одеянии. В противовес Магжану, Сакен рисует яркий степной пейзаж, полный шумов новой жизни, радости обновления. В известной поэме «Кокчетау» Сейфуллин также выступил против М. Жумабаева, который в поэме «Батыр Баян» связывал красоту Кокчетау, его природу с феодальным укладом, идеализировал кочевую жизнь, «батырские традиции» ханской эпохи. Сакен воспел живописную природу Кокчетау, связав ее с историей трудового народа, с его борьбой за лучшее будущее.

В лирических стихотворениях этого периода С. Сейфуллин выступает как поэт-новатор, отразивший в своем творчестве героический дух эпохи. Он не только изобразил изменения в общественной жизни, но и определил основные принципы искусства

нового времени. В таких стихотворениях, как «Борец за наше дело», «Юному казаху», «Наша Сауле», «Девушка из совпартшколы» и других, поэт воспевае новых людей, воспитанных Советской властью, выросших в условиях равноправия и свободы. Он беззаветно верит в силу народа, вступившего в новую общественную жизнь, в прозорливость коммунистической партии.

В стихотворении «В ком энергия бьется» поэт подчеркивает силу возрожденного Октябрем народа, силу, способную обновить весь мир. Он пишет, что только тот может выполнить эту трудную задачу:

В ком энергия бьется, как горный поток,
В ком отвага сверкает, как молний клинок,
В чьей груди столько сил, сколько сил у тулпара,
Чей полет, как у сокола в небе, высок.

В казахской поэзии С. Сейфуллин первым воспел В. И. Ленина. Он был единственным казахским поэтом, который еще при жизни великого вождя, в 1923 году, посвятил ему стихотворение. В январе 1924 года в связи со смертью В. И. Ленина Сейфуллин был в Москве в составе делегации Казахстана (как председатель Совнаркома КазАССР). В эти трудные для родины дни Сакен написал взволнованные стихотворения «Траурный день», «Скорбная весть». Глубокая скорбь, невосполнимая утрата жала, как тисками, грудь поэта, но он находит в себе силы сказать:

Отметим горечь этих дней,
Сплотив ряды еще тесней
Вокруг знамен непобедимых
Великой партии свсей.

(«Траурный день»)

Посвятив свой поэтический талант делу революции, разработке гражданской темы, Сейфуллин стал выдающимся казахским поэтом-лириком.

Его лирика в тематическом и жанровом отношении богата и разнообразна. Произноительно воспел он красоту природы родного края, тонко выразил в своих стихах неистребимую любовь к родине и неугасимое чувство сыновней благодарности. При этом он всегда стремился показать богатство души советского человека, пробуждение в нем нового сознания, формирование новых общественных идеалов. В большинстве случаев чувства лирического героя раскрываются и определяются его общественной позицией.

Рисуя картины родной природы, Сейфуллин всегда связывает их с чувствами и настроениями человека-борца, преобразующего жизнь.

Поэт обновляет традиционный образ степного ветра, который разносит новости,— делает его вестником свободы и счастья («В степи», «На холме», «Пороша»). Ветер становится символом чистоты и действенной красоты родной природы. Во многих стихах сборника «Экспресс» поэт рисует природу, как источник богатства родного народа. Пейзажная лирика С. Сейфуллина утвердила в казахской литературе новый принцип подхода к воспеванию и изображению природы.

О неразрывности, единстве красоты и любви говорят поэмы «Разлученные лебеди», «Раненая сайга», «Песня о лашине». Первое из этих произведений можно называть легендой о романтической любви, исполненной высокой гуманистической идеи. С отвращением и нескрываемым презрением рисует автор охотника-браконьера, который коварным выстрелом разрушил любовь и оборвал жизнь лебедей. Выстрелить в красавца лебеда или быстрого сайгака — это значит стрелять в красоту. Эти произведения, призывающие любить и ценить красоту, воспевающие идеи гуманизма, в какой-то мере характеризуют и самого поэта, тонкой души человека, самозабвенно любящего жизнь гражданина и вдохновенного певца.

Таким образом, уже в 20-е годы С. Сейфуллин намного расширил границы казахской лирики, внес в нее яркое поэтическое и гражданское чувство, богатое общественное содержание.

Из эпических произведений Сакена Сейфуллина двадцатых годов следует выделить поэмы «Советстан» и «Кокчетау».

«Советстан» (1925) является образцом публицистической поэзии, созданным под несомненным влиянием Маяковского. Подобного произведения в ту пору в казахской литературе еще не было. Поэт воспел советскую действительность мчавшуюся вперед подобно скорому поезду-экспрессу. С гордостью отметил он достижения советского строя за восемь лет. Поэма пронизана радостью счастливого советского человека — творца и создателя этих успехов.

Союз наш — экспресс, он летит по мостам,
По свежим лугам, по широким полям.
Страны нашей лучшей
Народы могучи,
Свободны, как тучи,—
И это отлично известно врагам.

Поэтика С. Сейфуллина, сформировавшаяся под влиянием новаторской поэзии Маяковского, оказалась естественной и на казахской национальной почве. Достижения Сейфуллина-поэта явились грандиозным событием в казахской литературе. В соответствии с характером эпохи Сакен создает новый образ — образ экспресса, заменивший в его поэзии традиционного тулпара. Ритм движения несущегося поезда передает напряженный ритм строительства новой жизни.

В поэме «Кокчетау» Сакен воссоздает действительность далекой эпохи, раскрывает классовые противоречия патриархально-феодалного общества и осуждает разбойничьи набеги хана Аблая на мирные аулы соседних народов.

Главная героиня поэмы — пленная девушка-калмычка, попавшая в руки ханских воинов во время набега. Когда хан Аблай приступает к дележу доставшейся войску добычи, между его сарбазами вспыхивают распри из-за девушки-пленницы: каждый из сарбазов хочет владеть ею. В спор вмешивается сам Аблай и предоставляет право выбора жениха самой пленнице. А пленница просит прикрепить на вершине высокой скалы свой белый платок и обещает выйти за того, кто собьет его стрелой. Никто из сарбазов не может выдержать такое испытание. Скала остается недосягаемой для стрелы («Окжетпес»).

Пленницу заставляют поставить новые условия. Но и эти условия оказываются невыполнимыми.

Поэт не только сочувствует горькой участи девушки, но и создает образ человека из народа, вырвавшего ее из ханской неволи. Лишь батыру Адаку удается выполнить условия девушки. Красавице, доставшейся ему, он разрешает вернуться на родину. Автор, таким образом, воспекает торжество справедливости над произволом и грубой силой.

В поэме мастерски нарисованы картины дивной природы Кокчетау, его гор, озер и лесов. И вместе с этим поэт воспекает социалистическую новь края, бывшего когда-то ставкой ханов, свидетелем тирании и произвола.

Философски осмысливая историю родного края, поэт доказывает, что происходящие социалистические преобразования являются закономерным результатом общественных сдвигов. Поэма проникнута патриотической гордостью, любовью к родному народу.

4

В тридцатые годы казахская поэзия вдохновенно воспевала успехи строительства социализма в нашей стране. Активно участвуя в общественной жизни, литература стала большой силой, возросло ее воспитательное и преобразующее людские души

значение. Принимая активное участие в борьбе за социализм, художники слова все глубже изучали жизнь, что способствовало их творческому росту. Если в литературе двадцатых годов отразилась борьба трудящегося народа за новую жизнь, пробуждение личности, то литература тридцатых годов создавала образ нового человека, славил его героические дела, показывала великую преобразующую силу советского строя.

Особое внимание она уделяла раскрытию роли народа — созидателя всех материальных ценностей, прокладывающего новый путь в истории человечества.

Особенности лирики С. Сейфуллина тридцатых годов тесно связаны со своеобразием литературы и жизни тех лет. Он с гордостью писал о принятии Советской Конституции («Золотая осень»), о дружбе народов в эпоху социализма («В горах Киргизского Алатау»), о новых душевных качествах советских людей («Человек»). Поэт поднял голос протеста против поджигателей новой мировой войны («Представителям польского рабочего класса», «Гитлеру», «В Маньчжурии минами...» и др.), призывал к бдительности («Маузер»).

Социалистическому строительству Сакен посвятил две поэмы — «Альбатрос» и «Социалистан».

Радостные перемены в жизни страны вдохновляли поэтов Казахстана на создание новых произведений, славящих родину. В 30-е годы наравне с лирическими стихами были написаны эпические поэмы, в которых делалась попытка создать символический образ обновленной степи. Новая жизнь, быстрый темп общественного строительства передавались новыми образами, новыми поэтическими средствами.

Наиболее значительными произведениями казахской советской поэзии этих лет были «Степь» И. Джансугурова и «Альбатрос» С. Сейфуллина. Стиль и приемы раскрытия темы невиданных перемен в жизни казахов у этих двух поэтов, однако, совершенно различны. Если И. Джансугуров создает поэму, посвященную истории казахского народа. («Степь»), то С. Сейфуллина интересуют закономерности рождения и развития социалистического общества. Автор поэмы «Альбатрос» (1933), приветствуя досрочное выполнение первого пятилетнего плана, славит успехи народа, строящего социализм. Символом эпохи становится в его произведениях экспресс, мчащийся с небывалой скоростью.

«Альбатрос» — поэма о Великой Октябрьской революции, вожде революции Ленине, о героических делах советского народа, строящего социализм. Безграничная любовь к Советской родине определяет идейно-художественную ткань поэмы. Показывая, как молодое советское государство под знаменем Ленина, мужая и закаляясь в борьбе с контрреволюционерами и интервентами, идет вперед, Сейфуллин создает исторически верную картину великой битвы за укрепление завоеваний социалистической революции. В понимании поэта главная сила нового социалистического общества — это сплоченный под знаменем Ленина рабочий класс. Его идейное оружие — ленинизм. Победа Великой Октябрьской социалистической революции — свидетельство всепобеждающей силы идей Маркса и Ленина.

По теме и ее художественному решению «Альбатрос» Сейфуллина заметно перекликается с поэмой Маяковского «Хорошо!», а главы о Ленине — с поэмой «Владимир Ильич Ленин». Изложение событий в исторической последовательности, страстный гимн мужественному и напряженному труду советского народа — строителя социализма, жгучая ненависть к врагам, гордость за социалистическое отечество — все это сближает художественный метод Сейфуллина и Маяковского. Как и в поэме «Хорошо!», в «Альбатросе» основные этапы борьбы за построение социалистического государства раскрываются в эпическом плане. Вместе с тем вся поэма глубоко лирична, в ней нашли отражение чувства поэта, принимавшего личное участие в событиях тех пламенных лет.

Образ Ленина в поэме раскрыт в неразрывной связи с успехами социалистического строительства. В полном соответствии с исторической правдой Сейфуллин под-

черкивает единство пролетариата и его вождя, и это придает поэме широкую эпичность, углубляет ее идейное содержание.

В органическом единстве лирики и эпоса, в слиянии индивидуальности героя с образом народа — важнейшее художественное своеобразие поэмы. Взволнованный голос автора, горячего патриота своей Родины, донес до нас беспокойный дух романтического времени, полного созидания и ожидания прекрасного.

Успех поэмы объясняется тем, что Сакен Сейфуллин правильно понял историческое значение коренных изменений в общественной жизни и сумел их отразить в художественном произведении. Не оставаясь в плену традиций старой казахской поэзии, автор нашел для новой темы новую поэтическую форму. Историко-философское содержание поэмы «Альбатрос», повествующей о путях и задачах общественного развития, было новаторским в казахской советской поэзии.

Большую популярность в народе имела поэма «Кзыл-ат» («Красный конь», 1934) С. Сейфуллина. Выступление с этой поэмой было актом гражданского мужества автора. Смысл этого произведения нельзя понять без знакомства с историей его создания.

В начале тридцатых годов, в борьбе за перестройку казахского аула на социалистический лад, в некоторых животноводческих районах республики наблюдались перегибы и искажения при проведении в жизнь партийных установок в колхозном строительстве. Это выразилось в основном в сокращении сроков коллективизации в районах республики, в форсировании, убыстрении темпов. Товарищества по совместной обработке земель в Казахстане были превращены в сельскохозяйственные артели, кое-где даже в коммуны.

Казахские крестьяне, всю жизнь связанные с единоличным скотоводством, еще не успевшие полностью осознать политику коллективизации, не могли понять необходимость срочных мер по организации колхозов. Поэтому они под всякими предложениями уклонялись, противились объединению личного скота. Перегибы и искажения политики партии по вопросу о коллективизации, встречавшиеся в животноводческих районах республики, в свое время пытались использовать классовые враги. Ими был спровоцирован массовый убой и угон скота. В результате поголовье скота в республике резко сократилось. Это привело к ухудшению материального положения казахского аула.

В сентябре 1932 года Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление о сельском хозяйстве Казахстана. В нем Центральный Комитет сурово осудил тех, кто при проведении коллективизации в животноводческих районах Казахстана допускал серьезные извращения и перегибы партийной линии. Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР дали краевому комитету коммунистической партии Казахстана и Совету Народных Комиссаров Казахской АССР указание перевести насильно организованные в кочевых и полукочевых аулах артели в ТОЗы (товарищества по объединенному использованию земли) и вернуть принудительно обобщественный скот в личное пользование членов ТОЗов, помочь обедневшим хозяйствам обзавестись скотом.

Поэма С. Сейфуллина «Кзыл-ат» — художественное отражение сложных процессов, происходивших в сельском хозяйстве тех лет. Мужественный поэт поднял свой голос против ошибок, допущенных при осуществлении коллективизации в Казахстане. Не случайно резко критическое отношение Сейфуллина к извращениям политики партии в области сельского хозяйства, которые имели место в начале 30-х годов в Казахстане, было еще в те годы отнесено к числу несомненных заслуг поэта-коммуниста.¹

Историческое значение поэмы «Кзыл-ат» заключается в смелом изображении испытаний, которые пережил казахский народ на пути социалистического строитель-

¹ См.: И. Кабулов, Вместо предисловия.— С. Сейфуллин, Кзыл-ат. Алма-Ата. 1934. с. 5 (на казахском языке)

ства. С большевистской прямотой и непримиримостью С. Сейфуллин рассказывает, как в результате извращения ленинской политики в Казахстане был нанесен животноводству тяжелый урон, что привело к значительному снижению материального уровня жизни казахских аулов. Критические выступления поэта были обращены не против общественного строя, а против тех явлений, которые были чужды духу социализма. Трудовой казахский народ, изображенный в поэме, разоблачая перегибщиков в организации коллективного хозяйства в аулах, делится сомнениями и своим горем с родной Коммунистической партией. Поэт верит, что ошибки будут преодолены, верит в будущее колхозного строительства.

Идеал поэта — Октябрь. Лирический герой — участник сражений за Октябрь. Он — глашатай правды революционных идей. Герой поэмы противопоставлен перегибщикам и очковтирателям.

Поэма построена в форме диалога — взаимной исповеди красного коня и лирического героя. Это оказалось очень удачным приемом для изображения событий казахского аула как бы «изнутри». Перед глазами читателя постепенно раскрываются внутренние причины трагических событий. Критикуя стиль работы старого руководства, поэт противопоставляет ему стиль руководства нового райкома. Поэт подчеркивает, таким образом, что указания партии по развитию социалистического сельского хозяйства дошли до казахских аулов. Участие коня в весеннем севе и его победа в соревновании становятся в этом произведении Сейфуллина, написанном с глубоким знанием и тонким ощущением национальных поэтических традиций, символом торжества социалистического колхозного строя.

В поэме смело разоблачаются происки врагов коллективизации. Гнев поэта направлен против людей, тормозящих развитие социалистического общественного строя. Поднимая большой принципиальный вопрос, автор решает его с партийных позиций.

5

Новаторские черты в творчестве С. Сейфуллина, как и всей советской литературы, определились новым содержанием, необходимостью правдиво отразить революционные преобразования в стране. Богатство идейного содержания новой литературы, расширение круга литературно-художественных образов требовали от советских поэтов совершенно новых художественных средств. Это ставило перед литературой 20-х годов новые задачи.

Своими творческими поисками в области поэзии Сакен Сейфуллин отвечал на эти требования. Революционная тенденциозность творчества поэта, рожденная потребностью эпохи, необходимостью революционно-реалистического изображения действительности, сыграла исключительную роль в создании новой поэтики. Здесь хочется еще раз повторить, что творчество поэта было глубоко сознательным, исключительно целеустремленным — всю жизнь его вдохновляла высокая и благородная цель. Мечта и цель поэта находились в полной гармонии с надеждами и стремлениями родного народа.

В казахской советской литературе проблема поэтического новаторства так остро стояла также и потому, что опыт национальной литературы в этой области был еще незначителен. Дореволюционная казахская поэзия только что вышла за пределы устного творчества. Поиски Абая в области поэтики, опирающиеся на лучшие образцы русской поэзии, дали возможность ввести новаторские черты в национальную поэзию, но они проходили, однако, в рамках просветительской идеологии. Поэтому честь открытия новых поэтических средств, отвечающих требованиям революционной эпохи, выпала на долю Сакена Сейфуллина и его соратников — Ильяса Джансугурова, Беймбета Майлина и др. Так рождалась в эпоху революционных преобразований новая революционная поэзия.

Приоритет создания образа положительного героя, человека труда в казахской советской поэзии также принадлежит С. Сейфуллину. Он опозитизировал трудовую

деятельность рабочего класса, прославил достижения науки и техники, видя в них новую силу, которая врывается в казахские аулы и способствовала их преобразованию. В те годы, когда в молодой советской поэзии слабо изображалась тема труда, развитие производственной темы в лирике С. Сейфуллина было ярким проявлением новаторства поэта.

Творчеству С. Сейфуллина, поэта борьбы, присуще активно-действенное отношение к событиям. Это качество сознательно утверждалось им в претивовес пассивной созерцательности той части дореволюционных казахских писателей, творчество которых страдало инерцией ограниченности.

В стихах Сакена часто используются биографические факты («Мой крылатый скакун», «Соскучился я», «В заточении», «Предкам», «Письмо матери», «Ответ матери», «Таинственный ларец» и многие другие.). В свое время это давало повод недругам поэта обвинять его в том, что он преувеличивает значение своей личности, тогда как в поэзии Сейфуллина эти детали использовались как средство индивидуализации образа. Характерной чертой лирического героя поэзии Сакена Сейфуллина является чувство ответственности перед народом за свой труд и свое социальное поведение. Ему свойственна также и высокая патетика, и политическая страстность. Слово «поэт-революционер» — наиболее точное определение образа лирического героя в творчестве Сейфуллина.

С. Сейфуллин внес много нового в строй казахского стихосложения. Критически используя все то, что было создано его предшественниками, он создал ряд стихотворений и поэм, которые не только по своим идейно-художественным качествам, но и по форме стихосложения были новым явлением в казахской поэзии. Еще в годы революции поэт искал такую стихотворную форму, которая способствовала бы раскрытию огневого характера лирического героя — неслышимого борца, прошедшего через тюрьмы и тяжелые испытания. Лирический герой через все преграды скачет подобно «дикому тулпару», «вздымается в небо, как сокол».

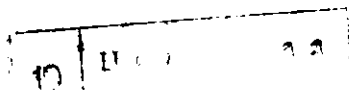
Из душного застенка
вырвался на свободу,
Не сдержали путы,
Словно тулпар ускакал,
Уф!
Ввысь, выше!
Подобно соколу полечу!
Полечу!
Ох!
Землю, небо крепко,
Крепко обниму!
Вместе сожму!

(Подстрочный перевод)

Для казахской поэзии, создаваемой прежде только для пения с домброй, декламационный стих с особым интонационным строем был совершенно новым явлением. Разработанная Сейфуллиным новая для казахской литературы система стихосложения позволила поэту с большой художественной силой передать радость борьбы, нарисовать образ нового героя.

Изобразительные средства поэтики С. Сейфуллина богаты и разнообразны. Подчеркивая значение каждого слова, Сейфуллин сделал упор на энергичный ритм, закрепляемый сильной рифмой. Поэт смело обогащал словарь и образы, богато использовал метафоры и сравнения. Использовал он также синтаксические и звуковые повторы, усиливающие впечатление от сказанного. Особое внимание поэт уделял музыкальности стиха. Иногда он использовал игру слов, почти одинаково звучащих, но имеющих разное значение («Таинственный ларец»).

Как разнообразны изобразительные средства в поэзии С. Сейфуллина, так же разнообразны и жанры его поэтических произведений. Наряду с поэтической миниатюрой

тюррой мы встречаем песни, марши, баллады,— и все они созданы в своеобразном стиле, соответствующем их теме и художественной задаче. Поэт нередко пользуется народными сказаниями, перерабатывая их по-своему.

В стихотворении «Аул беглеца», соблюдая традиционную форму казахского стиха, Сакен ввел диалог. В «Марсельезе казахской молодежи», «Товарищах» поэт сочетает декламационный, интонационный ритм с мелодичкой казахской песни. Оба стихотворения близки к ритму марша. В призыве «Вперед! Час настал. Сбросить тех, кто народ угнетал» (перевод М. Львова) дана прекрасная образная формула не созерцательной и объективистской, а страстной и действенной поэзии революционного класса.

Стихотворный строй поэмы «Советстан» явился результатом нового осмысления традиций национальной поэзии. Здесь поэт перестраивает одиннадцатисложный размер казахского стиха, приспосабливая его к звучанию живой, эмоционально насыщенной речи. Такая форма обусловлена публицистическим пафосом поэмы. В еще более измененном, обновленном виде эта форма встречается потом в поэме «Альбатрос». Стремление облечь в соответствующую форму содержание каждого стихотворения заметно в таких произведениях, как «На ткацкой фабрике», «Ленин», «Борец за наше дело», «Думы советского мальчика» и др.

Борьба за обогащение казахского литературного языка явилась неотъемлемой частью новаторской деятельности С. Сейфуллина-поэта. Он впервые ввел в обиход казахского литературного языка слова «советстан», «социалистан» и др. Смело введены им в казахский стих интернациональные слова, порожденные новой эпохой.

Поиски С. Сейфуллина в области стихосложения в свое время вызвали много нареканий у людей, не сумевших правильно оценить все значение его новаторской поэтической манеры. Но поэт продолжал искать и творить.

Указывая на возможность подобных недоразумений при поисках новой формы, вызванной новым содержанием, В. Брюсов писал: «Меньше всего должно тревожить, что формы современной поэзии, ее язык, ее стиль, ее образность, ее стих кажутся странными, часто поражают, иногда отталкивают неподготовленного читателя. Это явление, обычное в истории... К тому времени, когда новое течение войдет в свои берега, читатели освоятся с своеобразием его форм и они, как то бывало всегда, станут казаться им естественными и необходимыми».¹

Подлинное новаторство неотделимо от народности. Поэтому новаторская поэзия Сакена стала популярной среди народа. В произведениях поэта находим диалектическое единство формы и содержания, и о чем бы ни писал он, везде есть единство тенденций — выражение органической связи совокупности общественной жизни эпохи с личной судьбой поэта.

Конечно, путь творческих исканий С. Сейфуллина не был лишен ошибок и заблуждений. Некоторым стихам раннего периода были присущи серьезные идейно-художественные просчеты («Европе»), «В дни анта», «В мягком вагоне»). Поэт не сразу понял значение нэпа. Лишь любовь к Ленину и вера в его дело заставили поэта поверить в необходимость новой экономической политики и оценить ее смысл.

Были у Сейфуллина и формалистические ошибки. Постоянные поиски в области формы иногда приводили его к созданию таких стихов и поэм, где поэт не смог подняться на большие высоты обобщения и оказался в плену формалистических заблуждений. Так случилось и с поэмой «Социалистан». Здесь в показе жизненных явлений поэт не смог отделаться от описательности.

Подобные формалистические погрешности были в тридцатых годах не только у Сейфуллина. Немало казахских поэтов, стремившихся отразить бурные темпы социалистического строительства, прошли через подобные заблуждения и ошибки. При описании производства они иногда ударялись в многословную трескотню, а иногда,

¹ В. Брюсов, Избранные сочинения в двух томах, т. 2 М. 1955, с. 337.

стараясь передать грохот машин и шум трактора, увлекались бесплодным словотворчеством. Это было следствием неправильного понимания той истины, что для передачи нового содержания нужны не внешние эффекты, а подлинное новаторство. Недостаточно глубокое понимание социального смысла происходящих преобразований приводило к легковесности. Формалистические увлечения имели место и в стихотворениях и поэмах Сабита Муканова, Аскара Токмагамбетова, Таира Жарокова, Абдильды Тажибаева, Мажита Даулетбаева и других поэтов.

Но все это было болезнью роста молодой советской литературы, страстно искавшей необходимые формы для отражения новых идей. Преодолевая трудности, казахская советская поэзия поднялась на новые высоты, о чем свидетельствует ее современное состояние. С. Сейфуллин шел первым, увлекая за собой других поэтов. В своих исканиях он достиг значительных успехов, нашел стихотворные размеры, обогатил родную литературу новой ритмикой, свежими красками. А путь пионера тернист, отсюда и его отдельные неудачи.

С. Сейфуллин был современником и последователем В. В. Маяковского. Связь творческой деятельности с задачами революции, интересами народа, с его борьбой породнила двух виднейших поэтов революции и в творческом отношении. Не только в воспевании великих преобразований эпохи, но и в исканиях в области стиха, в расширении возможностей казахского стихосложения, в принципах словосочетания С. Сейфуллин усвоил поэтический опыт Маяковского. Всем своим публицистическим пафосом, риторико-интонационным строем поэзия Сейфуллина близка творчеству выдающегося поэта-трибуна.

Некоторые современники, не понимая исканий поэта, стали обвинять Сейфуллина в увлечении футуризмом. Но эти обвинения не испугали поэта. Новаторская деятельность Сейфуллина стала крупной победой не только его одного, но и всей казахской советской поэзии. Эта поэтическая победа как бы символизировала неодолимость социалистического пути развития культуры казахского народа.

6

Литературное наследие С. Сейфуллина велико. Он автор многих драматических и прозаических произведений.

В дореволюционной казахской литературе, собственно, не было драматургии. Первые казахские драмы были созданы в годы революции. Написанные в 1917 году пьесы С. Сейфуллина «На пути к счастью» и М. Ауэзова «Енлик-Кебек» — первые опыты драматического жанра в казахской литературе. Поэтому С. Сейфуллин справедливо считается одним из зачинателей казахской драматургии.

Будучи первой драмой в казахской литературе, пьеса «На пути к счастью» ценна и новизной темы. В ней писатель правдиво показал жизнь казахского аула после царского указа о мобилизации казахов на тыловые работы в июне 1916 года и в период Февральской революции 1917 года.

В пьесе показаны жизнь и быт старого казахского аула. Некий Терликбай, человек среднего состояния, с целью освободить своего сына Телжана от мобилизации отдает дочь Муслиму в младшие жены волостному Нукербая. Старший сын Терликбая, аульный учитель Ермек, выступает против отца и волостных. Он помогает Муслиме убежать с любимым джигитом. Из города доходит весть о свержении царя.

«Вот видите, ваш путь совпал с зарей свободы! Идите, перед вами, светясь, раскрылась любовь, открылся путь счастья! Перед вами встала заря свободы! Будьте вожаками младшего поколения, слезы которого не высохли на глазах! Герои, созданные для борьбы против всякого зла,— это вы сами! Идемте, провожу вас в путь любви и счастья!»¹ — так говорит Ермек, провожая в путь двух влюбленных — друга и сест-

¹ С. Сейфуллин. На пути к счастью, Оренбург, 1922, с. 35 (на казахском языке)

ру. В его словах выражена основная идея пьесы. Сельский учитель Ермек тоже отправляется в город и вступает на путь борьбы.

Пьеса Сейфуллина, написанная в разгар революционной борьбы, сыграла заметную роль в привлечении трудящихся казахов на сторону Советской власти. В праздник 1 мая 1918 года молодежная самодеятельность Акмолинска поставила эту пьесу. В мемуарном романе «Тернистый путь» писатель вспоминал, что спектакль шел несколько дней и все время пользовался большим успехом. Впоследствии в колчаковской тюрьме враги напомнили Сейфуллину об этой остро-политической пьесе, утверждавшей основы нового общества.

Второе драматическое произведение С. Сейфуллина — «Красные соколы» (1920). Это пьеса о героях, сражающихся под руководством Коммунистической партии за Советскую власть в Казахстане. В ней автор одним из первых в казахской литературе создал образы революционеров — Еркебулана, Жагпара, Байдильды, Нестерова, Лозового.

Пьесы Сейфуллина сыграли громадную роль в становлении жанра драмы в казахской литературе. Особо следует подчеркнуть идейную остроту и историческую роль пьес С. Сейфуллина в революционной пропаганде среди казахских трудящихся.

По сути дела, Сакен-поэт, Сакен-драматург и Сакен-прозаик были неотделимы. Здесь и там он выступал как новатор, как борец за торжество светлых идеалов коммунизма. Здесь и там он страстно пропагандировал одну идею — ленинизм. Здесь и там Сейфуллин изобразил путь казахского народа в революции, в социальной борьбе, создал образцы народных героев, закаленных в классовых боях. Здесь и там содержание и тему его произведений определяли успехи Советской власти, перемены в жизни Советского Казахстана.

Первым его прозаическим опытом является «Утешение» — стихотворение в прозе, написанное в 1917 году. Оно отличается высоким художественным совершенством. Поэтично, с какой-то тихой грустью автор рисует степной майский пейзаж. Бесконечно волнует читателя дыхание веками дремлящей в тиши казахской степи. Поэт прислушивается к нежному печальному звуку, нарушившему степную тишину. В этом звуке ему слышатся горький, скорбный, разрывающий сердце плач. Это сон казахской обездоленной девушки. Услышав в безбрежной степи повесть о трагической участи степной красавицы, поэт утешает ее. Он сочувствует ей и мечтает о свободе для всех сестер — казахских девушек, томящихся в рабстве и темноте, продаваемых, как скот. Писатель-революционер говорит ей о счастливом времени, сообщает, что настанет день, когда над всем миром засияет солнце.

«Сестренка, бедная моя сестренка! Не плачь, утри свои слезы! Сгинет скорбная черная ночь! Вот он, бледный луч зари! Да будет тебе счастье! Рассеется жестокая черная ночь, засверкает заря! Встанет перед тобой солнце, брызнув на весь мир золотыми лучами, украшая землю и небо. Вот он, легкий, ласкающий щеки ветерок. Он — вестник зари. Он — вестник счастья. Вот она, занимается заря свободы! Вот она — заря счастья, смотрит перед собой, приветствуй свое счастье!»¹

Романтическая настроенность рассказа явно перекликается с первыми революционными стихами поэта, в которых он страстно мечтал о свободе, о счастье для народа.

В 1922 году Сакен Сейфуллин написал повесть «Айша». Тема ее — борьба казахской женщины за свою личную свободу. Героиня Сейфуллина отячается стойкостью характера и решительностью; упорно идет она навстречу новой жизни и находит защиту и поддержку на заводе, среди рабочих. Заводской гудок звучит для нее музыкой освобождения.

Принципиально важное значение приобрела повесть Сейфуллина «Землекопы», в которой впервые в казахской прозе поднята тема рабочего класса. В ней автор

¹ С. Сейфуллин. Собр. соч. в шести томах. т. 4. Алма-Ата. 1962. с. 166 (на казахском языке)

рассказывает о жизни рабочих на строительстве железной дороги, о складывающихся среди них новых отношениях, рожденных новым обществом. Тяжелый труд землеплов автор изображает радостным, ибо это свободный труд освобожденного народа.

Вершина прэзы Сакена Сейфуллина — мемуарный роман «Тернистый путь». В нем автор всесторонне изображает революционную борьбу в Казахстане. Книга особенно ценна тем, что она создана на основе действительных исторических событий и фактов.

«Тернистый путь» написан в годы ожесточенной классовой борьбы в Казахстане. В 1922—1925 годах он в отрывках публиковался в периодической печати, а в 1926 году вышел отдельной книгой. Книга содействовала пробуждению сознания казахских крестьян, сплачивала их в борьбе против баев.

Рассказывая о событиях, участником которых был он сам, Сейфуллин создает широкую картину революционной борьбы в Казахстане, рисует образы борцов — участников революции. Мастерски показано в ней, что несли народу враги революции — Колчак и его бандиты, националисты аяаш-ордынцы.

«Тернистый путь» был значительным достижением молодой казахской советской литературы. Одно из первых в Казахстане крупных прозаических произведений, написанное методом социалистического реализма, оно ярко свидетельствовало с возможностями нового творческого метода. В книге Сейфуллина изображено не только прошлое, мысли автора были устремлены вперед, в будущее.

Прозаическое наследие С. Сейфуллина составляют также повести «Хамит встречает бандита», «Плоды», незаконченные романы «В те годы», «Наша жизнь», многочисленные рассказы и очерки.

Поэзия, проза и драматургия Сейфуллина — единое целое. Личное лирическое восприятие общественно-политической жизни страны отразилось в произведениях писателя, рисующих мир, наполненный борьбой за новую жизнь.

Сакен Сейфуллин был первым литератором Советского Казахстана, внесшим солидный вклад в литературную критику и в изучение литературных памятников. Выше отмечалось, что Сейфуллин еще до революции занимался литературно-критической деятельностью. Первая его статья, посвященная драме «Манап», — свидетельство зарождения литературной критики в Казахстане.

С первых лет Советской власти борьбу за новую литературу Сейфуллин совмещал с общественной, революционной деятельностью. Он считал литературу действенным средством привлечения трудящихся на сторону Советской власти. Он руководил литературным кружком при клубе молодежи, организованным в Оренбурге в начале двадцатых годов, где читал лекции по истории литературы.

Статьи Сейфуллина охватывают широкий круг проблем. В них затрагиваются важные вопросы нашей литературы, немалое значение придается литературным связям русского и казахского народов. В ряде статей автор выразил свое отношение к спорам вокруг его произведений. Широко известны его статьи, посвященные колючим вопросам литературы: «Литература и ее направление» (1922), «О художественных произведениях писателей трудового класса» (1926), «На фронте литературы» (1928), «Как я стал писать» (1931), «Социалистический реализм — главное направление нашей литературы» (1934) и речи на Первом съезде писателей СССР, на IX съезде Советов Казахстана, на II и IV Пленумах Союза писателей СССР.

Критические статьи Сейфуллина раскрывают идейную направленность молодой советской литературы. Опираясь на политику партии, писатель непримиримо боролся против врагов неокрепшей тогда литературы социалистического реализма.

Огромными были заслуги Сейфуллина также в сохранении и издании литературных памятников прошлого.

Жизнь поэта оборвалась в расцвете его творческих сил: Сейфуллин трагически погиб в 1938 году.

Пламенный патриот-борец и удивительно многогранная личность (поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, композитор, педагог и общественный деятель), Сакен Сейфуллин в памяти народа остался национальным героем. Имя Сакена Сейфуллина, поэта и гражданина, принадлежит не только истории литературы, но и всей истории казахского народа.

Значение творчества Сакена Сейфуллина выходит далеко за пределы казахской литературы. Его влияние на литературу братских народов — тема, требующая специального исследования. Выдающийся советский киргизский поэт А. Токомбаев, по его признанию, учился у Сейфуллина. Каракалпакский писатель М. Амирзаев также считает себя его учеником. Сакен Сейфуллин был личным другом и единомышленником узбекского писателя-революционера Хамзы Хаким-заде Ниязи и классика татарской литературы Галимжана Ибрагимова.

Высокую оценку писательскому и гражданскому пути С. Сейфуллина дали Г. Себрякова, Л. Соболев и другие русские писатели.

Творчество С. Сейфуллина оставило неизгладимый след в истории родной литературы. Оно оказывает заметное влияние и на современное литературное движение. Его преданность идеям пролетарской революции, новаторство, рожденное великой целью, являются высоким образцом для современных писателей. Особенно сейчас, когда партия и правительство так остро ставят задачу усиления роли литературы в строительстве коммунизма, учиться мужеству, целенаправленности у Сакена Сейфуллина — долг каждого литератора.

Пламенный большевик, борец за Октябрь, с оружием в руках защищавший завоевания революции, Сакен Сейфуллин и в жизни был настоящим гражданином, борцом, а в литературе — поэтом-трибуном. Все его творчество утверждает великие идеалы революционной борьбы: оно проникнуто гуманизмом, посвящено прославлению социалистического отечества, его вождя Ленина, ленинской партии. Сейфуллин по праву считается одним из основоположников казахской литературы.

С. КИРАБАЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мчись, экспресс! Лети, свети!
Вихрь во мгле крути в пути!
Как звезда в ночи, лети
Бурям всем наперерез!

Пусть от страха плачет трус,
Но храбрец не дует в ус!
Крепнет сила братских уз!
Мчись вперед! Лети, экспресс!

1. НУРА

Нура, вот я, хозяин прежний твой,
Пришел, томясь разлукою с тобой.
Но почему не слышишь ты теперь
Народный стон, проникнутый тоской?

Ты родиной была нам в дни невзгод.
Здесь кочевал казахский мой народ.
Теперь он стал посмешищем судьбы
И, потеряв тебя, в тоске живет.

Каких фазанов летнею порой
Встречали здесь мы в заросли густой,
Какой был шум людской и топот стад,
Как юрты ветер колыхал степной!

Средь райских здесь гуляли мы цветов,
А на ветвях твоих густых кустов,
Бывало, разливался ятичий хор,
Звеня с утра на тысячу ладов.

Долины эти радовали взгляд,
Паслись кобылы возле жеребят,
Шли богачи сюда и бедняки,
Вдыхая трав весенних аромат.

В твоей воде, средь струек ледяных,
Купались девушки, а мы на них
Глядели, притаясь среди листвы,
Любуясь ими в блеске брызг живых.

И как звенел чудесно птичий хор!
Как дружно порывался на простор!
А мы, подростки, тут же на лугу,
Кто всех сильней, борьбой решали спор.

Джайляу предков! Весело к тебе
Мы добирались по крутой тропе,
Ведя с собой кобыл и жеребят.
Скажи теперь мне правду о себе.

Сам знаю то, о чем, струей звеня,
Не хочешь ты оповестить меня

Свое ты горе не желаешь мне
Доверить, про себя его храня.

Прощай, Нура! Увидимся ль, как знать?
Дай бог тебе дни счастья испытать,
Тебя любивший станет слезы лить,
Пока с тобой не встретится опять.

Здесь птицы плачут, не поют о том,
Что радость приносило им в былом.
Так чем же я могу тебе помочь?
Отчаянье бурлит во мне огнем.

Между 1910 и 1913

2. ПЕРЕКОЧЕВКА НА ДЖАЙЛЯУ

Когда аулы спешат откочевать на джайляу,
В ранний рассветный час, когда небосклон поблек,
Все засуетится, работа пойдет на славу,
И вот уже понемногу розовеет восток.

Согнанные табуны злобно храпят и топочут.
Ловить коней с уздечками ринулся стар и мал.
Кто-то вскочит в седло, а кто-то бурдюк приторочит,
А кто-то уже и скачет, миновав перевал.

Кобылица необъезженная и молодая
Встает на дыбы. У наездника много забот.
И девушек верховых молниеносная стая
Съехалась и разлетелась, резко рванулась вперед.

Иные джигиты испытывают иноходцев,
Стремительных юношей радостно мчится отряд.
За возгласом — возглас, просторов ликующий отзыв...
И перья тюрбанов, и шарфы по ветру летят.

Аксакалы в пути. На лошадях годовалых
Подростки гонят стада к месту привала и сна.
В зеленых просторах, в закатах малиново-алых
Сольются небесная синь и шатров белизна.

Черными тучами с табунным рокочущим гулом
Задвигутся к водопою полчища тучных стад.
Желтые самовары растоплены саксаулом,
Напряжены арканы, стерегущие жеребят.

Только назавтра съезжаются аулы к аулам,
Празднуют лето, раздолье, пиршествуют, гостят.

Между 1910 и 1913

Душа моя сгорала от страданья,
 Когда я услышал твои рыданья,
 Сам чуть не плакал, руку взял твою,
 Преодолеть не в силах мук прощанья.

Я говорил: «Прощай, о друг мой нежный!»
 Ты отвечала: «Час вернется прежний!»
 Все спуталось, я разум потерял,
 «Прощай, прощай!»— твердил я безнадежно.

Я говорил: «Не позабудь, что было». —
 Ты, сдвинув брови, взор в меня вперила,
 И вдруг, едва коснулись губы губ,
 Твоя слеза мне сердце опалила.

Не знаю, как мне устоять случилось,
 Но сердце бешено заколотилось,
 А ты сквозь слезы говорила мне:
 «Да будет век с тобой господня милость!»

Забуду ль взгляд я влажный и печальный,
 Когда тебя я обнял в час прощальный,
 Забуду ли, как, утерев глаза,
 Глядела скорбно ты на путь мой дальний?

1913(?)

6. ТОСКА

Я измучен тоской, изнурен, обессилен тоской,
 О тебе, о тебе сны и мысли мои, и мечты,
 И придавлен тоской, я бреду в толчее городской,
 Неужели меня в этот миг не припомнила ты?

Может быть, ты в печали и так же грустишь обо мне,
 Иль, быть может, печаль незнакома тебе и чужда?
 С кем-нибудь ты играешь, а я погибаю в огне,
 Веселишься, шалишь и не вспомнишь меня никогда.

Ты вдали от меня, но усталому сердцу близка,
 Ты вдали от меня — ближе нет никого на земле!
 Вот я вижу тебя, и в груди шевельнулась тоска,
 И костер запылал, пробудился в притихшей золе.

Пусть неведом конец, уготованный нашей судьбой,
 Разлучившей нас в юности, снящейся и золотой,
 Даль окутана тьмой, я вдали, я в разлуке с тобой,
 Но до смертного часа ты будешь моею мечтой.

1913(?)

7. СОН

Мне снилось, что в пустыне я брожу,
 В чужой заброшенный вхожу я сад

И жаль мне, что деревья в том саду
Жестоким зноем скручены стоят.

Они засохли, свежесть потеряв.
Нет зелени, листочки все желты.
От жажды ли весь этот сад поблек
Иль божий гнев он принял с высоты?

Уж нет в нем буйного цветенья трав,
Их иссушил бесславно жгучий зной.
Где голубые, алые цветы,
Что некогда гордились красотой?

Везде деревьев слезы видел я.
Но что случилось, я хотел понять.
Согнулись лозы, словно и они
Всю тяжесть горя не могли поднять.

И я тогда спросил одну из лоз,
Но, бедная, к земле прильнув, она
Лишь шепотом могла мне ответить,
Росою горьких слез отягчена.

И вот какой услышал я рассказ:
«Мы были садом, полным красоты,
Здесь все цвело, и люди, приходя,
От изумленья раскрывали рты.

Хозяева забросили свой сад,
Великий начался меж них разлад.
Мы черные тогда узнали дни,
От нас и небо отвратило взгляд».

Проснулся я, былые вспомнил дни.
Иль только снилось мне, что сад цветет?
Неужто он на гибель обречен
И навсегда бурьяном зарастет?

А нужно, чтобы лозы в нем росли,
День ото дня цвели бы без тоски.
Аллах, дай молодости в счастье жить!
Молюсь за неокрепшие ростки.

1913(?)

8. КТО ПОВЕДЕТ МОЙ НАРОД

Народный вожак, ты подобен скале:
Укроешь от ветра, не бросишь во мгле.
Наш бедный народ — как заблудший ребенок,
И ты укажи ему путь на земле.

Будь мудр, бескорыстен не ради красы —
Народу отдай свои дни и часы.

Ведь те, что себя возомнили вождями,
Не зная единства, грызутся, как псы.

Никак они общий язык не найдут.
Какой же дорогой людей поведут?
Как выберут путь непутевым казахам,
Коль сами друг друга кусают, клянут?

Но что же случится с народом тогда,
Кто сможет помочь, если грянет беда?
И кто же поймет, как мы жадно стремимся
Из мрака кромешного к свету всегда?

Мы старших своих называем «ага» —
Им наша единая цель дорога.
Доверимся ль тем, кто нас всех ненавидит
И в каждом свирепого видит врага?

Нет, с теми ступай, кто в сиянье идей
Восстал против мрака — за счастье людей.
Кто сердцем и делом своим оправдает
Работу отцов и судьбу матерей.

Пусть наших «ага» окружает почет.
Их правда и мудрость нас к солнцу ведет.
Пусть словом высоким помянут потомки
Того, кто душою радел за народ.

1913(?)

9. ИСПОВЕДЬ КАЗАХА

Хотя бы имел ты и трон золотой,
Но, смертный, ты воле подвластен святой.
Великий творец! Я, судьбе покоряясь,
На горькой чужбине слыву сиротой.

В краю нашем сверстники в круг собрались,
Конину едят, наливают кумыс.
А я в нищете свою молодость трачу,
И губы от жажды корой запеклись.

В моих золотых и привольных степях
Прносятся юноши на скакунах.
А я здесь скитаюсь по улицам пыльным
На собственных, на бесталанных ногах.

Под кровом родительским жизнь хороша.
Живи, их заботой и лаской дыша.
А я богословье зубрю бесконечно,
Хотя по веселью изныла душа.

Но долю такую, дорогу тревог
Я сам выбирал — кто заставить бы мог?

Не хуже других, как наследник пророка,
Я тоже сумел бы плевать в потолок.

Но сладость науки — нет слаще плода! —
Дороже богатства и славы всегда,
Аллах, дай мечте моей осуществиться:
Ничто на земле человек без труда!

1913 или 1914

10. О НЕВЕЖЕСТВЕННЫХ БАЯХ

Как невежественны бай! Побирушки лучше их.
Кони их, дичая, бродят среди вихрей ледяных.
Ни убежищ, ни укрытий. Налетят два-три бурана,
И гниет в лощине падаль — им не жаль богатств своих.

Ничего они не знают — ни наук, ни ремесла.
Слово скажешь в назиданье, ждешь:
 не лопнут ли со зла?
Что за мудрость им известна? До того пустоголовы,
Что не могут даже толком сделать все свои дела.

Каждый труженник мне дорог,
 пусть живет он в простоте.
А невежда бай пузатый дни проводит в пустоте.
Он сидит кичась, и жиром у него глаза заплыли.
Он умрет, а не поможет бедняку и сироте.

Он богат, но ни монетки не отдаст он никому.
Он сидит, бездельник праздный, — жизнь такая ни к чему.
Ведь ремесленник последний лучше бая-паразита,
Не богат он, нет, но лучше — по душе и по уму.

Он поет — не унывает, пусть судьба и нелегка,
У него в руках работа, не страшна ему пурга.
Он сгибать не будет спину перед баем тупоумным,
Если только бог здоровьем не обидит бедняка.

Толстосумы! Эти мысли вам усвоить нелегко.
О добре и зле твержу я — все от слуха далеко.
Вам не стать людьми вовеки. Я клянусь, что вы глупее
Сосунка, что, ткнувшись носом, пьет парное молоко.

1913 или 1914

11. БРАТУ

Не довольно ль без дела валандаться, брат?
Пусть ученье и знание твой дух озарят,
Не давай обмануть себя детским забавам,
Приобщайся к наукам: в них — истинный клад.

Лишь тому, кто учен, открывается свет.
Не гадали об этом твой прадед и дед.

Лишь аллаху молились они да хвалились,
Что гостям подавали богатый обед.

Беззаботность и вялость их ввергли во тьму,
И просвета давно не видать никому.
Никому их не жаль, их никто не утешит.
Что за доля досталась отцу твоему!

Мы сидим в темноте, нам не видно ни зги.
А при свете живут и друзья и враги.
Вот и нам бы при свете пожить, как другие.
Свет мой, брат мой, свой факел поярче зажги!

1913 или 1914

12. СИРОТА

С малых лет один остался.
Сиротой так горько стать!
Ты слезами обливался,
Потеряв отца и мать.

На кого же опереться,
Кроме господ-творца?
Мать жива лишь в детском сердце,
Ты остался без отца.

Кто поможет, обласкает,
Если доля недобра?
Ах, как весело играет,
Как смеется детвора!

Ты один в большой обиде,
Боль и слезы не унять.
Ты без слез не можешь видеть,
Как сыночка гладит мать.

«И меня бы так жалели!»
Бедный мой! Одни мечты!
И на миг сдержавшись еле,
Снова всхлипываешь ты.

Пробегают дети в школу.
До того ль тебе сейчас!
Ты глядишь с тоской тяжелой,
Слезы падают из глаз.

1913 или 1914

13. ПОЭТ

Поэт, собеседник мой, друг и собрат,
С народом ты делишься всем, чем богат,
Ты делишься мудростью, опытом зрелым,
Труды твои наших детей одарят.

Ведь в слово прозренья твое внесено,
Заблудших из мрака выводит оно,
Оно, твое слово, всеильно, всевластно,
Живешь ты сегодня — иль умер давно.

Пускай ты скончался столетия назад,
Словам твоим тленья и ржа не грозят,
Могучи они: выпрямляют горбатых
И даже упрямого уговорят.

Для тех, кто умен, твое слово оплот,
Невежда зато его в толк не берет,
Глупца не исправишь, как ветку кривую,
Лишь пятится рак — но ни шагу вперед.

Слова твои все драгоценнее, друг,
Не зря молодежь повторяет их вслух,
Я тех разумею, в ком пламень дерзання,
А вовсе не тех, кто от лени опух.

Слова твои — злато для тех, кто умен,
А кто не гадал о судьбе испокон —
И слушать не слушает слов твоих дивных,
О счастье казахов не думает он.

1913 или 1914

14. ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Край казахский, родной! Мне тебя позабыть не дано,
И разлука с тобой, словно камень на сердце, тяжка.
Я вздохну о тебе — вот и сердце мое сожжено,
Тело сохнет в жару, а в душе поселилась тоска!

Край казахский, родной, снова слышу я шум камышей
Над озерной волной. В них уют отдыхающих птиц.
И мальчишки плывут, ухватясь за хвосты лошадей,
И тростник шевелят, шарят в поисках птичьих яиц.

Что за радость была на зеленых весенних лугах,
Где тюльпаны цветут у подножья высоких шатров,
Что за птицы поют на изогнутых, гибких ветвях,
Что за песни звучат у пастушеских шумных костров!

Край родимый, степной, мне тебя позабыть не дано.
От безмерной печали пылая и кровоточа,
Задохнется душа, вот и сердце мое сожжено,
И от горечи сердца кипящая кровь горяча.

Если даже засну, ты приснишься мне, край мой родной.
А проснусь, о тебе мне напомнит и утренний свет.
Никогда, никогда не искал я разлуки с тобой,
Но исполнить не смог самый давний и крепкий обет.

1913 или 1914 Омск

15. МЕЧТА

О мечта! На крылатом коне,
 Вихревые взметая метели,
 Позабыв о покое и сне,
 Ты летишь к неизведанной цели.
 Занесла надо мной свою плеть
 И меня обрекла на блужданья.
 «Что ты ищешь? — спросил я.—

Ответы!»

Говорит: «Исполненье желанья!»

Над хребтами заснеженных гор,
 Где колышутся горные тучи,
 Ветер в грудь ударяет в упор,
 Поднимаясь все выше, могучий,
 Как орел, вызывающий страх
 У лисиц, что бегут врассыпную,—
 О мечта, ты паришь в небесах,
 Только время теряя впустую.

Устремляясь в бескрайнюю даль,
 Распахнувши могучие крылья,
 Там добычу найдешь ты едва ль,—
 Тщетны все твои будут усилья.
 Вот бы сбыться желаньям твоим:
 Пусть обнимутся люди, как братья!
 Нестерпимую жаждой томим,
 Бег мечты не могу удержать я.
 Как у лошади плавная рысь
 Вдруг сменяется топотом дробным,—

Уплывает мечта моя ввысь,
 Облакам белопенным подобна.
 А заветная цель не видна.
 Да ее не найдешь ты, наверно!
 О мечта, возбужденья полна,
 Вдаль бежишь, словно дикая серна.

То, как призрачный, легкий мираж,
 Ты безмолвным виденьем мелькаешь,
 То, впадая в неистовый раж,
 Вспять речные потоки бросаешь.
 Половодьем весенним звеня,
 Неустанно колотишься в берег.
 О мечта, ты послушай меня —
 Не пора ль тебе ярость умерить?

Но, волнуясь, вольна и крепка,
 Будто плещет волна на просторе,—
 Ты, как море само, широка
 И бездонна, безмерна, как море.
 Нет конца и предела тебе.
 Всеобъемлюща, вечна, тревожна,

О мечта, в настоящей борьбе
Ищешь то, что найти невозможно.
Вихрь, поток, иноходец, стрела,
Птица, ветер и даже комета —
С чем сравниться б, мечта, ты могла.
В мире более быстрого — нету!

6 июня 1915

16. ЛЮБИМОЙ

В реку страсти я волью
Речи звонкую струю,
Ведь обязанность святая —
Славить милую свою.

Шея белая и грудь,
Хоть на миг бы к ним прильнуть,
Губы раз поцеловать бы,
А потом навек заснуть!

В красоте слились твоей
Чернобархатность бровей
С белым жемчугом улыбки,
С ясной звездностью очей.

Весь горю я, как в огне,
Весь живу я, как во сне,—
Если веришь этой правде,
Подари хоть слово мне.

Обойди весь белый свет —
В целом мире краше нет,
Лучше нет тебя, родная,
Светишь ты, как самоцвет.

Ты слилась красой земной
С неземною красотой,
Даже гурии из рая —
Где сравниться им с тобой?

Лучезарный взгляд и вид
Пусть меня развеселит,
А певец тебя тотчас же
Песней отблагодарит.

Сердца сладостную дрожь
Все услышат... Ну и что ж,
Про любовь мою большую
Пусть узнает молодежь.

Как светла твоя краса,
Как ясны твои глаза,

Щеки яблокам подобны,
 Стан — как гибкая лоза.

Среди розовых ветвей
 Я твой вечный соловей,—
 Хоть пять тысяч лет минует,
 Нет конца любви моей.

В реку страсти я волью
 Речи звонкую струю;
 Соловей, влюбляясь в розу,
 Славит милую свою.

Июнь 1915
 Наш аул «Есен»

17. В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Потемнела овражная падь,
 И свежающей почве под стать
 Холодеющие небеса,
 И горит на вечерней заре
 Жемчугами в литом серебре
 Осветившая травы роса.
 Весь аул собирается спать.

И поблескивает изумруд
 Самоцветных мерцающих груд
 Звезд, усеявших темную синь,
 Обезжавших степей ширину,
 Окружавших большую луну.
 Беззаботные звезды пустынь
 Невесомое золото льют.

Цвета воронова ли крыла
 Тень ветвей по воде проплыла?
 Пряди кос распустил, разметал
 И пустил по ленивой волне
 Куст; застывший в речной быстрине,
 И глядит в глубину краснотал,
 Что красавица в зеркала.

Вся в огне середина реки.
 Тихоструйные воды тяжки.
 Протянулся по зеркалу вод
 Свет астральный летящей стрелой.
 Продвигаются мерно вперед
 Угловатые волны гурьбой,
 Золотые бегут огоньки.

Эта полночь, как полдень, светла.
 Всю подлунную степь обмела
 Голубая роса серебром,
 Белым светом, атласом луны.

Белым шелком сплошной пелены.
Все сияет и блещет кругом,
И простор просветлен добела.

Плеск воды отошел в тишину,
Опустился к туманному дну,
Воздух нежен, а влага свежа,
И, немого блаженства полна,
Поплыла над землей тишина,
Над заснувшим аулом кружа.
И вселенную клонит ко сну.

Добрый, храбрый казахский народ
Здесь в степях прибалхашских живет.
Подарила природа ему
Воды чистые, травы в цвету.
Оцени же ее доброту!
Степь тиха. Ходит ночь по холму
И привольный покой стережет.

Одинокая поступь легка.
Укрываясь в тени ивняка,
На свиданье влюбленный идет.
Различая стихающий гул,
Узнает он знакомый аул.
Там белеет далекий намет,
Перед ним пламенеет река.
Он прилег. Но терпения нет.
Встал. Вгляделся в дробящийся свет.
Очи зорко вперил в черноту —
Никого. Ни души, ни огня...
«Может быть, позабыла меня
Иль решила, что я не приду?»
И тревожно шумит бересклет.

Может быть, не проснулась досель,
Столь тепла и воздушна постель?
Упоительно-сладок, горяч
Сон в такую прекрасную ночь...
Но с ресниц удаляется прочь,
Убегает, уносится вскачь
Сновиденья рассеянный хмель.

Эта полночь, как полдень, светла,
Но тоска тебе сердце свела.
Ждешь ты целую вечность, потом
Замечаешь: прошло полчаса.
А пока ты клянешь небеса,
Дорогая покинула дом,
Оглянулась, навстречу пошла.

Ты, не медля, выходишь вперед,
Словно ястреб, прервавший полет,

Если селезнь видит вдали.
Подаеть ей условленный знак.
Ну а сердце волнуется так,
Словно волны к нему подошли.
Кровь бушует и звонко поет.

И тебе ожиданья не жаль.
Раскаленная светлая сталь
Обожжет докрасна, дотемна,
И в крови ослепляющий взор
Разведет и потушит костер...
Быстрым шагом подходит она
Мягко падает жаркая шаль

Лишь воскликнешь: «Как поздно, опять!
Ты могла бы по-прежнему спать.
Ухожу! Натерпелся обид...»
А она, ни жива, ни мертва,
Второпях растеряла слова.
Только черную шаль теребит
И, не в силах себя оправдать.

Шепчет, робко касаясь плеча:
«Не могла отыскать я ключа...»
Но лучи опечаленных глаз
Лучше тысяч незначущих слов.
Ты поверить всегда ей готов,
Так бесхитростен этот рассказ,
Опьяненная кровь горяча.

Поцелуй ядовито-медвян,
Обжигает дыханья туман.
И рассудок, и совесть, и честь
Не смирят своевольную плоть,
И ее не дано побороть,
И трепещущих рук не развесть,
Обнимая изогнутый стан.

Сердце трепетом жизни полно.
Никому на земле не дано
Эту страсть одолеть, превозмочь,
Ты почти не живешь в этот миг
И вершины желаний достиг.
В казахстанскую летнюю ночь
Все на свете тебе все равно.

В небе — радостный заговор звезд,
Их задумчивый лепет непрост,
И, моргая, не сходят с постов
Их огни, позабывшие стыд.
И сочувственный шум шелестит —
Разговор низкорослых кустов.
А деревья стоят в полный рост.

Но меж ними доносчиков нет...
 Хлынет яростный утренний свет,
 Но в беспамятной смене ночей
 Эта долгая ночь лишь звено,
 И свиданье опять суждено.
 Неотривен печальных очей
 Соколиный прощальный привет.

Меркнет гурий пленительный круг,
 В окружении райских подруг
 Так блаженствовать ты бы не смог.
 Ведь сейчас ты пожертвовать рад
 Для любимой и жизнью стократ.
 И полет твоих мыслей высок.
 Светел день, зелен утренний луг.

Словно сокол, что взял на лету
 Лебедь белую и высоту
 Одолел горделивым крылом,
 Счастлив ты, и блаженствуешь ты,
 И душа на пороге мечты
 Запеваает... Летишь напролом
 Сквозь кусты, топчешь травы в цвету.

Жадной жажды водой не залить,
 Поцелуями не утолить
 И разлукой вовек не унять.
 Я тебя окликаю, шутя,
 Ты лепечешь, смеясь как дитя...
 Обнимаю опять и опять,
 Чтоб с дыханьем дыхание слить.

Стал восток все сильней розовець.
 Постепенно, как светлая медь,
 Блещет небо над высью холма.
 Солнце в гору идет. О, не раз,
 Молодые казахи, в тот час
 Мы в свои возвращались дома!..
 Пусть же все повторится и впредь.

Ноябрь 1915

18. ПЕЧАЛЬ

Моему другу
 Нигмету Нурмакову
 посвящаю.

Когда меня смерть поразит немотой
 И буду лежать под могильной плитой,
 Лишь стих мой останется после меня —
 Былого огня уголек золотой!

Прервутся мои торопливые дни
 Кончиной — попробуй ее обмани.

И будут стихи мои жить без меня,
Но кто объяснит, как рождались они?

А каждый сквозь сердце и душу пророс,
Вобрав в себя столько улыбок и слез!
Меж всеми стихи выделяли меня.
Я их, точно странник, по свету пронес.

Кому-то богатства дались без труда,
Но я не смотрю на чужие стада.
Я только о друге прошу для себя,
Чтоб горем я мог поделиться всегда.

Когда надо мною забота кружит,
Душа-мотылек в паутине дрожит
И силы уже покидают меня,
Лишь ты мне поможешь, мой верный джигит.

О, как одиноко и страшно в пути
Тому, кто не смог себе друга найти!
В слезах захлебнись, изойди от тоски —
Никто не протянет надежной руки.

Нет дела другим до несчастий моих,
Тебе лишь доверюсь, мой горестный стих.
Я гибну — огонь иссушает меня,
И тонет душа моя в волнах морских.

1915. Омск

19. НЕКОЕМУ...

И казахам, и татарам
Мне сиять бы солнцем ярим...
В лагерь избранных судьбою
Пробираюсь я не даром:

Я подладился к Жакану.
Оду стряпаю Акану,
А слова для этой оды
У Жусупа брать я стану.

Взял я фразу у Абая,
Стибрил строчку у Тукая,
Изреченья их присвоил,
Лестью кражу прикрывая.

Слов чужих стада не даром
Я сгонял к своим отарам,—
Обворованным в уплату
Я хвалил их всюду с жаром.

Нет, не зря я лез из кожи:
Я издал книжонку тоже,

Подарил родне, знакомым,—
Ведь автограф мой там все же!

Так вот к славе раз за разом
Рвусь я, не моргнув и глазом,—
Тот, кому дарю поддержку,
Поддержать меня обязан.

Январь 1916

Омск.

20. ОТ КОМПРОМЕТИРУЕМОГО

Чтоб ответить сплетням праздным,
Не бросал своих я дел.
И в белье копать грязном
Я привычки не имел.

Но тебя, «пиита века»,
Я вниманием почту.
Мнишь себя сверхчеловеком,
Покорившим высоту.

Но грешки-то, как заплаты,
На виду у всех людей,
Потому что сам себя ты
Губишь наглостью своей.

Ясно вижу, как в исподнем
Ловишь призрачный успех...
Не хотел тебе сегодня
Отвечать, но — душит смех!

Январь 1916

Омск

21 — 23. МАЙСКИЕ ДНИ

I

Все небо майское ломилось
От туч грохочущих, седых.
Внезапно хлынул бурный ливень,
И так же он неожиданно стих.
А солнце землю обласкало,
Природа пышно расцвела,
Ребята, выбежав из дома,
Бегут вприпрыжку вдоль села.
Как дышится легко, какую
Мир чистой свежестью омыт!
И раздается птичье пенье,
И сердце радостно стучит.

2

Прекрасен май! В лесах, в предгорьях
 Весенних шумов кутерьма.
 Мир пробудился. Отступила
 Лихая мачеха-зима.
 Луга украсились цветами,
 Вокруг деревья расцвели,
 А лес звенит оркестром птичьим
 В честь оживающей земли.
 На ветках и цветы, и почки,
 Сверкая, пьют весенний сок,
 Повсюду радостные пчелы
 С цветка летают на цветок.

3

Чудесен май! Весь мир зеленый
 Блестит в росе, как райский сад,
 Струятся жаворонка трели,
 Луга разносят аромат.
 А сердце, первую любовью
 Пылая, рвется на простор.
 На предстоящее свиданье
 Уже подписан договор.

Май 1916

24. . . .

Сердце музыкой обвито,
 Сердце впало в забытье,
 Слаще райского напитка
 Слово каждое мое.

Если сердце хочет счастья,
 Ты ему не прекословь,
 Упади в мои объятья,
 Подарю тебе любовь.

Обними меня покрепче,
 Я к губам твоим прижмусь
 И возьму тебя за плечи,
 И от счастья задохнусь.

Дочь степей, на зорьке ранней
 На меня, душа, взгляни.
 Слей с моим свое дыханье
 И щекой к щеке прильни.

Май 1916

25. ВОЛНЫ

Лодку озеро вздымает —
 Есть надежда на спасенье...
 Гул вулкана утихает
 И толчки землетрясения.

И волна народной бури
Не бушует бесконечно.
Пусть изгнанник брови хмурит,
Но печаль его не вечна.

Лишь в груди моей смятенье
Больно жжет, не затухает.
Лишь любви моей волненье
Никогда не затихает.

Июль 1916. Ереймен

26. СТРАСТЬ

Когда бы я владел крылатым скакуном,
Я б оседлал его серебряным седлом
И с девушкой вдвоем на этом скакуне
Я степью бы летел, куда угодно мне.
Скакал бы мой тулпар, копытами звеня,
И крепко обняла б красавица меня,
В объятьях бы ее-я, как дитя, держал,
И громкой песнею я степь бы оглашал,
И был бы так могуч мой голос молодой,
Что весь подлунный мир наполнил бы собой.
«Любимый!» — мне тогда сказала бы она,
Прильнула бы ко мне, покорна и нежна.
И день и ночь я с ней бы напролет —
Ведь правда, мой тулпар вовек не устает,
Но о своей мечте не тщетно ль я пою,
Целуя милую красавицу мою?

Июль 1916

Аул

27. СВЕТ МОЙ

За селом, подальше от огня
Я сидел, печальный вид храня.
Милая, любимая явилась,
Стала утешать она меня.

Дружбе доверять я перестал,
Но чиста, как солнечный кристалл,
Вновь моя красавица явилась —
Я опять таким, как прежде, стал.

Нежная! Как мед она сладка,
Речи — дуновенье ветерка,
А глаза сияют, словно звезды,
Вижу я их свет издалека.

Брови изогнулись, словно лук,
Платье ярко, словно летний луг.
Щеки — как налившиеся вишни,
Поцелуешь — грусть растает вдруг.

Губы как раскрытые цветы,
 Волосы, блестя от черноты,
 Легкой тучей падают на плечи!
 Дорогая! Свет мой! Это ты!

Грудь, как пена волн — пышна, бела,
 Плечи — как у лебедя крыла!
 О сарыаркинская богиня!
 Я хочу, чтобы ты опять пришла.

19 декабря 1916
 Аул С. А.

28. МЫ СПЕШНО СОБРАЛИСЬ В ПОХОД ВСТРЕЧАЯ СВОБОДУ

В степях царила ночь гнетущая,
 Ночь неизвестности и страхов,
 О, эта ночь, крыла простирая
 Над мирным племенем казахов!

О это чувство ожидания,
 О предвкушение рассвета,
 Несущего освобождение
 От самовластья ночи этой.

Мы верили — придет расплата,
 Мы солнце ласковое встретим,
 Красавцев скакунов крылатых
 Растили мы к минутам этим.

Мы знали — им придется первыми
 С зарею встретиться багряной,
 Мы ярко-огненные перья
 Вплели им в гривы, как султаны.

Красавцы пламенели гривами,
 Доспехи празднично бряцали,
 И любовалась степь игривыми,
 Гарцующими жеребцами.

Есть на востоке неприступная
 Гора, крутая и отвесная.
 Но что героям тропы трудные?
 Их окрыляет неизвестное!

И мы коней крылатых вздыбили
 По этим поднебесным тропкам.
 Нам крутизна грозила гибелью,
 Но что она сердцам неробким?

Туманы плавали косматые,
 Крутились пропасти в провале,
 Хвала вам, скакуны крылатые,
 Что выси неба штурмовали!

И вот мы дали озираем,
 Поправ вершину покоренную.
 Она над непробудным краем
 Встает сияющей короною.

Ее, вершину высочайшую,
 Окрасили лучи рассвета.
 Она сверкающею чашею
 К горящим небесам воздета.

Какое счастье нас наполнило
 И восхищенье обуяло,
 Когда бушующее полымя
 Полнеба яростно объяло!

Тогда мы глянули с вершины
 На нашу родину любимую —
 Увидели ее долины,
 Лежающие в тумане дымном...

Но кони не стоят на месте —
 Рвут удила от возбуждения.
 Они несут домой известие
 О солнечном освобождении.

Они летят крылатой стаею,
 Посланцы света и свободы,
 И слезы радости блистают
 В глазах казахского народа.

9 марта 1917

29. НОВЫЙ ГОД

«Весна! Весна!» — встречает нас
 Ребячий гомон дружный.
 То долгожданный пробил час:
 Повеял ветер южный.

Весь мир готов нежнее стать
 От жарких дуновений,
 И до зари тебя ласкать
 Рад ветерок весенний.

Звенят потоки вешних вод,
 Снег тает под ногами,
 И птица весело поет
 Пригожими деньками.

И все проворней ручейки
 Журчат на всю округу,
 И бог весть что, озорники,
 Спешат шепнуть друг другу.

Нам в новый год дано сполна
Раздольем наслаждаться,
Затем и радостна весна
Для малыша, для старца.

Моя весна, моя любовь,
Души моей награда,
Ну вот и ты явилась вновь!
О, как же сердце радо!

Март 1917

Аул С. А.

30. В СТЕПИ

В стороне степной, с рожденья мне родной,
Ожидал я ветра раннюю весной,
И поднялся теплый ветер-непоседа,
И оделась мигом степь в наряд цветной.

Плыли ветры из-за гор в сиянье дня,
Над ковыльными просторами звеня,
И дарили мне неслыханные вести,
Обнимая с братской радостью меня.

«Те, кто к равенству стремился с давних пор,
Кто к свободе устремился с давних пор,
Против злобных угнетателей восстали,
Ниспровергнув рабства тяжкого позор».

И от счастья грудь расширилась моя,
Встрепенулся, словно смелый сокол, я.
Звонким криком ширь степную оглашая,
Я приветствовал родимые края.

Мне в ответ склонились чашечки цветов,
И свершеньем самых лучших в жизни снегов,
Бурной радостью мне сердце охватило
Дуновение стремительных ветров!

Весна 1917

Акмолинск

31. ПОРОША

Наземь, кружась, опускается снег,
Ради земли он решился навек —
Вечный младенец и ангел беспечный —
Нынче покинуть небесный ковчег.

Бросил он небо, где, радуя взгляд,
Солнце с луною над миром горят.
Небо он бросил, чтоб землю нагую
К сроку одеть в драгоценный наряд.

Ввысь уношусь я на крыльях мечты.
Снег! В облаках путешествовал ты,
И над тобой танцевали созвездья,
Лился напев неземной чистоты.

Голые ветви с опавшей листвою
Ты серебристой покрыл бахромой,
Множеством на небе взятых оттенков
Вмиг изукрасил простор ледяной.

Выбелив грязь на земле трудовой,
Чистой и легкой ты лег плененой.
Нет беззаботней тебя во вселенной,
Радостней нет ничего над землей!

18 октября 1917

Акмолинск

32. А НУ-КА, ДЖИГИТЫ!

Ветром быстрым,
Сердца искры
Рассыпая там и тут,
Незаметно,
Огнецветно
Годы юности пройдут.

Вам, джигиты,
Жизнь открыта,
Вдаль стремите скакунов,
Не робейте,
Смело рейте
Выше туч и облаков.

С пылом юным
Бей по струнам!
С краснострунную домброй,
Пробуждая
Степь до края,
Обойдем простор родной.

Мы расскажем
В пенье нашем,
Как боролась беднота.
Пойте вместе,
Чтобы с песней
Сыпать искры изо рта.

Песня-пламя,
Вскинь крылами,
Чтобы пламенем твоим
Люд наш бедный
Был согрет бы,
А богач обжегся им.

Клич мы бросим
(В сердце носим):
«Беднота, объединись!»
Смело, дружно
Строить нужно
Новый мир, иную жизнь!

Выше флаги!
Жар отваги
Ты буди у всех в груди.
Песня-пламя,
Над полями,
Над просторами лети!
1917

33. НА ХОЛМЕ

На росистом холме на зеленом
Пел я песню под рокот домбры,
... Были степи
 светлы
 и щедры,
Но грустны были
Струнные звоны.
Простирал я задумчиво руки
Над домброю,
 над зыбкой струной.
Долго пел...
И подхватывал звуки
Буйный ветер —
Кочевник степной,
Бурей песня моя рождена!
Вечно жить и звенеть ей на свете!
И близка
 и понятна она
Лишь тому,
 кто неистов,
 как ветер!

1917

34. ПРОШЕДШИЙ ДЕНЬ

(ОСЕНЬ)

Леса роняют пышный свой наряд,
А были, как красавицы, одеты
В зеленый шелк: листы теперь лежат
Пожухлые, ничем уж не согреты.

Прекрасны были алые цветы,
Как губы спелые снохи-красотки,
Зовущие к любви, — теперь они
Увяли, свой окончив путь короткий.

И соловьи уж не поют зарю,
Они, поднявшись к небу, улетели.
В пустынных рощах больше поутру
Не услышать заливчатой их трели.

О том, что дни цветения прошли
И что пора настала увяданья,
Нам ныне возвещают журавли,
Курлыкая в отлете — на прощанье.

Лишились блеска небо и земля,
А старикам все тяжелей живется,
Прошло их лето — юные года,—
И, жди не жди, оно уж не вернется.

1917. Акмолинск

35. ЕСЛИ ДОПЫТЫВАЕШЬСЯ — СКАЖУ...

Скажу, коль хочешь, откровенно:
Грудь, как хорошая домбра,
Полна напевов сокровенных,
Мелодий счастья и добра.
Лишь опусти на струны руки —
Из сердца, словно из домбры,
Польются радостные звуки,
Как драгоценные дары...

Я пел бы радостные песни,
Да жизнь мне петь их не дает.
Но от земли до поднебесья
Передо мной весь мир встает —

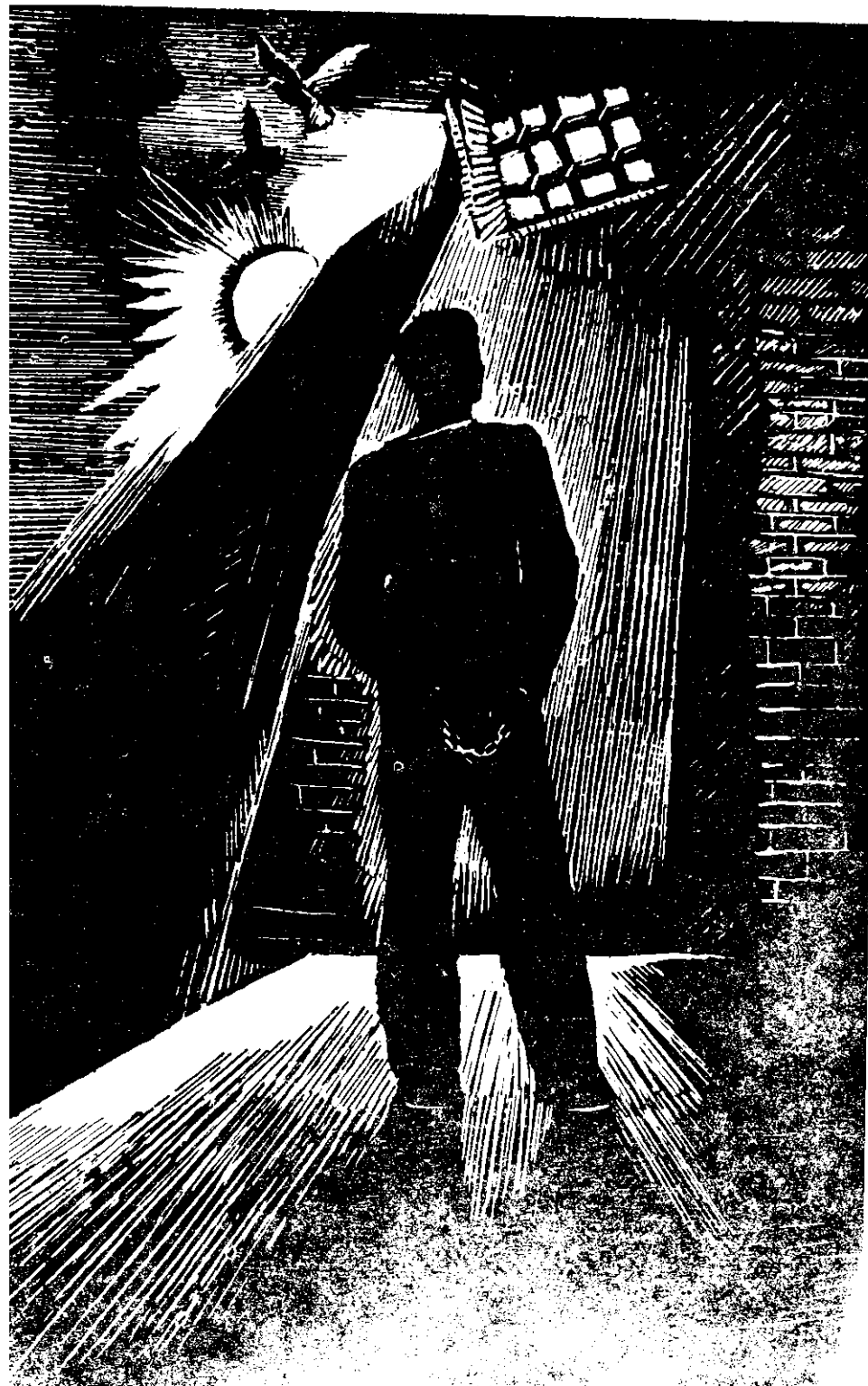
Несправедливость, и обиды,
И торжествующее зло,
И люди, добрые лишь с виду,—
О, как на сердце тяжело!
И, видя неимущих слезы,
Слезами плачет грудь моя,
В очах моих сверкают грозы,
И песнь борьбы слагаю я.

1917. Акмолинск

36. В ЗАТОЧЕНИИ

Люди накрепко забыли
Заключенного в тюрьме.
Что с того! Сама природа
Не забыла обо мне!

Вижу я, как дружным роем
Улетая в вышину,

С песней жаворонки вьются,
Славя раннюю весну.

Со степных просторов ветер
Веет запахом цветов
И приносит из аула
Дым знакомых очагов,

Брызжут солнечные блики
Между звеньями оков.
Посетив меня украдкой
И мою ослабив цепь,

Показала мне Свобода
Ширь твою, родная степь.
Понял я, что равен долей
Узник с богом и царем,

Целый мир со всей природой
Я вместил в себе самом.
Сквозь решетку долетает
Дуновение ветров...

Я сижу в тюрьме под стражей,
Плоть моя в плену врагов,—
Дух же мой вольнолюбивый
Недоступен для оков!

Июнь 1918
Акмолинская тюрьма

37. МОЙ КРЫЛАТЫЙ СКАКУН

МОЛЬБА УЗНИКА

Я изнываю от жестоких мук
В глухом мешке с решеткой на окне.
О мой крылатый конь, мой верный друг,
Примчись, сорвавшись с привязи, ко мне!

Мой талисман хранил тебя от бед.
Оглаживал я шерсть твоих боков.
Так выноси меня на белый свет,
Освободи от тяжести оков.

Умчи меня на волю, вороной,
Поскачем, споря с ветром, в дальний путь,
Пусть пена серебристою волной
В пути не раз твою омоет грудь.

Пусть прогрехочет степью гром копыт
И отзовется эхом среди гор,
Пусть по долинам топот прозвучит
И над водой моих родных озер.

Помчусь к реке, синеющей вдали
 В леса, в предгорья, на простор степей
 И поклонюсь поклоном до земли
 Многострадальной родине моей.

Июль 1918

Акмолинская тюрьма

38. ЗАБЛУДИВШИМСЯ

СЛОВО ЗАКЛЮЧЕННОГО

В того, кто с бедными делился
 И против сильных выступал,
 В того, кто из когтей насилья
 Забитый люд освобождал,
 В того, кто вас любил по-братски
 И шел за правдой по следам,—
 В того кидали вы камнями,
 Чтоб подлизаться к господам.
 Всех вас — и молодых и старых —
 Клянусь в ответчики привести
 На суд народный и небесный,
 Коль те суды на свете есть!

Июль. 1918

Акмолинская тюрьма

39. СОСКУЧИЛСЯ Я

Я не знал застенков сроду,
 А теперь мою свободу,
 Кандалы надев мне с ходу,
 На семь заперли ключей.

Сторожат меня напрасно,
 Ведь соскучился я страстно.
 Из тюрьмы я ежечасно
 Уношусь в мечте своей.

Все в тюрьме вокруг заснули,
 Что с того? В тиши и в гуле
 Я мечтой всегда в ауле
 Светлом, радостном, родном.

Степь зеленая, густая,
 Без конца она и края,
 Вместе с ней семья родная
 Ждет меня в кругу своем.

Я грущу о милой юрте,
 О родном своем приюте,
 По коням, по горной крути,
 По прозрачности озер.

Тяжек этот плен постылый,
Я соскучился по милой,
Пусть мечта с могучей силой
Мчит меня в степной простор.

Не узнают злые судьи,
Но зато узнают люди,
Что меня питали грудью
Только родина и мать.

Мать меня всегда ласкала,
И с улыбкой привечала
Юных дней моих начала
И умела все прощать.

Я в своей тоске и горе
О степном грущу просторе,
О степном, зеленом море...
Я грущу по скакунам.

Этим часом полуночным
Я грущу по травам сочным,
По горам бело-молочным,
По лесам и по степям.

1918

Акмолинская тюрьма

40. ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ

Я не выдержал неволи.
Клетку темную разбил,
Словно конь в широком поле,
Вновь на землю я ступил.

Уф! Как я взмахну крылами,
Словно сокол, полечу,
Землю вместе с небесами
Я в объятья заключу.

Не по мне темницы мерка —
Мне тюрьма сжимала грудь.
Как в неволе вольный беркут,
Я не мог крылом взмахнуть.

Без предела и без края,
С табунами и с людьми
Степь, свободная, родная,
Ты к груди меня прижми.

Разве можно мириться с невольничьей долей,
Не желать наступления лучших времен?
Разве может джигит примириться с неволей,
Если отроду мужества он не лишен?

Снова — вот они — небо, леса и просторы.
 Вот — свободная степь. Вот — степной мой народ.
 Снова — вот они — реки, озера и горы.
 И летят степняки, мчатся кони вперед.

Уф! Помчусь я, уф, начну я
 Степь копытами толочь,
 Степь дневную и ночную,
 Буду мчаться день и ночь!

Ты — свободен! Ты — джигит!
 Жизнь тебе принадлежит.

Воздух воли! До отказа
 Надышусь им поутру.
 Уф! Глубоким вздохом сразу
 Воздух весь в себя вберу.

Март. 1919
 Вокзал Омско-Кулундинской ж. д.

41. В НАШЕМ КРАЕ

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ИЗГНАНИИ

В нашем крае вам не счесть больших озер,
 В нашем крае вам не счесть лесистых гор,
 В нашем крае счета нет отважным людям,
 Населявшим с давних пор степной простор.

Воды родины моей,
 Широта моих степей —
 С вереницами кочевий
 И цепочками гусей!

Мне, Сары-Арка, втройне
 Тяжко в дальней стороне,
 О твоих родных просторах
 Не с кем слова молвить мне!

В нашем крае все джигиты-удальцы,
 Все охотники, батыры и певцы,
 Об их доблести и щедрости безмерной
 По степям летит молва во все концы.

Как тулпары, мы сильны,
 Словно соколы, вольны,
 Укрощать коней строптивых
 Все мы сызмальства должны!

Эх, Сары-Арка! Втройне
 Тяжко в дальней стороне,
 О твоих родных просторах
 Не с кем слова молвить мне!

В нашем крае что ни девушка — краса,
Зубы — жемчуг, блещут звездами глаза,
Грудь пуховая, раскидистые косы,
Тонкий стан ее как гибкая лоза.

Эх, аул свободный мой,
Взгляд любимой и родной,
Я скучаю по невесте,
По красавице степной!

Баловница ты моя,
Как в тебя влюбился я,
Мне твое любое слово
Слаще пенья соловья!

В нашем крае что ни девушка, то клад,
Голоса, как родники, у них звенят,
Губы с розовыми схожи лепестками,
Нраву мягкому их каждый будет рад.

Эх, аул свободный мой,
Взгляд любимой и родной,
Я скучаю по невесте,
По красавице степной.

Баловница ты моя,
В облик твой влюбился я,
Мне твое любое слово
Слаще пенья соловья!

Апрель 1919
Баян-Аул

42. ПРЕДКАМ

В черный век меня постигла тьма невзгод
Уповаю на творца я в тяжкий год,
Нашим пращуром был Тока вдохновенный,
От него и начался наш славный род.

Деды — Ескене, Байбек и Жанибек...
Пращур мой, благослови меня навек,
Испытал я много трудностей и бедствий,
Но провел я жизнь как честный человек.

Ор, Оба, Есен, Нура — мои края,
Куандыка-Каратока старый род — родня моя,
На защиту предков, отпрыск их строптивый,
В час тяжелый возлагал надежды я.

Вся вина написана на лбу:
Против сильных мира начал я борьбу,
Равноправья я для бедных добивался,
Добывал народу лучшую судьбу.

Весь мой грех — я получил на время власть,
 Посбивал с господ кичливых спесь я всласть,
 Бедноту оберегал от произвола,
 Не давал богатым баям вволю красть.

Защищал от грабежа и от вреда
 Был всем сердцем с бедняками я всегда
 И на подкупы и взятки не польстился,
 Правый путь не покидая никогда.

Век жестокий разлучил меня с конем,
 По чужбине указал брести пешком,
 Поднял он на высоту меня однажды —
 А затем меня низверг одним броском.

Из всего большого рода только мне
 Довелось пускаться в путь не на коне,
 И покрылись мои ноги волдырями
 На дорогах в чужедальной стороне.

В тех селеньях, где пешком я проходил,
 До конца я чашу горечи испил,
 Выдавал себя за путника простого,
 А о прошлом тайну в сердце сохранил.

С малолетства я избрал особый путь,
 И, намеренно ветрам подставив грудь,
 Поднял знамя угнетенного народа,
 И сумел его над степью развернуть.

Был мой путь тернист и труден до конца,
 Упавал я на единого творца.
 Предки наши! Спорит с миром ваш потомок,
 Поддержите в буре смелого пловца!

Май 1919

Баян-Аул

43. МАРСЕЛЬЕЗА КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Вступай в ряды свободных граждан,
 Пойдем дружнее на врага,
 На бой мы выйдем вместе с каждым,
 Кому свобода дорога.
 Отмстим злодеям-мироедам
 За годы тьмы, за годы зла
 Отныне нам пора пришла
 Идти к решительным победам.

Идемте, граждане,
 Своим путем!

Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Нам царь в несчастье не подмога,
Защита взяточнику он.
Простой народ живет убого,
Забит, унижен, оскорблен.
Мы — как бездомные собаки,
Нас ненавидят все сильнее,
Нас не считают за людей,
Нарочно держат нас во мраке.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Народ, правами обделенный,
Мерзавцы грабят без стыда,
Страданья терпит угнетенный
И от властей и от суда.
Они выказывают норов,
И кровь чиновники сосут.
Зато всегда и власть и суд
Стоят на страже живодеров.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!
Хоть кровожадных мироедов
Еще у нас хоть отбавляй,
Но, тиранию их изведав,
Мы от нее очистим край.
А проходимцев мы проучим,
Чтоб неповадно было им,
И всех, кто борется, сплотим
Под нашим знаменем могучим!
Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Пускай бы дольше тьма не длилась,
Воспрянул духом бедный люд!
Отныне свет и справедливость
Дорогу к радости пробьют.
Введем свои установленья
И учредим порядок свой!
Вовек да будет проклят строй
Самодержавного правленья!

Идемте, граждане,
Своим путем!

Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Да обретут права народы,
От века ведавшие гнет!
Во имя братства и свободы
Пускай насилие падет!
Страной мы сами править будем,
Верша свой каждодневный труд.
Знамена красные несут
Свободу всем на свете людям!

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Август 1919
Арка

44—46. В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

К ДОМБРЕ

Бывает ли душа спокойна, если нас
Она к отмщению зовет в тревожный час?
Возьму-ка я домбру и вместе с ней спою,
Чтоб говором струны прогнать тоску свою!

Из можжевельника подставка под струной,
Домбра в моих руках беседует со мной.
А ну, домбра, греми, чтоб песнь, уйдя в полет,
Могла поведать всем, как мой народ живет.

Тебе бы петь, домбра, теперь на новый лад,—
Ведь струны боль и гнев скорее заглушат.
Ты видишь — человек отчаяньем убит,
И мир его душе ничто не возвратит.

Мелодию свою излить, домбра, спеши,
Ты — пламя из груди, ты — исповедь души,
Бросая тело в жар, смятение и дрожь,
Ты — пламя из груди, ты — исповедь души,

К ЛЕБЕДИ

Печали стон доносится ко мне...
Иль это женщина там слезы льет,
Иль кто другой томится от тоски
И все себе покоя не найдет?

О нет, то лебедь горестно кричит.
Весть о себе я с ней послать готов.

Эй, лебедь, отнесешь ли мой привет
Сары-Арке, земле моих отцов?

Есть там одна мне близкая душа,
Она рыдает, горя не тая,
И день и ночь, со мной разлучена.
То не любовница, то мать моя.

Мечтаю я: когда бы крылья мне,
Я к ней бы полетел ее обнять.
Чтоб раненое сердце исцелить,
Нуждается в сыновней ласке мать!

МОЕМУ ТЕМНО-РЫЖЕМУ КОНЮ

Что ты храпишь, мой темно-рыжий конь?
Иль хочешь снова ты в Сары-Арку?
Иль надоело на чужбине быть
И разделять изгнанника тоску?

Томишься ты, со степью разлучен,
Где вольным был и радостным твой бег?
Устал судьбу с изгнанником делить,
Кому достался беспокойный век?

Верь, мы еще вернемся в край родной,
Где люди дружной встретят нас семьей!

Октябрь 1919
Голодная степь

47. АУЛ БЕГЛЕЦА

Ночь холодная темна,
Ветер, ветер — без конца,
Туч зловещих пелена
Над аулом беглеца.

Только три в ауле том
Юрты прячутся меж гор,—
На пути стоят крутом
Всем врагам наперекор.

Лишь в одной горит огонь,
Чуть мерцающий в ночи,
Возле каждой юрты — конь,
Тронь поводья — и скачи.

За белдеу — сталь копыа,
В юрте — меткий карабин.
Я беглец, однако, я
В этой юрте не один.

Непроглядна темнота,
Ветер бесится со зла,
А внизу — глуха, пуста —
Степь-пустыня залегла.

Из мужчин никто пока
Из похода не пришел.
Да, судьба их нелегка,
Путь опасен и тяжел.

Бьют джигиты беляков,—
Ускользнул я от врагов;
Сколько дней я и ночей
По степям летал — ничей!

Здесь теперь, хоть ночь темна,
Я у доброго огня,—
Я да женщина одна,
Что сидит вблизи меня,

Что, откинув полог прочь,
Вдруг из юрты в ночь идет,
Чутко вслушиваясь в ночь,
Долго ходит взад-вперед.

А воротится — в очаг
Накидает баялыш,
Говорит мне: «Ну и мрак!
Зря, голубчик, ты не спишь».

«Женгетай, поверь в моем
Положенье не до сна:
Ночь темна, враги кругом,
Как ты справишься одна?

Ты и мне возможность дай
Вслушаться в ущелий гул.
Будем вместе, женгетай,
От врагов беречь аул.

Конь сюда примчал меня,
Слышишь стук его копыт?
Он, не кормленный два дня,
Под седлом еще стоит.

Знал, что мчимся мы домой,
Дума лишь о нем сейчас,—
Дорогой товарищ мой,
Жизнь и честь мою он спас».

«Да, голубчик, все пройдет,
Горе мимо пролетит,
Многое переживет
Храбрый юноша-джигит

Конь и через удила,
Если нужно, воду пьет,
А джигит — пускай скала
Встретится — тропу пробьет.

Знай, всему приходит срок,
Справедлив народа суд,
И тебя всегда, сынок,
Люди честные поймут.

Если конь твой просо ест —
Для него народ не скуп.
Для тебя здесь тоже есть
Суп-коже, хороший суп».

«Верно говоришь, женгей,
Что приходит срок всему...
С кормом, будь добра, скорей
Выйди к другу моему.

Сам-то я не буду есть,
До еды охоты нет.
Жду одну я нынче весть,
Принесет ее рассвет.

Жду я цокота подков,
Мне глядеть не время сны...»
— «Вести от большевиков?
С нашей, значит, стороны?»

Ну, так жди. Придет пора —
Тронешься по той тропе,
Что за юртою. С утра
Укажу сама тебе.

Отдохни, поспи, сынок,
Ведь еще далек рассвет;
Хочешь, для тебя, сынок,
Постелю я текемет?»

«Женгетай, благодарю,
Не стели мне, спать не срок,
Должен встретить я зарю
Сам — глазами на восток»...

Ночь холодная темна,
Ветер, ветер — без конца,
Туч зловещих пелена
Над аулом беглеца.

Только три в ауле том
Юрты прячутся меж гор,—
На пути стоят крутом
Всем врагам наперекор.

Лишь в одной горит огонь,
 Чуть мерцающий в ночи
 Возле каждой юрты — конь,
 Тронь поводья — и скачи.

За белдеу — сталь копья.
 В юрте — меткий карабин.
 Я беглец, однако, я
 В этой юрте не один.

Из мужчин никто пока
 Из похода не пришел.
 Да, судьба их нелегка,
 Путь опасен и тяжел.

Ноябрь 1919
 Голодная степь

48. ПОДАВЛЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Настроенье мое, ты горело костром,
 Против зла поднималось ты в гневе святом.
 Словно беркут, не раз в вышине ты парило;
 Словно мед, ты в любви растворялось потом.

Настроенье мое, ты с тоскою борись,
 Вновь крылом размахнись, ввысь,
как прежде, стремись,
 Ты не будь удрученным таким, угнетенным,
 Светом битвы опять изнутри загорись.

Мы с тобою знавали получше года,
 Сколько наших врагов дали тягу тогда,
 А сегодня великое красное солнце,
 Словно черная туча, затмила беда.

Ночь упала на землю. Куда ни шагнуть —
 Всюду свора врагов преграждает нам путь,
 Недобитые змеи в нас жала вонзают,
 Словно пуля, печаль поразила мне грудь.

Настроенье мое, не сдавайся ты зря,
 Распрями свои крылья, по небу паря,
 Хоть гнетет еще темная ночь нас сегодня,
 Но займетса, займетса вновь наша заря!

1919

49. В ГОРАХ

Еду темной ночью среди гор,
 Оглашая песнею простор.
 Конь мой чуткий чуть прядет ушами.
 Захожу — помчит во весь опор.

Мой тулпар, мой сокол — белый конь —
 Не боится никаких погонь.
 Полной грудью я весну вдыхаю.
 В небо конь взвывается — только тронь.

О пышноволосая,
 О сладкоголосая,
 Черноокая моя!
 На тулпаре
 На свиданье еду я!

Песню о любимой я пою,
 Разгоняя и смиряя прыть свою.
 Дорогая, очи не смыкая,
 Слушай песню звонкую мою.

Лунным светом конь мой освещен,
 Грациозно выступает он.
 Тает в сладком воздухе мой голос,
 Уносясь за дальний горный склон.

О пышноволосая,
 О сладкоголосая,
 Черноокая моя!
 На тулпаре
 На свиданье еду я!

Слушай песню, милая, не спи,
 Сонные ресницы разлепи,
 Выберись украдкой из юрты —
 Будет ждать любимый твой в степи.

Ты меня увидишь на коне,
 Подбежишь ты радостно ко мне —
 Затрепещет белая накидка,
 Затрепещет сердце в тишине...

О пышноволосая,
 О сладкоголосая,
 Черноокая моя!
 На тулпаре
 На свиданье прибыл я.

Ночь — как занавес — у самого лица,
 Ты укрой влюбленные сердца.
 Сколько б мы с тобой ни целовались —
 Длится наше счастье без конца.

О пышноволосая,
 О сладкоголосая,
 Черноокая моя!
 На тулпаре
 На свиданье еду я!

50. ВЕСНОЮ

Сумерки. Вечер. Горы весною.
 Скалы умылись свежей росой.
 В лунном струящемся платье природа —
 Словно красавица под фатою.

Горы вокруг серебром орошая,
 Звездами светлыми даль украшая,
 Месяц плывет. Лишь утесы надменно —
 Грудь против груди! — стоят, угрожая...

Эхо все вдаль свои катит рулады.
 Чудо! То шепчутся горы-громады.
 А под скалой притаился кустарник.
 Будто папахи недоброй засады.

Шорохи листьев необычайны —
 Ветер поведал им новые тайны,
 В грудь твою вдруг соловьиная песня
 Входит, услышанная случайно.

Горы мои! Осенили вас новью
 Фея Весна с доброй феей — Любовью.

1919

Поднялась в пустыне грозная пурга —
 Не увидишь ничего за два шага,
 Но в большой надежной юрте богачи
 Благодушно разлеглись у очага.

Веселы они, поспав, попив, поев,
 Да и скот у них давненько загнан в хлев.
 Дела нет им до бедняги старика,
 Что бредет сейчас в степи, окоченев.

Замерзает заблудившийся старик,
 Закричал бы, только кто услышит крик?
 Снег свистит и бьет наотмашь по лицу,
 Снег за ворот и за пазуху проник.

За плечами — отощавшая сума,
 Небогатая, как жизнь его сама,
 Нет ни дома у бедняги, ни родных,
 Для таких, как он, безжалостна зима.

Вот совсем уже он выбился из сил,
 Встал на месте он и смерти запросил.
 Летом — жажда, а зимою — злой мороз,
 Если беден, то и белый свет немил.

Все свирепее летит колючий снег...
«О аллах! — воскликнул старый человек.—
Умираю!» — И лицом упал в сугроб,
И не смог уже поднять застывших век.

«Уу... гу-гу...» — летит, свистит над ним буран
И гремит, как Ледовитый океан,
Заметает человека с головой,
Жаждой черного злодейства обуян.

Так беснуйся же, неистовствуй, пурга!
Богачи сейчас сидят у очага,
Только с бедными ты можешь совладать,
Только к бедным ты безжалостно строга.

1919

52. В ЛАДЬЕ

Когда ты в море выведешь ладью
И морю вверишь ты судьбу свою,
Плыви вперед и с курса не сбивайся.
Пусть шторм грозит у бездны на краю

Залить твой челн, пусть бесится вода,
Пусть угрожает гибелью беда —
Плыви вперед и с курса не сбивайся,
Греби сильнее, будь крепче, чем всегда.

Спокойно пой, когда морская гладь
Чиста, спокойна — хоть рукою гладь,
Но пой сильнее, мужественней, громче,
Когда начнет кипеть морская гладь.

И горе знай, и радости любви,
Плыви и ветер парусом лови,
И в царство справедливости и счастья
Ты приплывешь!

Раз ты в пути — плыви!

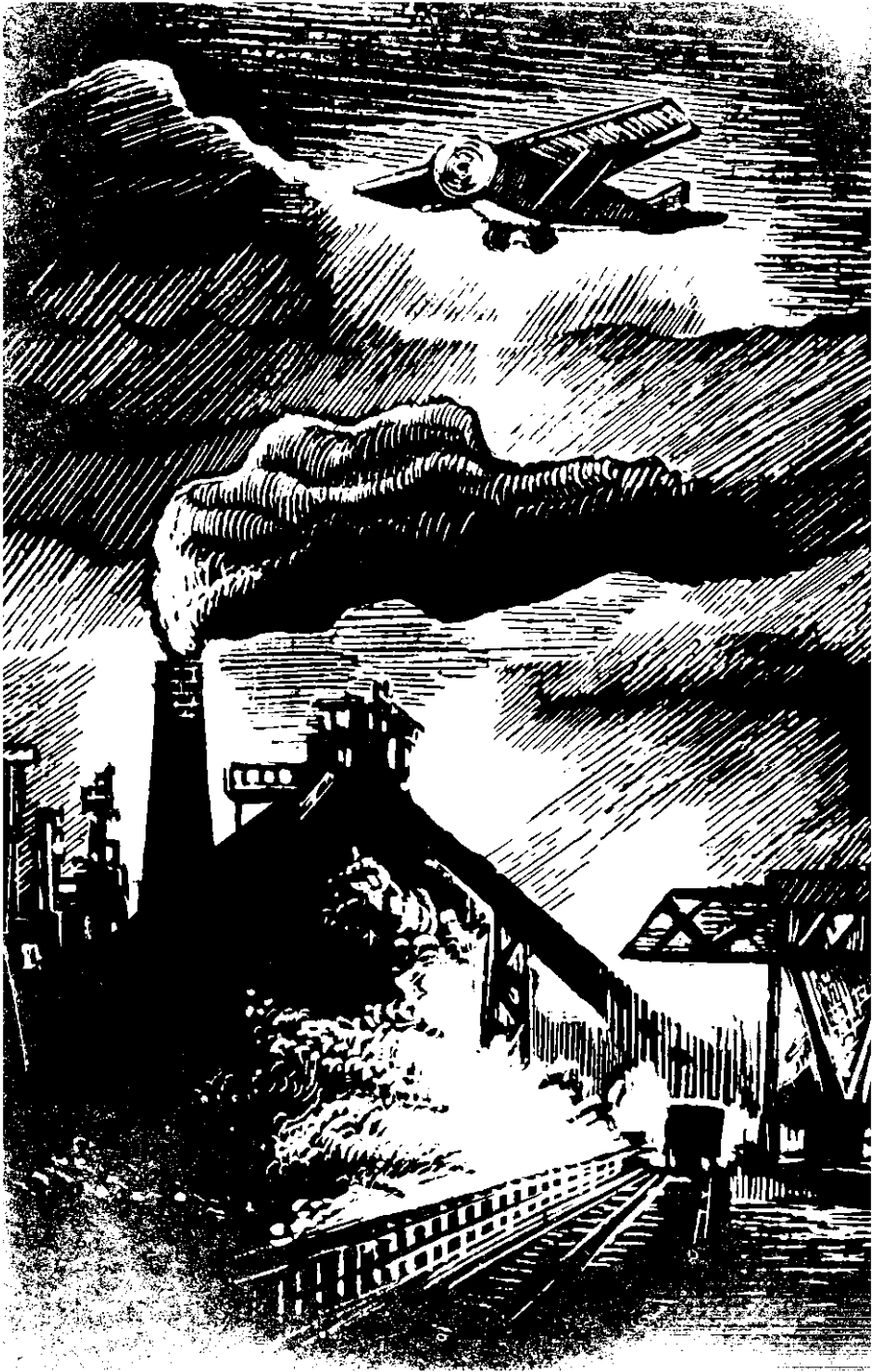
Октябрь 1920

Оренбург

53. БАЛОВЕНЬ МОЙ

(СВОЕМУ НАСТРОЕНИЮ)

Наподобие тулпара,
Одичалого притом,
Ты вперед стремишься яро,
Утомляешься потом,

Ты под солнцем расцветаешь,
Озаряя светом ум,
Ты под солнцем отдыхаешь,
Замираешь ты от дум...
Ты, сшивая землю с небом,
Мчишь, как сокол, в небосвод
Ввысь, туда, где раньше не был...
Ищешь меда...

Где он, мед?
Иль на мед проходит мода?
Не жалея лучших сил,
Ты летал и вместо меда
Лишь отраву находил.

28 января 1921

Оренбург

54. ВОРОНОЙ СКАКУН

(ПАРОВОЗ)

Вот он тронулся с места, скакун-паровоз,
Вот чудовищно, грозно, протяжно заржал
И с достоинством, ровно вагоны понес,
А потом уже скорость и силу набрал.
Он пошел все скорей, все скорей и скорей,
Грохоча, рокоча, вырываясь вперед,
Ослепляя глазами своих фонарей,
Он свирепо пыхтит и натужно ревет.
Загудела под ним, задрожала земля,
Он уж мчится — стремителен, неудержим.
Черный дым, клочья пара и пыль от угля —
Все летит ураганом, клубится за ним.
Он несется, он мчится, он пулей летит,
Под ногами его прогибается сталь,
Брызжут искры, порывисто ветер свистит,
Тучи гари и пламя уносятся вдаль.
Он летит через горы, леса и поля,
Все и вся, расступаясь, дают ему путь,
Лишь иные, ногами едва шевеля,
В страхе даже не могут с дороги свернуть.
Он безудержно рвется вперед и вперед,
Он пронзает пространство легко, как стрела,
Он одну за другою преграды берет,
Он несется быстрее степного орла
И пыхтит от натуги: «Бум-бум! Я лечу!»
И уже, как комета, летит над страной.
Мы кричим от восторга: «Лети! Чу-чу-чу!»
Мы гордимся тобою, скакун вороной!»
Этот сказочный конь, это чудо земли
Было создано вправду для богатырей,
Для того, чтоб они без помехи могли
Белый свет облететь от морей до морей.

Этот гордый скакун, паровоз-великан,
Создан теми ж ручищами богатырей,
Что открыли дорогу народам всех стран,
Свергнув страшную власть богачей и царей.
Занимается дух от свершений твоих,
Созидатель великого чуда, народ.
Твой ликующий клич пробудил и других,
Значит, к братству и общей свободе — вперед!

Январь 1921

Оренбург

55. Мы

Абдулла Асылбекович,
тебе посвящаю,
мой верный товарищ

Мы — непокоренные дети степей,
Никем еще не были взнузданы мы.
Мы выросли в смелой семье бунтарей,
Боролись мы с властью насилья и тьмы.

Простор и Свобода — наш гордый удел,
Могли ль мы принять прозябанье во мгле?
Врага же, что нас заарканить хотел, —
Мы сами умели тащить по земле!

Мы выросли турами Сары-Арки,
Джигиты, чья сила и дух — высоки!

В борьбе с деспотизмом — готовы к боям,
За равенство шли мы в поход — и не раз
Мы падали в темень предательских ям,
Которые недруги рыли для нас.

Бросали безжалостно наши тела
На каменный пол крепостного мешка,
И вся наша жизнь молодая была
На мушке винтовки, на грани штыка...

Под злобной пятою царя-палача
Почти потеряли мы облик людской...
Метались, как раненый лев, — горяча
В крови нашей ярость сменялась тоской.

Засохшая корка, воды котелок —
Лишь этим в застенке ты жизнь сохранил...
На голом полу мы лежали, дружок,
Нам бутовый камень подушкой служил.

И угольной пылью, ее чернотой
Мы были покрыты, лишенные сил,

И угольный дым, беспросветный, густой,
В тюрьме наши легкие злобно коптил.

Следы кандалов не сошли с наших рук,
Дорога была и трудна, и долга...
Каких только, друг, испытаний и мук
Терпеть не пришлось нам в застенках врага!

Мы ждали, мы знали, что зори взойдут,—
И вот мы под солнышком красным живем!
И мы прославляем свой радостный труд,
Владыкою мира его мы зовем.

Буржуя и пана прогнали мы прочь —
Для них уже праздности кончились дни:
Терпеть их безделье нам больше невмочь,
Пусть в нашей упряжке походят они!

Пускай испытают на шкурах своих,
Как доля народа была нелегка —
Страданье и горе людей трудовых,
Которых они истязали века.

27 февраля 1921
Оренбург

56. КРАСНЫЕ БОГАТЫРИ

Кто был тем, кого веками
Бай, мурза и царь душили,
Били, как собак, ногами,
Сами ж — в белой юрте жили?
Кто в безмолвье черной ночи
В закопченной юрте плакал
И, когда уж нету мочи,
Наземь падал?
Это мы!

Кто сгибал пред баем спину,
Признавал его за бога,
Чуть надежду не отринул,
Распростертый у порога?
Это мы!

Кто в душе утратил твердость,
Босяком себя считая,
Думая, что нам и гордость
Не положена святая?
Это мы!

Но ведь и богатырями
Быть нам некогда случалось.

Нас, взлелеянных степями,
Слово «раб» кидало в ярость.
И когда-то клятву дали
Не страшиться пуль — не мы ли?

Смерть не мы ль предпочитали
Поклоненью вражьей силе?
Кто рукой могучей ловко
Укрощал коней от века?
Кто прославлен джигитовкой,
Кто летит быстрее ветра?
Это мы!

Кто в боях на вражьи цепи
Напролом кидался смело,
Кто от них очистил степи,
Рушил крепости умело?
Это мы!

Кто, свой стан обороняя,
Погибал, но не сдавался?
Честь и славу не роняя,
В битву кто с копьем кидался?
Это мы!

Пробил час большой тревоги,
Гордый дух наш возродился.
В сердце, как медведь в берлоге,
Гнев от спячки пробудился.
Мы республику Советов
На весь мир провозгласили,
Расцветать отчизне света,
Подниматься нашей силе.
Революция — наш голос,
Красный стяг высоко поднят,
На бесправие и голод
Наступаем мы сегодня.
Пулеметы наготове,
И на взводе все наганы.
Алчущие нашей крови,
Знайте, не страшны нам раны.
Мы несем свободу людям,
Кровь за счастье проливаем:
Мы служить уже не будем
Ни мурзам, ни жадным баям.
Разделять нас не позволим
Мы по нациям и верам,
Мы — народ с единой волей,
Мы — народ с единым телом.
Мы — трудящихся солдаты,
Наш мандат — наган и знамя,
Наш противник — мир богатых,
Мир труда стоит за нами.

Он — семья родная наша,
Наша нация и вера!
Мы его права докажем
Точной речью револьвера.
Закалилась наша сила,
Как булат в огне,— в работе,
Нас не зря судьба вспоила
Грудью женщины-рабочей,
Той грудастой, той икрастой,
Что страшит царей на тронах,
Молодой,
 в косынке красной,
Матери всех угнетенных.
Нас трубач зовет в дорогу,
Для борьбы пора настала.
Всадим пулю мы, не дрогнув,
Прямо в сердце капитала!

26 марта 1921
Омск

57. МАРЖАН

Маржан, какой ты милой стала!
Тебе улыбка так пристала.
Ты вверх штанины закатала,
И ноги стройные красою
Затмили солнце предо мною.

Маржан, в твоих руках лопата
Звонит с рассвета до заката,
Плечо открытое покато,
Своими легкими руками
В моей душе зажгла ты пламя.

Маржан, Маржан, ты смотришь смело,
Берешься за любое дело,
Прекрасна ты душой и телом.
Под кофточкой простой твоею
Два спелых яблока белеют.

Маржан, Маржан, ты — крепче стали,
Жирилки лишней нету в стане,
Ты манишь алыми устами,
А глаз твой — жаркий уголек...
Прекрасней ты всех байских дочек!

10 мая 1921
Омско-Петропавловская
железная дорога, вагон.

58. В ПОЛЕТЕ

(НА АЭРОПЛАНЕ)

Посвящаю
Абдулле Асылбекову

Стоял невиданный содом,
Земля ходила ходуном,
И ураган ярился.
И волны дыбились кругом.

И во дворцы врывался страх,
И скипетры в иных руках,
Как хвост овцы, дрожали,
И троны рассыпались в прах.

И тьма сиятельных господ
Всех рангов, званий и пород
Клопами лезла в щели,
Спасая жирный свой живот.

Но наша смелая рука
Легла на руль, верна, крепка,
И, споря с ветром, бурей,
Рванулись мы за облака.

Нас не удержит ураган.
Бесстрашен наш аэроплан,
Он, к солнцу пробиваясь,
Летит отважно сквозь туман.

Мелькнула Алатау твердь,
Что не смогли преодолеть
Войска Абляя даже...
Нам — сверху на нее смотреть!

Вот Гималаи и Монблан,
Эльбрус — кавказский атаман,
Нахмуренные Альпы,
Тянь-Шань, закутанный в туман.

Все крыши мира и столпы,
Где нету робкому тропы,
Осмеянные нами,
Внизу, как белые гробы.

Он прочен, наш аэроплан,
Гудит, рокочет... Как таран,
Он пробивает тучи,
Воздушный режет океан.

Ведь даже горные орлы
В такую бурю от скалы

Боятся оторваться,—
А уж они ли не смелы?

Ревет гроза, ревет мотор,
Чеканит молния узор
Причудливый на небе,
Гром катится, касаясь гор.

Мы кувыркались в вышине,
В рассветном плыли мы огне,
Мы реяли над миром,
Парили с солнцем наравне.

И гимн
Могучий самолет
Отваге, мужеству поет...
Танцует вместе с нами
Огромный звездный небосвод.

Мы клич исторгли боевой,
Дух страстью полнится живой...
Земли и звезд далеких
Своей касаемся рукой.

И обняли, как брата брат,
Мы космос, где миры парят.
И звезды поклониться
К Земле из вечности летят.

Мы в облаках берем разбег,
О, стрелы молний, горный снег...
Мы, запевалы бури,
Провозглашаем новый век!

11 мая 1921
Омск, вокзал

59. РАБОЧИМ

Посвящаю рабочим Нильдинского,
Спасского и Карагандинского рудников

Привык ты и к железу и к огню.
Вода и хлеб — вот все твое «меню»,
Ты день и ночь в работе под землею,
Где ночь и днем, где нету места дню.

Нет на тебе лица, ты исхудал,
Ты с юных лет в руке зажал металл,
Ты хлеб с большим мученьем добываешь,
И никогда достатка ты не знал.

Лопата, тяжкий молот и кирка —
Привыкла к ним рабочая рука.

В грязи по грудь ведущие работу,
Заря труда свободного близка!

Родные братья! Недалек тот час,
Когда могучий наш рабочий класс
Иную жизнь построит на планете,
И солнце засияет и для вас!

25 июня 1921
Караганда

60. ТОВАРИЩИ

А. Досову, М. Саматову

Горды и сильны мы, сыны бедняков,
Мы в рабстве страдали так много веков,
Товарищи!
К нам братья взывают из горя, из тьмы,
Спасти их, помочь им обязаны мы,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Пора наступила отважными быть,
Своими руками оковы разбить,
Товарищи!
Был баем народ угнетаем, царем,—
Разрушим же троны, в песок их сотрем,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

О равенстве мог ли мечтать ты, бедняк?
Для бая народные слезы — пустяк,
Товарищи!
Да разве когда-нибудь царь или бог
К народному стону прислушаться мог,
Товарищи?

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Рабами богатых мы были вчера,
Подымем же знамя, настала пора,
Товарищи!

Мир старый, жестокий снесем, победим,
Счастливую, новую жизнь создадим,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Мы видели горе, мы знали беду —
Слез пролили море мы в этом аду,
Товарищи!
Возьмет мускулистая наша рука
Все то, что у бога просили века,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий;
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Подымем же знамя, пусть дрогнут враги!
Да будут железными наши шаги,
Товарищи!
Дни Равенства, Братства и Счастья придут,
И крепости вражьи пред нами падут,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

Пора испытаний великих грядет —
Сыны неимущих, смелее вперед,
Товарищи!
Владычество баев и ханов разрушь —
Прошло уже время испуганных душ,
Товарищи!

Отважно в бой вступай, бедняк,
Встань по тревоге в строй могучий!
Пускай пылает красный стяг,
Вперед, к свободе, к жизни лучшей!

1921

61. БРЕД НАЦИОНАЛИСТА

Болен националист,—
Как осенний желтый лист,
Он трясется, чуть живой,
На перине пуховой.

«Брат мой! Сват мой! Вы! О вы!
 Мой аул! Увы! Увы!
 О страна! Народ родной!
 Слышишь ли ты голос мой?»
 Слышит националиста
 Лишь один — хитрец мулла,
 Но в душе его не чисто,
 Еле шепчет он «алла»...
 И чалмой своей качая,
 Хочет «другу» смерти он —
 Заработает на чай он...
 Будет толк хоть с похорон.

1921

62. БРЕДНИ ОДНОГО ПОЭТА

Больной поэт,
 Лихорадкой томим,
 Стонет и смотрит хмуро,
 И наклоняется
 Доктор над ним,
 Мерит температуру.
 Видно,
 И вправду поэт занемог,
 Бред его слышится странный...
 А под подушкой
 Бальмонт и Блок —
 Это поэта кораны.

Он еще крепок,
 Этот больной,
 Лоб его
 Белой стянут чалмой;
 Он говорит, он брызжет слюной:

«Я огонь, я гореть люблю!
 Я — звезда!
 Я — Солнце!
 Я — дом!
 Я — огонь!
 Я — молния, гром,
 Я любого испепелю!
 Я — ничто!
 Я — бог!
 Я — Луна!
 Я — бегун, нет быстрее бегуна!
 Я — май!
 Я — бай,
 Я — гнев,
 Я — пещерный лев!
 Я — борюсь!

Я — дерусь весь свой век!
Я, я, я,.. Я — душа-человек!»

Под подушкой — Бальмонт и Блок,
Стала грязной уже чалма..
Доктор ставит компресс, изнемог,
Вроде тоже сходит с ума.

1921

63. КРАСАВЕЦ ТОПОЛЬ

О строгий красавец, ты горд и богат,
Надел драгоценный зеленый наряд,
Качаешься мерно. И высокомерно,
И медленно пышные ветви шумят.

Природа тебе совершенство дала,
Ты царственно строен, ты прям, как стрела,
Лишь к небу стремишься, молчишь горделиво,
Касается тучи вершины игла.

Приходят и скромники, и хвастуны,
Но ты перед ними не горбишь спины,
Богатым и бедным не молвишь ни слова,
Мечтаешь дойти, дорости до луны!

Ты горд, но печальную тайну хранишь,
В душе затаилась усталая тишь...
Ведь как ни старайся добраться до неба,
А кормит земля, от нее не сбежишь.

Заносчивый тополь, будь скромен с людьми,
Зеленой листвою меня обними,
Пусть ветви твои обовьют мои плечи,
Пусть хлынет прохлада в ладони мои.

Ты вырос в степях возле Сары-Арки,
Нежны, шелковисты и клейки листки,
Но если земле не воздашь ты сторицей —
Мне петь о пустой красоте не с руки.

16 апреля 1922

Ташкент

64. В КОМ ЭНЕРГИЯ БЬЕТСЯ

В ком энергия бьется, как горный поток,
В ком отвага сверкает, как молний клинок,
В чьей груди столько сил, сколько сил у тулпара,
Чей полет, как у сокола в небе, высок,—

Братья, силы сплотим и в единых рядах
Выйдем в путь, старый мир отметая, как прах!

Не для нас мерки старые, старые рамки —
По плечу нам свободный и смелый размах!

Доберемся до края небес и земли,
В океанскую ширь поведем корабли.
Снимем с неба далекие алые звезды,
Чтобы сделать навек украшеньем земли.

Все загадки веков разгадаем, пойдем,
Землю с небом по всем измереньям пройдем,
Все преграды, которые встретим в дороге,
Разгромим, разобьем, рассечем, как мечом.

От земли оторвемся и в небо взлетим,
Землю с небом обнимем охватом одним,
Мы планету, как куклу, в руках покачаем,
Полюбujemy, будто ребенком родным.

Все вершины возьмем, все глубины, всю ширь,
Все ворота откроем, как смелый батыр.
Создадим то, чего еще не было в мире,—
Мы построим свободный, невиданный мир!

В ком энергия бьется, как горный поток,
В ком отвага сверкает, как молний клинок,
В чьей груди столько сил, сколько сил у тулпара,
Чей полет, как у сокола в небе, высок,—

Тот поймет мой призыв, тот пойдет до конца,
Примет сердцем восторженно слово певца!
Старый мир оглушая неслыханным громом,
Собирайтесь в поход, огневые сердца!

10 июля 1922
Оренбург

65. НАША ЖИЗНЬ — ЭКСПРЕСС

Сотрясая путь стальной,
Мир качая остальной
Бурей скорости шальной,
Наш экспресс летит вперед.

Разлучит ли близких двух,
Иль забудет друга друг,
Или кто-то вскрикнет вдруг —
Не замедлится полет.

Слезы милой — позади
И мольба: «Не уходи!» —
Я прижал ее к груди,
Сел отважно на «стрелу».

Без оглядки мчит экспресс,
Скорость давит, словно пресс,
Тех, кто к нам случайно влез,
В наш экспресс, и сел в углу.

...То он скачет, словно конь,
То он вьется, как дракон,—
За вагоном мчит вагон
Через степи, через лес.

Не погаснет жар в груди!
Цель большая впереди!
Хоть молитесь: «Подожди!» —
Будет мчать вперед экспресс.

Мчись, экспресс! Лети, свети!
Вихрь во мгле крути в пути!
Как звезда в ночи, лети
Бурям всем наперерез!

Пусть от страха плачет трус,
Но храбрец не дует в ус!
Крепнет сила братских уз!
Мчись вперед! Лети, экспресс!

23 августа 1922

66. НАША САУЛЕ

Наша Сауле отважна,
Весела, вольнолюбива,
Неподкупна, непродажна,
Не кокетка... А красива.

И в словах своих тверда
Наша Сауле, нелжива,
Не обманет никогда,
Не скользнет змеею льстивой.

Не из ветреных девчонок
И гордячек сумасбродниц,
Не из кукол расфранченных,
Не из сплетниц, не из модниц.

Наша Сауле статна.
Не богачка, чтоб от лени
Ей грозила толщина
Или сердца ожиренье.

Нрав у Сауле мужской.
Шапку набекрень наденет...
Но приятно ей самой,
Что круглы ее колени.

Из людей предпочитает
 Смелых, честных вольнодумов.
 На посулы толстосумов
 Не польстится, не чета им.

И вовеки не продается
 За калым, как дочери баев.
 Это ей наказ мой братский.
 Пусть его не забывает.

Молвь людская славу множит,
 Рассуждает так народ:
 Сауле в беде поможет,
 В трудный час не подведет.

И без всякой похвальбы
 Расторопно и умело
 С делом справится любым,
 Даже с самым трудным делом.

На работе не зевает
 Сауле — горит огнем,
 Как игрушками играет
 И киркой, и кетменем.

Октябрь 1922
 Оренбург

67. В СТЕПИ

(Посвящение)

Я поймал в степи
 Шестилетнего
 Необузданного
 Скакуна.
 Я вскочил на него, а дикий скакун
 Закричал, оглашая степь.
 Он метался, дикий, вставал на дыбы,
 Мчался бешено дикий —
 От стука копыт
 Затряслась бесконечная степь...
 Дикий рвался и фыркал,
 Глазами косил,
 Ветер в гриве его свистел...
 Дикий мчался стрелой,
 Распластавшись, летел,
 И земля кружилась под ним.

Как без доньшка ведра —
 Ноздри его,
 Он дышал, как кузнечный мех,
 И пылали глаза, словно два костра,

Когда в гору меня он нес...
Разве может такого пугать высота?
Вот — навстречу ветру — мой конь,
В этой бешеной скачке
Не может с пути
Никакой его сбить ураган!
Мчусь я —
Счастье мне грудь распирает, пою,
Потрясая бескрайний простор,
И стократное эхо на крыльях несет
Эту вольную песню мою...
Голос — грому подобен,
И вторят ему
Бесконечные дали степей,
Гуси-лебеди тронутых ветром озер,
Изумруды речных тростников,—
Льется песня, подхвачена тысячей уст,
В них восторг единенья звучит:
Вам, сестры мои,
Вам, братья мои,
Посвящаю я эту песнь —
Тем, в чьем сердце не гаснет
Жажда борьбы
За свободу, равенство, честь...
Эта песня разрушит застенки судьбы,
Нашим душам раскроет простор...
Молодежь! Ты за счастье сражаться идешь,
И огонь негасимый пылает в груди,—
Эту песнь посвящаю тебе!

Тому, кто не рожден для расчетливости и корыстолюбия, кто не мечтает стать мироедом, кто, распрямив свои крылья, парит над Вселенной, взором орлиным взирая на мир; тому, кто огромною степью несется, как необузданный, дикий, крылатый скакун, ищущий счастья,— тебе, молодежь, посвящаю я эту песнь!

Выходите же в степь, на дорогу, вперед,—
Помня славы отцовской дорогу!

К счастью, вперед! Ведь до счастья, до радости общей свободы — рукою подать!

Путь ваш идет сквозь голодные степи, через пустыни безводные, мимо утесов отвесных и скал неприступных... Вам иногда он покажется неодолимым: сколько героев погибло на этой дороге, сколько замучено было! Какие страдания богатыри испытали, как много их пало — буйных голов... Ради счастья они не жалели жизни своей... Дети их рождены для борьбы, для труда, что свободен и радостен!

Так трубите, зовите вперед всех забитых, сонливых и робких братьев своих — тех, что к счастью не видят дороги.

Так трубите, зовите вперед своих братьев отставших и сестер, еще в рабстве сгибающих спины!

Вы, отважные сестры и стойкие братья, идущие впереди всех, поднявшихся в бой за свободу,— вам я песню свою посвящаю!

Запевайте дружней!

Пусть весь мир содрогнется от огненной песни — что так слаженно,
сильно звучит!

Так вперед, непреклонная смелая юность! Шлю привет обновителям
старого мира!

Посвящаю тебе эту песню,— на гриве туппара, летящего вихрем,
она рождена!

1922

С а к е н

68. ДОМБРА

Люди в тесный кружок
В юрте сошлись большой,
В беседах речь повели
О жизни своей былой.

А я бренчал на домбре,
Проходя по ее ладам,
И песню одну за другой
Играл пришедшим гостям.

То радовалась домбра,
То испускала стон,
То был с рыданием схож
Струн ее громких звон.

То было весело ей,
И звонко смеялась она,
То гневалась, то опять
Печалью была полна.

То в ней бушевала страсть,
То никла она от мук,
То вспыхивала, а то,
Томясь, обрывала звук.

А вместе с этой домброй
Рыдала душа моя,
Терзала мне сердце грусть,
И горестно плакал я.

А танец кружился в ней
Все тише, пока не смолк,
И таял он, словно мед,
И нежным он был, как шелк.

А слушатели мои
То радовались со мной,
То становились грустны,
Следя за моей игрой.

Домбра моя! Крик души!
Ты — лучшее, чем я жил,

Ты — грусть, ты — радость моя,
Источник надежд и сил.

В тебе вся моя душа,
Порыв молодых страстей,
Ты — исповедь нежных чувств,
Ты — буря в груди моей!

1922

Ташкент

69. АЛТАЙ

Алтай, великан из толпы облаков,
Зимой и летом в одежде снегов
Стоишь ты на страже безбрежных просторов,
Струишь белоснежную пену валов.

На сильных плечах, величавый Алтай,
Ты держишь небесный светящийся край,
Тебя окружают, целуют, ласкают
Немногие тучи из облачных стай.

Упал, поскользнулся и сделал прыжок
Певучий, прозрачный, прохладный поток,
Серебряным голосом горы тревожит,
И отклик в степях бесконечно далек.

Отвесные стены теснящихся гор,
Орлы белокрылые, синий простор,
Овраги в цветах, и на склонах зеленых
Цветными шелками расшитый ковер.

Как марево зноя мелькает сайга,
Стада антилоп наполняют луга.
Хочу я взойти на утесы Алтая
И знаменем алым овевать снега.

Я вижу весь мир в розоватом огне,
Лишь беркут парящий — со мной наравне.
Зову я на бой угнетенных жестоко:
«Герои Востока, идите ко мне!»

О, если бы встал угнетенный народ
На битву с кровавой Европой господ!..
Мы встанем стеной, словно выси Алтая,
И двинем утесы и скалы вперед.

Всю Азию мы поведем за собой,
Бурлящие реки вольются в прибой,
И с яростным кличем, волна за волною,
Пойдем на последний, решительный бой.

Поток наводнения, велик и могуч,
Нахлынет с алтайских пылающих круч,
Расстопчет разбойничьи норы барсучьи,
Сметая угрюмые полчища туч.

В пыли придорожной раздавим врагов,
Прославим свободу во веки веков,
Наш клич прозвучит на просторах планеты:
«Разбейте железо цепей и оков!»

...Алтай белоглавый, по зову судьбы
Ты стал бы истоком великой борьбы.
И песнь молодая потоков Алтая
Звучит в моем сердце призывом трубы.

Январь 1923

70. НЕМЕЦКИМ РАБОЧИМ

В Европе правит, кто богат,
И снова нищий виноват,
Как все, что столько лет боролись
И быть рабами не хотят!

За то, чтоб каждый счастлив был,
Вы отдавали сердца пыл.
За это сапогом на горло
Враг беспощадный наступил.

Пьяны буржуи без вина,
И сам Пуанкаре-война
Мир оплетает паутиной,
Народа участь решена.

Так насосавшийся паук
Над жертвой замирает вдруг,
Чтоб безнаказанно и подло
Бессильный наблюдать испуг.

А вот и Карынбай-злодей,
Противник трудовых людей,
Зловещей черною кошмою
Набросил тьму на ясность дней.

Проклятый выродок, циклоп,
Ведет предательский подкоп,
Гиен натравливает стаю
И загоняет нищих в гроб.

Буржуи, чей лоснится жир,
Собрали гадов и проныр,
На деньги совесть променяли
И вот гнетут рабочий мир.

Повелевает капитал,
Себе он жертву отыскал,
Запратав под полой халата
Холодный, бешеный кинжал.

Буржуй на борова похож.
Он отбирает каждый грош
У обездоленных и нищих,
Его оружие — гнет и ложь.

Вперед, товарищи, друзья!
Удар злодеям нанеся,
Вставайте, собирайте силы,
Вам произвол терпеть нельзя.

Нам вашу робость не понять.
Пускай встает отважных рать!
Вы в руки топоры берите,
Позорно слабость проявлять.

Глядит издалека ваш брат,
Надеждой и тоской объят,
Стыдится он за вас и хочет,
Чтоб не свернули вы назад!

8 февраля 1923

71. ДУМЫ СОВЕТСКОГО МАЛЬЧИКА

«Ах, этот нэп,
Забить его мне б,
Вернулся бы лучше Совдеп!» —
Мечтает бедняк...
Он думает так:
«Сожрут меня
Бай и кулак...»
Бай в нардоме,
Бай в исполкоме —
Ужель он снова окреп?
Ликуют лжецы,
Дельцы-подлецы:
Вот, выручит
Жирных нэп...
Они, хоть сами и не толсты,
Лелеют эти мечты.

Бай скалит, зубы,
Бай ржет,
Хохоchet,
Толстяк хитроумный,
Рокоchet, гогочет;
Когда он смеется —
От жира трясется,

Не выглядит бай усталым:
Покажет он норов,
Откормленный боров,
Кишка, набитая салом.

Мне б власть хоть на час —
Издай бы указ
И в нем предписал бы я:
Всех баев, как стадо,
Согнать кнутом,
Заставить
Своим кормиться трудом —
Чтоб пот с них лил
В три ручья...
Мне стать бы солдатом,
Ходить бы с мандатом
Да выловить
Жирного бая:
К работе приставить,
Трудиться заставить,
Пинком,
Как овцу, подгоняя...

Наркомом мне стать бы,
Всегда помогать бы
Голодному люду...
Я двери нардома
Приказом наркома
Закрыл бы для баев повсюду.

«Вы — бай? Уходите отсюда, пардон!
Ведь это...

это — только нардом,
А нужен вам арестантский дом!
Таких мы видели барсуков —
В них лютая пышет злоба...
А скольких слопала бедняков
Пахучая их утроба!

И вы сюда же, мадам? Пардон!
Вы с баем походочкой схожи...
Нет, это вовсе не барский дом,
С буржуями тут — построже...
Нардом-то — наш,
И с вами вдвоем
Не уместиться нам все же...
Буржуй-толстопуз —
Излишний лишь груз
Для нашей эпохи он...
И вы, господа,
Не суйтесь сюда,
Пардон, господа, пардон!»

Февраль 1923

72. ЮНОМУ КАЗАХУ

О, ты — богатырь, настоящий казах,
Ты — сын трудового народа
И всем богатеям поэтому враг,
Твой лозунг: «Народам — свобода!»

Ты — будущность наша, так крепче держись,
Сумей закалить свои чувства,
По Марксу и Ленину строй свою жизнь,
Оружием сделай искусство.

Февраль 1923

73. МУСКУЛЫ

Не тот красив, кто статен и хорош,
Кто внешним лоском поражает вдруг.
Нет ничего красивей на земле
Рабочих — сильных, узловатых рук.

Сплетенье мышц, сплетенье добрых сил,—
Те руки править миром рождены.
Какие ожидают их дела,
Какие чудеса сотворены!

Вот набухают мускулы руки —
Они чугуном тешатся ядром:
Вот распрямились, как стальной клинок,
И под рубашкой ходят ходуном.

Грудные мышцы, мышцы рук и ног
Пружинами в тебе напряжены
И не уступят вправду никому,
Когда работой разгорячены.

Они в боях превозмогали сталь,
Одолевали горные хребты,
Туннели пробивали в толще гор,
В глубины прорубались сквозь пласты.

Они открыли под землей руду,
Ту, из которой выкован булат,
Добыли нефть, железо, серебро —
Все то, чем горд народ и чем богат.

Нас мускулы вздымают в небеса,
Для дальних странствий строят корабли,
Через пески ведут железный путь
И тянут плуг просторами земли.

Могуча мускулистая рука —
Свалить медведя может пятерня
И скакуна лихого обуздать,
К земле прижавши голову коня.

Упруги, как щетина жеребца,
Вы, мускулы, надежны и крепки,
Ведь вы прочнее, чем дубовый сук,
Подвижной шуки в глубине реки.

Живая сила скрученных пружин
Извечна, как извечен белый свет.
О, мускулы рабочих, крепких рук,—
Сильнее силы не было и нет!

8 апреля 1923

74. САРСЕН

Штаны засучив до колен,
За плугом идет Сарсен.
Подтянутая ремнем,
Ветха одежка на нем.

А силы хоть отбавляй.
Послушна ему земля.
Мышцы из бронзы литой
Сияют смуглотой.

Двое сытых гнедых
Плуг волокут стальной,
Тут в черноту борозды
Доброе ляжет зерно.

Весенний и озорной,
Ветер поет степной,
Пахаря веселит
Запахами земли.

Силу удесятерит
Первая, нежная новь...
Запах земли опьянит —
Разгорячит он кровь.

И, принимая зерно,
Пашня по капле пьет
Горьковатый, хмельной
Доброго молодца пот.

26 апреля 1923

75. БОРЕЦ ЗА НАШЕ ДЕЛО

Истинному бойцу
за дело трудового народа
Абулхаиру Досову
посвящаю

На верблюжонке, в язвах и коросте,
Мальчишка смуглый, маленького роста,
Он гнал телят.
Был прозван «отвратительным чертенком»,

И рванный на плечах ребячьих, тонких
 Пестрел халат.
 До черноты от солнца загорелый.
 От холода и грязи ныло тело.
 Босой бедняк,
 Взяв палку, чтоб не дать себя в обиду,
 В родном ауле непотребным видом
 Пугал собак.

Бродяга, непоседа полуголый,
 По кручам шлялся, по степям и долам,
 Где только мог.
 Бай звал его «проклятым отщепенцем»,
 А он свои выкидывал коленца
 В пыли дорог.

Отец платил трудом за корку хлеба,
 Пас байские стада под хмурым небом,
 Тужила мать...
 Чтобы чужой очаг был жарко-алым,
 Кизяк для байской юрты собирала,
 Носила кладь.

Спал мальчик на земле у байской юрты...
 Подобно псу был загнан и понур ты,
 И зол, как пес.
 Издевку и удары байской плетки —
 Все вынес на своем веку коротком,
 Все перенес.

Был в детстве ты унижен до предела.
 Мечтая о добре, окаменела
 Твоя душа.
 Сжималось сердце ненавистью снова,
 Ты думал о возмездии суровом,
 Едва дыша.

Однажды мальчуган увидел город.
 Он шел пешком уверенно и скоро,—
 «Мсть! Только — мсть!»
 Читал он книги днями и ночами,
 И знаний, что его хранила память,
 Не перечеть.

Он вырос, возмужал за эти годы.
 И вот настал желанный день свободы,
 Зажглась заря,
 Тогда народ обрел могучий голос,
 За равноправье беднота боролась
 В дни Октября.

И мальчик, высоко поднявший знамя,
 Рождение крыл орлиных за плечами
 Вдруг ощутил...

С подростками, что на него похожи,
Чумазыми, оборванными тоже,
Он в бой спешил.

Перепоясан лентой пулеметной,
Сжимающий наган в ладони потной,
Он рвался в бой.
Прицеливаясь точно,
 бил он бая —
Так стали страсть и ненависть святая
Его судьбой.

И сокрушая националистов,
Шагал он в наступление, неистов,
Круша врагов.
Гнал тех, кто спекулировал карьерой...
Он никогда не принимал на веру
Фальшивых слов.

Так банда провокаторов хотела
Вонзить в него отравленные стрелы
И оболгать.
Но в пику всех мастей оппортунистам
Не отдавал своей земли лучистой
Хотя бы пядь.

Опасен был иудам-изуверам.
Для молодых — бесстрашия примером
Всегда он был.
И день и ночь грозил он своре барской,
В фуфайке черной,
 в куртке комиссарской,
Исполнен сил.

Людей он покорял своею речью,
Земли хозяин, новых дней предтеча
И полубог.
В нем закалялась сила огневая,
И отдавал для дорогого края
Он все, что мог.

Он — партии боец, всегда он с нами.
Пусть копошатся змеи под ногами
И копят яд —
Он смел,
 он для врага недосыгаем.
Зовет к победам, впереди шагая,
Наш друг и брат!

1 мая 1923
Оренбург

76. ЛЕТОМ В СТЕПИ

Разливается юный простор
Пряным запахом яростных трав,
Летней степи зеленый ковер
В переливах цветов разостлав.

Необъятна ее ширина,
Мне открывшаяся опять.
И простерла объятья она,
Как ребенку родимая мать.

Словно вышиты шелком шелка
Дорогих травяных одеял.
Я, вернувшийся издалика,
К материнскому лону припал.

Прядью шелковой пышных волос
Я поигрываю, как дитя.
Станы гибких, изогнутых лоз
Выпрямляю, ломаю шутя.

И разносится радостный смех,
Мотылек, позабывший мечту,
Словно мальчик, влюбленный во всех,
Дарит всем поцелуй на лету.

Под шатровой сплошной синевой
Я лежу на кошме луговой.
В городах я томился тоской
По земле первозданной, степной.

В русле памяти вновь — ледоход,
Словно льдины друг друга теснят...
Вот я вижу — на пастбище скот,
Вот привал отдыхающих стад.

Тихо, тихо над гладью степной.
Солнце встало в зените над ней.
И ничто не тревожит покой
Отдыхающих в полдень степей.

Одиноко над степью плывет
Солнца жаркого пышущий зной.
И пастух одиноко бредет,
Молча доит овцу за овцой.

Тесно сдвинуты, сбиты гурты,
Жарко дышит, сбивается с ног
Шевелящийся край темноты,
Где пастуший горит огонек.

Жить подпаску в степи нелегко.
И пока огонек не погас,
Варит мальчик себе молоко
По обряду степей — корыктас.

Еле тлеет костер перед ним,
И кизячные кучи трещат,
Чуть струится медлительный дым,
Цепенеет удушливый чад.

Губы мальчика ветер обмел,
По степям он кочует давно,
Он на солнце стоит, полугол,
Загорелое тело черно.

Шапки нет у него; крупный пот
Утирая со лба кулаком,
В конской коже он степью идет
По кипящей жаре босиком.

В городах, где мы праздно живем,—
Электрический свет до утра...
В одиночестве жалком своем
Этот мальчик не ведал добра.

Вижу — пламя чуть светит вдали,
Вижу бедный обряд корыктас.
Я вскочил, я сорвался с земли,
Разом брызнули слезы из глаз.

«Брат мой бедный, дитя темноты,
Ты в забытой рожден стороне.
Я мечтаю о том, чтобы ты
Встал с ровесниками наравне».

«Не уйдешь! Возвратишься назад!
Подожди!» — мне шепнула трава.
А цветы на дороге стоят
И лепечут пустые слова.

Должен я в этот край нищеты
Просвещения свет принести...
Дорогие степные цветы,
Не держите меня на пути!

Июнь 1923
Оренбург

77. НЕ ЖАЛЕЙ СИЛ

Брат мой, узнаю твои черты,
Тень от жажды на горячих скулах,
Жаждающих добра, таких, как ты,
В городах я видел и в аулах.

Времена, окутанные тьмой,
Канули в былое, отступили.
По дороге светлой и прямой
Двигайся и не жалей усилий!

О делах кровавой старины,
На ветру поеживаясь зябко,
Говорит история страны,
Вещая и мудрая прабабка.

Поведи же, брат мой, за собой
К солнцу братства, равенства, свободы
По дороге светлой и прямой
Сыновей свободного народа.

Ибо участь ваша — ни на пядь
Не сойти с великой магистрали,
Побеждать в борьбе и помогать
Тем, кто оступились и устали.

И межа отчетливо ясна
Между всем отжившим и грядущим.
Будет вам покорна крутизна
Счастия, сужденного идущим.

Ваш удел — по всей земле нести
Равенство, и братство, и свободу,
Зло одолевая на пути,
Взнуздывать и покорять природу.

Лег непроходимый перевал
На пути у многих великанов,
Но тебя их жребий миновал,
В прошлое необратимо канув.

Ты идешь вперед, а позади —
Жажда, мгла, столетья, поколенья,
Родники, забытые пути,
Пыль пустынь, дорожные камни.

Из веков младенчества земли
Протянулись в новый день дороги.
Наши предки плакали и шли,
Спотыкались, в кровь сбивали ноги.

Миновали темные года,
Дни, века, вместившие так много.
Почва под твоей ногой тверда,
И ведет в грядущее дорога.

Крыльям из металла не страшны
И покорны горные вершины.
Беркуты владений лишены,
Заменили лошадей машины.

Степи и воздушные поля
Включены в единую державу,
С бою взяты небо и земля
И потомству отданы по праву.

Времена, окутанные тьмой,
Канули в былое, отступили.
По дороге светлой и прямой
Двигайся и не жалея усилий!

Август 1923
Оренбург

78. САМУРЫК

Руководителю Комитета казахских женщин,
первой организовавшей помощь
казахскому воздушному флоту
Назипе Кулжановой посвящается

Мечтать о небе человек привык,
Хасену снился нежной пери лик.
Семь огненных полей, семь океанов
Перелетел Хасена самурык.

А тот, кто самурыка оседлал,
В свой час достиг всего, чего желал,
Умчался он на крыльях самурыка
С красавицею Бадигул-Жамал.

Но самурык на деле не таков:
Гудит мотор в потоке облаков,
Умело управляют самолетом
Герои из страны большевиков.

Не для забав нам нужен самолет,
Но с помощью таких машин дойдет,
На крыльях самурыка доберется
К вершинам счастья трудовой народ.

Пусть самолет свершает в небе круг:
Созданье, торжество рабочих рук,
Вы из металла, крылья человечьи,
Семи морей вам слишком тесен круг.

И выше, чем заветный самурык,
Летит корабль, прекрасен и велик.
Упруги крылья, мощный корпус прочен,
Летит, как буря... В небе замер крик.

Наш самурык — громада корабля,
Как на ладони под крылом земля.
И каждый может облететь отныне
Моря и горы, степи и поля.

4 октября 1923

79. АВТОМОБИЛЬ

Сыновьям бедноты
и революции посвящаю

Я стихом не забавляю.
Тут не к месту шутки, нет!
Я в поэзию вплетаю
Боль и радость, мрак и свет.

1)

О народ многострадальный!
Край родной, Сары-Арка!
В путь к прогрессу триумфальный
Вас зовет моя строка.

Ты красуйся перед всеми,
Ты взметаешь степную пыль,
Удивляй младое племя,
Друг людей — автомобиль.

Пусть придет к нам город! Хватит
Нам скитаться, как стадам.
Пусть за руль кочевник сядет.
«Пробуй!» — скажет сыновьям.

Спорь с невежества позором,
О мотор, гуди, гуди,
Наши сонные просторы,
Нашу гордость пробуди.

2

Он из города большого
Утром выехал чуть свет —
Символ счастья трудового,
Символ будущих побед.

Он сначала ехал тихо.
Эй, шофер, поторопи!
Газанул, рванулся лихо
И помчался по степи.

По распахнутой планете —
Эй, шофер, прибавим ход! —
Разрывая грудью ветер,
Все быстрее — вперед, вперед.

По дороге, в бездорожье,
От зари до темноты.
Мы уже колес не можем
Различить от быстроты.

Он летит — фырчит и воет.
Не зевай, шофер, сигнал!

Он нацеленной стрелой
Рвется мужественно вдаль.

Он гудит, трещит, грохочет,
Он качает и трясет,
Переспорить бурю хочет —
Нас в грядущее несет.

Ветер яростный и грозный
Бьет машину по лицу.
Злые силы! Слишком поздно:
Ваша власть пришла к концу.

Как ни злитесь, ни беситесь,
Но не выдумка, а быль —
Этой битвою насытятся,
Пулей мчит автомобиль.

Он летит к багряной дали.
И душа полным-полна,
Словно вдруг мы увидели
Призового скакуна.

Впереди чернела туча,
Дождь дымился проливной,
Но оставил он, могучий,
Непогоду за спиной.

По сто верст за час глотая,
Он несется в гости к нам —
Только кустики мелькают
У него по сторонам.

Подает гудками голос
И, людской слышав гул,
Он, слегка убавив скорость,
Заезжает в наш аул.

Он въезжает ровным ходом,
И с него не сводят глаз,—
Он хотел прийти к народу
И пришел к нему сейчас.

А навстречу по дороге
Воз ползет — хрустя, шурша.
Два вола с рассвета ноги
Еле тянут не спеша.

Воз тягучий, путник сонный,
И волы едва не спят,
А колеса стоном стонут —
Скособочились, скрипят,

Скоро ль, заспанный бедняга,
Перестанешь ты дремать?

Скоро ль, скоро ль, колымага,
Перестанешь ты рыдать?

И гудок автомобиля
Резко вырвался из мглы,
И быстрее затрусили
Вдруг ожившие волы.

3

Вот я вижу, у дороги
Без числа пасется скот.
Неужели снова многих
Гололедица убьет?

Сквозь аулов гущу едем,
А отары велики.
Налетает сбоку ветер —
И опять вперегонки.

Но сбавляем ход, сбавляем —
Не до скорости сейчас.
Мы и так стада пугаем, —
Врассыпную все от нас.

Эй, шофер, сигнал-ка снова!
Снова стадо в двух шагах.
Тяжело бегут коровы,
Их невольный гонит страх.

Овцы жирными задами
Так смешно трясут, взгляни.
И с дороги перед нами
Дробью сыплются они.

По аулам, по аулам,
Тормозя и снова мча,
Оглашая воздух гулом,
Шлейф из пыли волоча.

Едем мы, и, вздрогнув разом,
Услыхав мотора шум,
Покосившись жарким глазом,
Кони скачут наобум.

Жеребенка-сосуночка
Страх уносит с табуном.
Мать в тревоге за сыночка,
Мчится в мареве степном.

Что ж ты носишься без смысла
Под собой не чуя ног,
Ах ты, пьяный от кумыса
Жеребенок-стригунок?

Что ты мечешься, детеныш?
 Что ты ножками стучишь?
 Ты машину не обгонишь,
 Так зачем от нас летишь?

Я ж возрастил тебя, мой милый,
 Гладил челку и бочок.
 Что же ты автомобиля
 Испугался, дурачок?

4

Вновь он мчится ровным ходом,
 И с него не сводят глаз,—
 Он хотел прийти к народу
 И пришел к нему сейчас.

Чей-то конь, храпя пугливо,
 Сделал в сторону прыжок,
 Но его хозяин живо
 Ухватил за поводок.

Вот мы встали. Все прекрасно.
 Что же ты, хозяин, хмур?
 Не сердись на нас напрасно,
 Успокой коня: «Хур-хур!»

«Аптамай!» — гурьбой сбежались
 Те, кто видел в первый раз.
 Гомонили, удивлялись:
 «Что за чудище у нас!»

Загорелые, босые,
 Ходят около, галдят.
 Рты раскрыв, стоят другие
 И почтительно глядят.

Ребятишки расшалились,
 Норовят швырнуть песком.
 А собаки как взбесились —
 Заливаются кругом.

Молодухи и девчата
 Сбились в кучу в стороне,
 Ветер треплет им халаты...
 «Подойдите же ко мне!»

Но они в ответ бормочут:
 «Ой, шайтан-арба! Ой-ой!»
 Конь опять сорваться хочет.
 «Что ты, милый, что с тобой?»

Все в тревоге, все в смятенье,
 И у всех душа дрожит.

Кто толчется в отдаленье,
Кто стремглав от нас бежит.

Даже те, кто помоложе,
В двадцати шагах стоят,
А толстяк багроворожий
Им шипит: «Назад! Назад!»

Мальчуган, что неустанно
Собирал кизяк в мешок,
Услыхав гудок «шайтана»,
Подскочил — и наутек.

Уронил мешок тяжелый,
Растянулся сам, чужак,
Из рубашки, из подола
Порассыпал весь кизяк.

На тебя, браток, надежда.
Я хочу, чтоб ты привык.
Ты пока еще невежда,
Своенравен ты и дик.

Аптамай тебе покажем:
Для твоих он создан рук.
Тот же конь, телега та же.
Подойди, не бойся, друг.

О народ многострадальный!
Край родной, Сары-Арка!
В новый путь — победный, дальний —
Вас зовет моя строка.

Ты красуйся перед всеми,
Ты взметаю степную пыль,
Удивляй младое племя,
Друг людей — автомобиль.

Пусть придет к нам город! Хватит
Нам влачиться, как стадам.
Пусть за руль кочевник сядет.
«Пробуй!» — скажет сыновьям.

Спорь с невежества позором,
О мотор, гуди, гуди.
Наши сонные просторы,
Нашу гордость пробуди!

14 октября 1923
Уральск

80. ЛЕНИН

Символ счастья на планете
Отчей,
Высшей радости на свете
Зодчий,
Зодчий пламенного мира,
Ленин,
Клич замученных и сырых,
Ленин!

Смысл науки, воплощенье
Цели,
В ком надежды и решенья
Зрели,
Предводитель неимущих,
Ленин,
Провозвестник дней грядущих,
Ленин!

Сбросим баев, станет краше
Доля.
Смерть иль равенство — вот наша
Воля.
Ты — трубач зари крылатой,
Ленин,
Нашей воли ты глашатай,
Ленин.

Справедливая дорога
К людям,
Твой завет хранить мы строго
Будем,
Клич великого сраженья,
Ленин!
Ты — коран преображенья,
Ленин.

Ты — поднявший угнетенных
Братство
С тиранией пресыщенных
Драться,
Ты как свет от золотого
Солнца,
Что на смену мраку снова
Льется.

Ты бесстрашен. Нет острее
Стали,
Чтоб буржуи поскорее
Пали.
Твой пример для молодежи
Ценен.

Для нее всего дороже
Ленин...

30 октября 1923

Теке

81. СКОРБНАЯ ВЕСТЬ

Потрясающую весть в седой мороз
Телеграф о смерти Ленина принес,
Весь рабочий класс, утратой потрясенный,
Горе выплакал в безмерном море слез.

Вестью той был мир, как громом, поражен,
Как копьем, той вестью каждый был пронзен,
Но еще тесней ряды свои сомкнули
Мы в те дни у славных ленинских знамен.

Мы пойдем по жизни ленинским путем
К светлой цели, что указана вождем,
И высоко мы поднимем наше знамя,
Распростертое над миром Ильичем.

22 января 1924

Москва

82. ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ

Сегодня скорби пробил час,
Сегодня скорбь пронзила нас,
Сегодня алые знамена
Склонил, скорбя, рабочий класс.

Сегодня, хмурым зимним днем,
По Ильичу мы слезы льем,
Его заветы вспоминая,
Народ прощается с вождем.

В рабочем классе скорбь и стон,
Но, до зубов вооружен,
Шагает с траурной повязкой
Он впереди людских колонн.

В своей печали он суров
И до конца разбить готов,
Борясь за дело ленинизма,
Любые происки врагов.

Ильич к борьбе призвал народ,
На сто веков глядел вперед,
И путь, который указал он,
К счастливой жизни нас ведет.

Отметим горечь этих дней,
Сплотив ряды еще тесней
Вокруг знамен непобедимых
Великой партии своей!

23 января 1924
Москва

83. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Вступившим в 1923 году в ряды **большевиков**
Таутану Арыстанбекову и Абилу Нурсейтову
п о с в я щ а ю

На фуражке героя алеет звезда —
Символ власти, что создали мы навсегда.
Лишь под этой немеркнувшей красной звездой
Обрели мы свободу и радость труда.

Носят красные звездочки на рукавах
Наши люди, в себе победившие страх.
Наши звезды — как наше стремленье вперед,
Как огонь, полыхающий в наших сердцах.

Высоко в поднебесье стояла звезда,
Только нам не достать ее было тогда.
А теперь на ладони мы держим звезду, —
Не могли мы об этом мечтать никогда.

Эта наша звезда — как зеница, как свет,
Озаривший дорогу идущему вслед;
Если ж держишь пылающий факел в руке,
То и ночь не страшна, и усталости нет.

Наши красные звезды горят впереди,
И такие же красные звезды — в груди.
Путь, указанный Марксом и Лениным, крут,
Но звезда приведет тебя к цели — иди!

15 февраля 1924
Оренбург

84. РАНЕНАЯ САЙГА

В Арке есть угрюмая местность — Бетпак.
В холмистой пустыне, в безводных степях
От века никто никогда не селился.
Сайга лишь встречается в этих краях.

Безводная степь без озер и без рек,
Недаром ее невзлюбил человек...
Растет баялыш рядом с черной полынью,
Других же растений не сыщешь вовек.

Не раз нам случалось Бетпаком идти,
Широк — восьмидневному равен пути.
Развьючив верблюдов, мы в юрте походной
О нем разговор принимались вести.

Кулан и сайга здесь водились всегда,
Привольно жилось им в былые года,
Числом не сравнились бы с их табунами
Казахские наши большие стада.

Меня кочевья в весенних степях,
Аулы раз в год проходили Бетпак,
И, пользуясь случаем, каждый охотник
Испытывал меткость на мирных сайгах.

Вот кровь по аулам рекою течет,
И тушам забитым теряется счет,
Но кто возмущился, что злая забава
Несчастных животных со свету сживет?

Кокпек и полынь — и жестки, и сухи —
Единственный корм белобедрой сайги,
И жалости нет у людей к антилопе,—
Ведь люди от века на жалость туги...

Сайгу антилопой зовут иногда,
Она никому не приносит вреда,
За что же охотник безвинных красавиц
Бесмысленно губит везде и всегда?

Люблю, черноглазая наша сайга,
Я поступь твою и прямые рога,
Не меньше людей я тебя привечаю,
Всегда ты была для меня дорога!

Животных других не сравню я с сайгой,
Пуглива она, как ребенок грудной,
И тонкими чутко поводит ноздрями
При шелесте легком полыни степной.

Все меньше сайгачных становится стад,
Быть может, их скоро совсем истребят,
Сайгу, кочевавшую прежде стадами,
Встречает лишь изредка пристальный взгляд.

И тут не пропустит ее зверобой:
Рога антилопы — товар дорогой...
Однажды, безлюдной тропой проезжая,
С израненной я повстречался сайгой.

Подбита безжалостной пулей врага,
Понуро свои опустивши рога,
К убежищу робко пытаюсь обратиться,
Шатаюсь, брела по пустыне сайга.

Смертельно устала, смертельно грустна,
 Вся грудь от сочащейся крови красна,
 Бредет, задыхаясь, от боли измучась,
 Вот-вот упадет, обессилев, она.

Безмолвен Бетпак... Бесконечность степей...
 Сжигает дыханьем своим суховой...
 И нет ни души... Далеко до селений,
 Где жизнь говорлива, как быстрый ручей.

Шатаясь, сайга по пустыне бредет.
 Порой остановится, тяжело вздохнет...
 И вновь, собирая последние силы,
 Бесцельно по этим просторам идет.

Плетется сайга через знойный Бетпак,
 Приносит страдание каждый ей шаг,
 В прекрасных глазах нестерпимая мука,
 Тоска безысходная в этих глазах.

Уже невозможно ей боль превозмочь,
 Под солнцем палящим идти ей невмочь,
 И нет ей пристанища в голой пустыне,
 И нет никого, кто бы смог ей помочь.

Так кто же в пустыне следил за тобой,
 Когда за сухой ты нагнулась травой?
 Холодный убийца, бездушный охотник
 Всадил в тебя пулю жестокой рукой.

1924

85. ОСЕНЬЮ В СТЕПИ

Почему печален я сегодня,
 Почему такой угрюмый вид,
 Почему струна домбры свободной
 Так протяжно-горестно звучит?

Ах, звени, домбра моя, живее,
 Прогони с лица печали тень,—
 Пусть танцуют пальцы веселее
 В этот желтый, несуразный день.

Весь простор осенним ветром выжжен.
 Где в степи былая красота?
 Многоцветья красок я не вижу,
 Словно малярия, степь желта.

Скользкий ветер разгулялся вволю,
 Зашуршал среди цветов и трав,
 Скачет, скачет перекасти-поле,
 От своей бездомности устав.

Степь казахская тоски не прячет,
 Вся она — горька и широка...
 Песнь поет, и в этой песне плачет
 Наш пастух, в словах ее тоска.

Не согреться чабану в лохмотьях,
 Его кляче тоже нелегко,
 Только стаду байскому здесь вроде
 И сейчас печали никакой.

Вот твой хлеб, пастух...
 Ведь жить-то надо,
 Надо жить, хотя бы и в нужде,
 И пастух устало гонит стадо
 И плетется у него в хвосте.

Нелокорна исповедь пастушья,
 И пастушья жалоба горда,—
 Перед степью выплачет он душу,
 Перед толстым баем — никогда.

Степь свое безмолвье протянула
 По овечьим медленным следам...
 Погляди на улочки аула —
 Кто там мерзнет, кто рыдает там?

Как от ветра защититься ей,
 Пастуха жена там мерзнет, плачет:
 Чем печурку растопить батрачке,
 Чем согреть и накормить детей?

По оврагам шарит она скорбно —
 Обогреться хоть бы кизяком,
 Но верблюдицею одногорбой
 Тащится с поклажей в байский дом.

Как тепло и сытно в юрте бая —
 В ней огонь спасительный горит,
 И, кониною благоухая,
 В ней казан начищенный кипит.

Жиром байская лоснится морда,
 Ну а сам он — важен и суров,
 Его стадо — не его забота,
 Мало ли в ауле бедняков?!

Почему бы не нажиться баю?
 В мягких утопает он коврах,
 И жена при бае молодая,
 С влажною улыбкой на устах.

Ну а старшей — лень и шевельнуться,
 Чинно смотрит старшая жена,

Надо всеми бабами аула
Безраздельно властвует она.

О, я знаю, даже звонким летом
Бедняку не легче будет жить.
Равенства еще в ауле нету,
Хоть давно пора его добыть.

Почему, бедняк, не ищешь права,
Слепо покоряешься судьбе,
Почему судьбой своей не правишь,
Долго ли страдать еще тебе?

Жирным носом бай пускай не крутит,
Скот его пусть не пасет другой,
Пусть огонь, горящий в байской юрте,
Обернется байскою бедой.

Что же, бай, сиди с женою милой!
Только участь изменить нельзя,—
Вон она, гляди: твоя могила,
Вырытая восемь лет назад!

Октябрь 1925

86. МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Когда бы мир весь с нами
Под красное встал знамя
И власть Советскую признал своей,

Когда бы все народы
Под знаменем свободы
Трудились бы для счастья людей —

То не было бы ныне
Всех баев и в помине,
Мы пастбища могли бы поделить.

«Отечества богатство,
И равенство, и братство» —
Под этим мы девизом стали б жить.

Цвела бы степь родная
От края и до края,
Везде бродили б тучные стада.

Тогда б не чашей с пылью,
А чашей изобилья
Ты стала, степь родная, навсегда.

Стучат, стучат колеса,
Мелькают дыма косы,—
Курьерский поезд вдаль уносит нас.

Летим без промедленья
И к месту назначенья
Прибудем мы в указанный нам час.

Прошли страданий годы,
Рассеялись невзгоды,
Нет ни рабов отныне, ни господ.

С мечтой о коммунизме
К счастливой новой жизни
Стремится пробудившийся народ.

В густом дыму по пояс
Несет нас века поезд,
Летит безостановочно вперед.

В нем сжатый пар клокочет,
Он мчится дни и ночи,
У станций замедляя только ход.

Хорошая дорожка!
Задумчиво в окошко
Смотрю на подступающую даль.

Передо мною прямо —
Отчизны панорама,
В ней пропустить травинку даже жаль.

Весенняя погода —
Проснулась вся природа,
Повеял с юга теплый ветерок.

Уже настало время,
Чтоб бросить в землю семя:
Флажок зеленый выбросил листок.

Я вновь гляжу в оконце:
Земля дымит под солнцем,
Разбуженная ласками весны.

Холмы густой травой
Укрыты с головою,
И дали по-весеннему ясны.

Ветра поют призывней,
Уже от спячки зимней
Пора земле-красавице вставать.

Земля так смотрит нежно
На пух полей безбрежных,
Как на ребенка в люльке смотрит мать.

Степь широка, как море,
Она, в цветном уборе,
Ковром ложится под ноги людей.

Так будь же плодородной,
Будь радостью народной,—
Тебя зовем мы матерью своей.

И человек, и птица,
И даже зверь стремится,
Как к матери единственной, к тебе.

Ты всех вокруг питаешь,
И всех ты опекаешь,—
И я твоей завидую судьбе.

Пробившись из-под спуда,
Трава встает повсюду,—
К лицу тебе, красавица, она!

Земля весной прекрасна,
И всем на свете ясно,
Что в ней одной лишь жизнь заключена.

Незримыми руками,
Нежнейшими шелками
С большим искусством вышиты луга.

Я землю обнимаю,
Теперь я понимаю —
Как мне она, родная, дорога!

Земля — моя отрада,
Мне ничего не надо,—
Была б она цветущею всегда.

К ней прижимаясь, милой,
Я набираюсь силы
Для нового горенья и труда.

Здесь тысячи букетов —
Тот желт, тот фиолетов,—
Кругом ликуют яркие цветы.

О добрая природа,
Для нашего народа
Цветов и красок не жалеешь ты!

Цветы оттенков разных —
То голубых, то красных —
Нас сводят ароматами с ума.

Сквозь ночь пьянящий запах
Идет на мягких лапах,
Врывается в закрытые дома.

О, как цветы мне любы!
Я б целовал их в губы,
За чистоту душевную любя.

Словно море, ты
Плещешь с высоты
И сквозишь на склонах.

Лишь орлам видна
Часть лесного дна
И цветов полоска.

Укрывают мель
То сосна, то ель,
Тополь да березка.

Нынче тополь чист —
Вымыт каждый лист
Из небесной фляжки.

И стоит он, тих,
Словно бы жених
В чистенькой рубашке.

Хоть в березку он
С той поры влюблен,
Как живет на свете, —

Но ее, увы,
С ног до головы
Обнимает ветер.

А она горда
Тем, что молода,
Что стройна на диво.

Хоть скромна на вид,
Всех вокруг пьенит —
До того красива.

Тонкая нога,
Грудь ее туга
Под рубашкой белой.

Ветер пробежит —
Страстно задрожит
Худенькое тело.

И сосна сосне
Шепчет в полусне,
Что любовь, мол, горе.

Тихо со ствола
Капает смола,
Воздух пахнет морем.

О тайга, тайга,
Как ты дорога
Тем, что лечишь душу!

Вечен твой покой...
Кто тебя такой
Выплеснул на сушу?..
1925

89. ОЗЕРО

То стальной волной
Блещешь под луной,
То сверкаешь солнцем.

Этих вод стекло
До того светло —
Даже видно донце.

Влага синих вод,
Словно жидкий лед,
Освежает лица.

Иногда ты спишь,
Иногда шумишь,
Начиная злиться.

Сотни птиц сюда
Привлекла вода.
Отдых — чин по чину.

Можно перья мыть,
И крылами бить,
И нырять в пучину.

Пляж во всей красе —
Криком, пеньем все
Наполняют воздух.

Птицы тут поют,
Что у них уют
Создан в новых гнездах.

Тут на все лады
Славят вкус воды,
Славят солнце в небе.

Среди синих вод
Облачком плывет
Белоснежный лебедь.

Я твою красу
В сердце унесу,
Озеро, послушай,—

Твоих вод бальзам
Исцеляет нам
И тела и души.

1925

90—91. ДВА ПИСЬМА

1. ПИСЬМО МАТЕРИ

Сын, когда ж тебя я увижу?
Покажись хоть единый раз.
Сын любимый, на что обижен —
Почему ты не кажешь глаз?

Ведь с тех пор, как уехал в город,
Ты как будто бы утонул,
И, наверно, еще не скоро
Вновь увидит тебя аул.

Провожая тебя далеко,
Я мечтала лет через пять,
Сын мой милый, мой сын черноокий,
В нашей юрте тебя обнять.

Дни летят. Я от горя старею,
Сеть морщин на лицо легла,
Все грущу, но надежду лелею
Увидать моего орла.

Вспомни, милый, что мать осталась
В старой юрте совсем одна,
Я тогда еще крепкой казалась,
А теперь я стара и больна...

День и ночь по тебе скучая,
Я смотрю в туманную степь,
На сухие кусты молочая,
На холмов невысоких цепь.

Где-то всадник вдали маячит...
О, как остро сердце болит,
Когда мимо юрты проскачет
На тебя похожий джигит!..

Сын, поймешь ли мою заботу,
Чувство горькое вечных мук?
Тяжело мне стало работать,
Не хватает твоих мне рук.

Неужели, покинув степи,
Разлюбил ты старуху мать?
Знать, крепки городские цепи,
Что не в силах ты их порвать?

Засыпал ты на чьих коленях,
Вспомни, грудью ты вскормлен чьей?
Сколько вынесла я лишений,
Дней тяжелых, бессонных ночей!

Сколько слез пролила над зыбкой
Я у тлеющего огня,
Но всегда ободрял улыбкой
Ты, измученную, меня.

Рядом рано не стало мужа,
Он ушел от нас, и тогда
Жизнь аркан затянула туже,
И свинца тяжелей нужда

Мне легла на слабую спину...
Но решила я про себя:
Лишь бы вырастить крошку сына,
Лишь бы вырастить, сокол, тебя.

Баловства и капризов не зная,
Был ты малым доволен всегда.
Помню: в теплые сумерки мая
Ты задумывался иногда.

Как твои горячие глазки,
Звезды вспыхивали сквозь мглу,
Я тебе говорила сказки
Про Корпеша и Баян-Слу.

О верблюде, о чудном звере,
Обладающем речью людской...
Ты тогда этим сказкам верил,
Жеребеночек резвый мой!

Вспоминаю твои забавы:
Разделившись по лагерям,
Вы тягались «за честь и славу»,
Хворостинкой грозя врагам.

Помню, как ты бывал доволен,
«Неприятеля» победив,
Засыпал, наигравшись вволю,
На земле кошму расстелив.

А когда сам бывал побитым,
Не бежал ты домой в слезах,
И бродил целый день сердитым,
Никому ничего не сказав.

Вот теперь в дальнем городе где-то
Ты начальником, говорят...
От людей разузнав об этом,
Все родные твои шумят.

Им приятно, что сын мой милый
Так далеко теперь шагнул.
Сколько раз я тебя просила,
Чтобы ты приехал в аул!

Стал бы здесь ты судьей народным,
Оценил бы тебя Совет,
Ты имел бы все что угодно,
Наш возглавил бы комитет.

И почетом, поверь, не меньшим
Окружил бы аул тебя.
Ты б невесту из наших женщин
Выбрал добрую для себя...

Укрепил бы хозяйство... И скука
Перестала б мне быть сестрой,
Я с любовью бы нянчила внука,
Так, как нянчилась раньше с тобой.

Сын, подумай: ведь жизнь проходит,
Я стара и здоровьем слаба...
Смерть близка уж, за юртою бродит,
Суждено ли увидеть тебя?

Чем тебе полюбился город,
Что забыл ты старую мать?
Не сердись на мои укоры,
Приезжай! Буду ждать.

25 декабря 1925

2. ПИСЬМО СЫНА

Здравствуй, старая мама, усталая!
Как здоровье твое, апеке?
Поседела, наверно, и стала
Вроде бабушки Тапекен!

Пишешь ты, что прошли все сроки,
А меня-то все нет и нет,
Что забыл я тебя, жестокий,
И торопишь: ускорь ответ.

Мать, утешься! Долго ли будешь
Ты меня упрекать, любя!
Где бы я ни скитался, всюду
Помню я и люблю тебя.

Не забыть мне, как обнимала
Ты меня в тяжелой тоске,
Сколько слез протекло по впалым
По щекам твоим, апеке.

Как, задумавшись, ты сидела
Темным вечером у огня,
Сколько песен печальных пела,
Убаюкивая меня.

Пела ты, как страдали казахи,
Как была твоя жизнь тяжела.
Этих песен горькая накипь
Мне на сердце печалью легла.

Много правды в тех песнях открыла
Мне о жизни родных степей.
Этих песен гневная сила
Вечно в памяти сердца моей.

Опаленные гневом тех песен,
Годы юности шли без утех.
Мир степной показался мне тесен,
Жить как все — я почел бы за грех.

Горечь слов твоих помню, родная,
Все, что пела ты, не забыл.
Помнишь, песням твоим внимая,
Как я тих и задумчив был?

Помню ласку твою, заботы
Обо мне, о моей судьбе.
Как кормила, придя с работы,
Ты меня, забыв о себе...

Были дни: даже пшенной каши
Не осталось совсем у нас,
И в задымленной юрте нашей
Вдруг очаг замирал и гас.

Видел я, как, нуждой убита,
Заливалась слезами ты.
Правду жизни я понял скрытую;
Правду горя и нищеты.

Понял я, что борьба неизбежна,
Что достался мне горький удел.
С самой юности, робкой и нежной,
Я мятежною силой горел.

Ты у неба просила хлеба,
Но, слепая в своей мольбе,
Ты не знала еще, что небо,
Как земля, безучастно к тебе.

И, в отчаянье руки ломая,
Ты рыдала, ко мне припав...
Я поклялся тогда, родная,
Умереть иль добиться прав.

Эта клятва меня в мужчину
Превратила, развеяв туман,
Проложила на лбу морщины,
И ушел я в рабочий стан.

Малахай мой сносился в скитаньях,
И потерял армяк на локтях,
Но дождался я: в громах восстанья
Мне ответил Великий Октябрь.

Мне ответила Власть Советов
(Мать, поймешь ли мои слова?).
Мы дождались теперь ответа,
Получили свои права.

Тосковать обо мне не надо:
Перешел я великий брод,
И меня посетила радость
Новой жизни, больших забот.

Я увидел, что путь рабочих —
Настоящий и верный путь.
И теперь уж ни днем, ни ночью
Мне с того пути не свернуть.

Я работаю не уставая
В этом вихре горячих дней.
Не зови меня в степь, родная,—
В нашем городе я нужней.

Мать, и ты ведь живешь не худо
(Вспомни жуть былой нищеты!):
Для кочевков имеешь верблюда,
И корову имеешь ты.

Но утешься! Продлить беседу
В нашей юрте, за огоньком,
Я весною в аул приеду,
Если отпуск мне даст партком.

6 января 1926

92. ТАИНСТВЕННЫЙ ЛАРЕЦ

(ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ)

Ах эти попрошайки-курицы!
Пристанут — нет от них отбоя,
Едва вы выйдете на улицу,
Крупы и проса взяв с собою.

Так и «друзья». Они — как курицы.
Снуют, пока вы не в опале.
Но стоит небесам нахмуриться —
Ищи-свищи! «Друзья» пропали.

Их дружба — сущая безделица.
Друг проверяется на деле.

Друг с вами тайнами поделится
И ваши горести разделит.

Душа людская — клад бесценный.
Она — хранилище сокровищ,
Таинственных и сокровенных.
Ее лишь другу ты откроешь.

Душа от глаз людских хоронится,
Как будто пленница в темнице.
Она тоскует, как затворница,
И ищет друга, чтоб излиться.

Тебе, мой друг безвестный,
Все помыслы души
Я раскрываю в песне,—
Ты ж слушай, не дыши.
О, что душа без песни
И песня без души?!

Пойдем туда, мой друг бесценный,
Где спят утесы-великаны,
Как будто пологи над сценою,
Над ними плавают туманы.
Средь этих дебрей нелюдимых
Живут застенчивые тайны.
О, как найти их, невидимок?
Как различить их звон хрустальный?
Звенят ключи, цветут плющи,—
Попробуй тайну разыщи!

А на границе этих скал
Стоит утес-гранит.
Его вершина высока,
Его ласкают облака,
Он тайну тайн хранит.
Утес, как дьявол однорогий,
Встает над хмурою равниной,
К нему заказаны дороги.
Растут леса. Встают отроги,
И рек беснуются стремнины.
Вглядись, мой спутник, напряженно
В его безмолвную прохладу,
О, этот край замороженный!
О, это логовище кладов!
Ты видишь, над седой вершиною
Маячат мрачные ворота,
Над ними буквы трехаршинные
Горят угрюмой позолотой.
В дворце — сокровища несметные,
Но краше всех других диковин —
Ларец, для глаза незаметный,
Обычной бронзою окован.

Покрытый пестрою тряпичей,
Он прочих сундуков не ярче,
Но в нем другой ларец хранится —
Горящий перламутром ларчик.

Тот краса ларец
Бирюзой покрыт.
Тот ларец-малец
Тайну тайн хранит.
Он хранит ключи
Ото всех сердец.

Что за звон звучит?
Что сокрыл ларец?
То ли арф лады?
То ли лиры звук?
Видишь струн ряды,
Мой бесценный друг?

Подойди и тронь
Эту лиру лир,
И со всех сторон
Отзовется мир.
Все сердца звенят
Этой песне в лад.
Лад былин-баллад —
Слов волшебный лад!..
Этот чудо-клад
Кручи гор хранят.

И я там был, и был не раз,
Взбирался в тот дворец
И трогал струны в ранний час
На утренней заре,
Вставал иных миров мираж, —
И из конца в конец
Вся жизнь, как утренний пейзаж,
Лежала в серебре.

О сердце, ты — сокровищ страж
Таинственный ларец!

26 февраля 1926

93. МОЙ БЕДНЫЙ АУЛ

Да, уже немало дней
Я под кровлей городской,
И на родине своей
Раз в два года я гощу.

Вот он, бедный и родной,
С детства памятный аул!
Только стал совсем иной
За немногие года.

Стариков с теченьем лет.
Заменила молодежь...
Так прими же мой привет,
Сизо-войлочный аул!

Облик жизни изменен,
Лица юношей свежи,
А вчерашние юнцы,—
Пышноусые мужи.

Полог юрты обветшал,
Пусть же станет золотым.
В колыбели я лежал,
Тишиной его храним...

Вот где правил бай Тапал,
Где озера Кос Шалкар.
Где же кони, чей табун
Берега озер топтал?

Опустел аул Хаджи,
Обеднел аул Мурзы.
Где их скот? Как ни кружи,
Малой доли не найдешь.

Но Карип и Абжекен
Не усмотрят всех овец,
Не сосчитаны никем
Их отары и стада,

Вот он, мой родной аул!
Я, оглядывая даль,
Добрим словом помянул,
Сосчитал односельчан.

Сын муллы — он секретарь,
А муллы в помине нет.
Одноглазым стал Сатай,
Стал еще старей Али.

Да, возглавил сельсовет
Сын муллы, последний сын,
И в ауле нет муллы,
И мулле почета нет.

У Данкена — хворь и плешь,
Зубы выпали его,
И волос лишен Ареш,
Лишь полноса у него.

Изымханова жена
Лихорадкою больна.
А сапожник — сед и хром,
Наделен большим горбом.

Булекан и Биязы —
С глухотой и слепотой.
Не стряхнуть с очей слезы
Одряхлевшею рукой.

Сгорбившись, чтоб не упасть,
Две старухи побрели...
Захватили в доме власть
Молодухи сыновей.

Вырос сын у Биязы
И подался в города.
Он со мной вошел в аул,
Мать ученого горда.

Вот и плачет Баяза,
Плачет сын ее Жамал,
Стал он крепок и силен.
Был когда-то слаб и мал.

Люди поняли сейчас
Пользу знаний и наук,
И у многих из сельчан
Учатся и сын, и внук.

Все в труде... И Алиман
Чинит старое седло.
Рубит заново Сатан
Ось распавшейся арбы.

А Кадиш издалека
Воротился в свой аул.
У двухлетнего конька
Поступь твердая легка.

А на берегу реки —
Отдых медленных коров,
А на склонах — косяки
Огнедышащих коней.

Некогда пасли табун
На джайляу Кара-ой...
Слился с бархатом полей
Бархат неба голубой.

Раздается рев быка,
Отдается вдалеке,
Едет сборщик кизяка
На несмазанной арбе.

Черно-бурый бык могуч,
Силой запряжен в арбу.
Выцветший шекпен колюч,
Тело голое темно.

На одежде бедняков
Много все еще заплат.
Ты когда покинешь их,
Старый, порванный халат?

Но мальчишеских ватаг,
Общей занятых игрой,
Собирающих кизяк,
Песни звонкие слышны.

Песни новые у них,
Новый день и новый век,
Песни новые звенят,
Огласив Кара-узек.

Лишь вчера Коран они
Распевали наизусть.
Новые настали дни,
Новый слышится напев.

У Сатая-бедняка
В доме вдоволь молока.
Нурекенова Айша
Стала дивно хороша.

Весь в заплатках Атекен,
Вечно он бродил один,
Рван шатер его, кеген
Весь длиной в один аршин.

Рядом с юртой, у заплат,
Топчется убогий скот.
Десять коз и пять козлят,
Неудачен был приплод.

Я из города привез
Сепаратор в дар ему...
Все бегут его смотреть —
Не пробиться никому.

Масло Атекен скопил,
Продав в кооператив
И, шапан себе купив,
Задал всем соседям пир.

Сепаратор зашумел,
Сказочен, молочно-бел.
Масла жирные комки
В каждом доме велики.

Возле юрты женский смех.
Многолюдно день и ночь.
Сепаратор зашумел.
Все хотят ему помочь.

В центре круга он стоит,
В центре круга — шум и стон.
Жадно слушает народ
Песню будущих времен.

Ручку крепко ухватив,
Крутят до потери сил.
Аппарат заголосил..
Нескончаемый мотив!

Чутко вслушиваюсь я
В этот вдохновенный гул,
И оглядываю я
Мой сегодняшний аул.

Нескончаемый мотив —
Сепаратора напев!
Эту песню подхватив,
Песню я свою сложу.

Вот он, бедный и родной,
С детства памятный аул!
Только стал совсем иной
За немногие года...

Август 1926

94. ДУМЫ МОЛОДУХИ

Ах, трескучий мороз!
Зимний яростный ветер,
Как разбойник, свистит,
Все занес он на свете.

Землю всю завалил
Снег, как море, глубокий,
И лютует мороз
На просторах жестокий.

Он проворен, свиреп —
Щеки выбелит быстро;
Сыплет солнце из туч
Разноцветные искры.

Над сугробами пыль —
Рыщет по полю вьюга,
И нигде ни души,
Вся безлюдна округа...

В стужу дом бедняка —
Как могильные своды.
Все невзгоды в сто раз
Горше от непогоды.

Дымовая труба
Стонет, воеет натужно,
Словно дом сам кричит
О печали, о нуждах.

Зимний ветер в снегах
Крутит петли искусно;
В доме юная мать
Думу думает грустно.

Иней стены покрыл,
Знаки бедности пряча;
Сын в кровати затих,
Изнемогший от плача.

«... Стала другу женой,
Он мне верным в любви был.
Не жалею, мой сын,—
Это правильный выбор.

Было раньше: жена
Век рабынею ходит...
Что нам бедность была?
Мы пеклись о свободе!

Но прогнали царя,
Дружным зажили станом.
Есть свобода. Теперь
Бедность стала тяжка нам.

Как болела у нас
Грудь тогда от печали!
Стать женой по любви,
Сестры счастьем считали.

Меня выбрал Жумат
Из девичьего круга.
Я любила его,
Стала верной подругой.

Есть доверье, любовь —
Да, семья неплохая,
Но еще тяжела
Наша бедность большая».

... Над печною трубой
Вьюга, вьюга колдует...
Укачав малыша,
Молодуха горюет.

Ах, трескучий мороз!
Зимний яростный ветер,
Как разбойник, свистит,
Все занес он на свете.

Землю всю завалил
Снег, как море, глубокий,
И лютует мороз
На просторах жестокий...

17 декабря 1926

95. БЕДНЯЦКИЙ АУЛ ПРИ ТРЕСКУЧЕМ МОРОЗЕ

На просторах степей
Вьются косы метели.
Снег засыпал весь свет,
Залепил даже щели.

Спит бедняцкий аул,
Той пургой осажденный,
Спит, как воин без сил,
Как солдат побежденный.

У степных бедняков
Труд все вымотал жилы,—
Юрты в дырах всегда,
И похlebка без жира.

Окна еле видны,
И безмолвные трубы
Над снегами торчат,
Будто редкие зубы.

Дым клубится из труб
Низко-низко. И тает:
Это стужа к земле
Даже дым пригибает.

Низко стелется дым,
В лог уносится мрачный.
Знать дает о жилье.
Только запах кизячный.

Сжавшись, стадо скота
Вьюги слушает стоны:
Спин не греют худых
Из лохмотьев попоны.

Хлопотливый старик,
Мальчик, трое джигитов
Строят вал изо льда,
Чтобы скот был укрытым.

Взмокли спины людей,
Снег летящий дымится,—
Хоть бы сена клочок,
Чтоб не пали кормильцы!

Корм ища для скота,
Снег взрывает логата.
Старый рваный тулуп —
Вся одежда Жумата.

Опоясавши грудь
Сыромятным арканом,
Будет он допоздна
Состязаться с бураном.

Молодуха его
Сына в юрте качает.
Для своих трех коров
Корм Жумат добывает.

Добывает траву —
Рвет рукой онемелой...
Ходит в поле Жумат,
Весь завьюженный, белый...

1926

96. В ЛАЧУГЕ ЖУМАТА В ТРЕСКУЧИЙ МОРОЗ

Вот лачуга стоит
На пути из аула —
От бесчинства ветров
Грустно спину согнула.

Из самана ее
Сбили чьи-то ладони.
Когдаходишь в нее,
Гнешься, словно в поклоне.

Узок пол земляной,
Тряпок скопище затхлых.
Постоянно стоит
Сыромятины запах.

Тусклый бычий пузырь
В дырах-окнах печальных,
Старой шапкой накрыт
Остывающий чайник.

Через окна и дверь
Слышен посвист метели;
Белым инеем все
Запорошены щели.

Воет-плачет труба
Дряхлой печки-временки;
Пес голодный скулит
Там, за дверью землянки.

Голос ветра в трубе —
Как призывы на помощь...
Но к призывам глуха
Злая зимняя полночь.

В общем, что говорить
Нам о бедности боле:
В доме нужного нет
И десятой-то доли.

Нет уюта, тепла
У Жумата в лачуге,
Наполняют ее
Завывания вьюги.

Жить здесь — сила нужна
И присутствие духа...
В черной, дымной норе
Лишь одна молодуха.

Перед ней колыбель,—
Мать сынишку качает
И на лобик ему
Слезы молча роняет.

Плачет, плачет малыш...
Что с ребенком такое?
Он с рожденья — в слезах,
Словно просит покоя.

Песню грустную мать
Над сынишкой заводит.
Черный ветер ночной
Вторит ей в дымоходе...

1926

97. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Костным жиром напою,
Тихо песенку спою,
Крепко спи, мой ненаглядный,
Баю, баюшки-баю.

Своему богатырю
Я подарок присмотрю,
Мягкий хвост собачки пестрой
Вместо плети подарю.

С ним в седло садись со мной,
Рядом с матерью родной,
Твоего отца разыщем
Мы в метели ледяной.

Он слывет в краю степном
Самым лучшим пастухом.
И сейчас он, в зимний вечер,
Зорко смотрит за скотом.

Ты, мой маленький джигит,
Чем ты будешь знаменит?
Правда ль, что твоя отвага
Нашу старость сохранит?

Может быть, далеким днем
Смелым станешь ты вождем
Обойденных мирным счастьем
Бедняков, как мы с отцом?

Или станешь мудрецом
Ты с крутым — в семь пядей — лбом,
Достославным речетворцем
С метким, острым языком?

А быть может, мой сынок,
Будешь славен, как пророк,
Чистой истины глашатай,
Обличающий порок?

Или ты в расцвете лет
Удивишь весь белый свет,
Станешь доблестным батыром,
Не живущим без побед?

Или, славя отчий дом,
Подружишься с кетменем
И примером трудолюбья
Станешь ты в краю родном?

С кузнецами, может быть,
Будешь людям ты служить
И железо, словно тесто,
Тяжким молотом месить?

Или ты на целый мир
Прогремишь как ювелир,
Огранивающий искусно
Изумруд, рубин, сапфир?

Или, как Камбар, с конем,
С буйным, быстрым скакуном,
Станешь храбрым зверобоем,
Метким опытным стрелком?

Ты, когда войдешь в года,
Благонравным будь всегда,
На седьмом, птенец мой, небе
Мать окажется тогда.

Если ж вдруг молва пройдет,
 Что любимый сын растет
 Своевольным и злонравным,
 Мать слезами изойдет.

Баю-баю, светик мой,
 Жеребеночок родной,
 Оправдай мои надежды,
 Мой сыночек дорогой!

1926

98. БЕЛЫЙ ПЕС И ПАРОВОЗ

Будучи этим летом в командировке, я написал в газету «Енбекши казах» заметку о недостатках на железной дороге Кзылжар — Кокчетав. Некий отщепенец Мустафа Шокаев, ссылаясь на эту заметку, излил в белоэмигрантской газете «Дни» немало желчи, пытаясь опорочить политику Советского правительства. Хотя это стихотворение было написано задолго до клеветнических измышлений господина Шокаева, именно это стихотворение я ему преподношу.

Кто этот путь бескрайний протянул?
 То тут, то там нам представал аул.
 Над горизонтом солнышко вставало,
 И нам в лицо холодный ветер дул.

Чугунный поезд движется вперед,
 То торопясь, то убавляя ход,
 Быстрее ветра черный конь несется,
 Он полон сил, не ведает забот.

Он вышел в путь, который крут и прям.
 Стучат колеса по стальным путям.
 Из-под стальных колес несутся искры,
 И скачет конь, и грозен и упрямя.

Бьют клубы пара из его ноздрей,
 А он бежит все дальше, все быстрее.
 За пышной гривой дымный шлейф струится,
 Оставив позади простор степей.

Могучий дух несет его вперед,
 Пар из ноздрей неукротимо бьет.
 Конь вороной летит по звонким рельсам,
 И сто телег он за собой влечет.

Он по дороге тянется змеей,
 Свои телеги тянет за собой,
 И неуклонно крутятся колеса,
 И вся земля дрожит под ним порой.

Хоть все еще дорога далека,
Несется конь под уханье гудка,
Он вдаль несется, как стрела из лука,
Как будто силы хватит на века.

Сколь многое осталось позади!
Но все вперед идти ему, идти!
Он осторожно сдерживает скорость,
Но прежний жар горит в его груди.

Кругом аулы старые видны,
Кругом коней пасутся табуны,
Вдруг белый пес на паровоз залаял,
Узрев, как мы вперед устремлены.

Пес тощ и худ, и шерсть висит на нем,
Неладно у него с едой, с жильем,
Облезлый пес бежит за паровозом —
Чего он ждет? Мечтает он о чем?

Ужели уповает белый пес,
Что он обгонит мощный паровоз?
Он, может, просто милостыни просит
И лишь затем и вьется у колес?

А белый пес не хочет отставать
И все глядит на паровоз опять,
И все свои облизывает губы,
Не уставая взором умолять.

Голодный пес затравлен, зол и дик,
Просить он подаяние привык,
Он, изогнувшись, не отстать стремится,
Из пасти длинный высунув язык.

Пес разъярен, в глазах его тоска —
Никто ему не бросит ни куска,
И подала ему лишь машиниста
От сажи почерневшая рука.

А машинист, что весь в мазуте был,
Мозоли на ладонях натрудил,
Он молча кинул псу краюху хлеба,
И тотчас белый пес ее схватил.

Еще недавно был он сыт и горд,
И охрянял покой своих господ,
А ныне отощал от голодухи,
И дыбом шерсть облезлая встает.

Ты, белый пес, был выхолен и чист
И к господам спешил на первый свист,
Зубами рвать не раз тебе случалось
Замасленных, как этот машинист...

Что ж, белый пес, что взял — назад отдай,
Жирел на дармовщине — голодай,
Вилай хвостом перед врагом вчерашним,
Которого встречал твой злобный лай.

Ты тряс, бывало, гордой головой,
Бывало, хвост закручивал трубой,—
Теперь стоишь и просишь подаянье.
Куда ж девался вкус отменный твой?

Конь вороной торопится вперед,
А белый пес никак не отстает,
И, норовя схватить мясца кусочек,
Он, задыхаясь, разевает рот.

Голодный пес кусок мясца схватил
И мчится дальше из последних сил,
Он на лету глотает подаянье
И мчится вслед за тем, кто накормил.

Спокойно едет мощный паровоз,
Стремится не отстать голодный пес,
И долгое сие соревнованье
Велит мне призадуматься всерьез.

О, может быть, рассказ мой нехорош,
Но в нем, как в басне, ты мораль найдешь:
Мой белый пес — осколок прежней жизни,
Он на былых правителей похож.

Мой паровоз — глашатай новых дней.
Пес ошалеет от его огней,
Но верить глупый пес не перестанет,
Что прежний путь надежней и верней.

1926

99. ДЕВУШКЕ ИЗ СОВПАРТШКОЛЫ

Ты в город ушла на учебу,
Но там, вдалеке от степей,
Смотри, не забудь об ауле,
О родине милой своей.

Невежество в нем угнездилось,
Все мысли живые губя...
Здесь ждут твоего возвращенья
И помощи ждут от тебя.

Штурмуй же твердыню науки,
Основы основ изучай,
Не вздумай томиться бездельем,
Лентяйкой не стань невзначай.

Для девушек в дальних аулах
Должна ты примером служить
И светочем ясного знания
Извечную мглу осветить.

В нужде, в темноте, в глухотам
Пока что живет твой народ...
Пусть город тебя не приманит
Соблазном фальшивых красот.

Пускай городские девицы
И в пух разодеты и в прах,
Дешевой блестя мишурую,
Дымят папироской в зубах.

Ни в чем не бери с них примера,
Не то попадешься впросак —
Ни знаний, ни сил, ни здоровья
Тебе не прибавит табак.

Любители внешнего лоска
Наводят лишь тень на плетень...
А много ли нужно искусства —
Прически менять каждый день?

Немало у нас шалопаев,
Которым учеба чужда.
Страшись, им во всем подражая,
Невеждой прослыть навсегда.

Ведь если ты, кончив учебу,
Лишь внешность изменишь свою,
Мишенью для едких насмешек
Ты станешь в родимом краю.

Не будут ли одноаульцы
В глаза тебя зло укорять:
Чему же, мол, ты научилась,—
Одни только платья менять?!

Подруги, друзья и родные
Смеяться начнут над тобой,
И будут тебя по аулам
Бездушною звать и пустой.

Я вовсе не против обновок,
Но жаль, если б ты из-за мод
В развитие своем отставала,
Не двигалась дальше вперед.

Все делай как знаешь... Но люди
Пускай про тебя говорят,
Что внутренний мир твой богаче,
Чем самый богатый наряд!

Нет проку в пустом человеке,
Ведь в блеске своем показном
Он схож пестротой наружной
С красивым, но горьким плодом.

Все эти тревожные мысли
В свою заключаю я речь,
Желая от грубых ошибок
По-братски тебя уберечь.

Ведь все же ты мне не чужая,
И лишних не трачу я слов...
Должна оправдать ты надежды
Далеких своих земляков.

Да вот что! Не трогай ты косы,
Ведь, право, их жаль остригать,
А длинные косы учебе,
Ей-богу, не будут мешать!

Природа красавице цапле
Дала белоснежный наряд,
Фазану — цветистые перья,
Которые радуют взгляд.

Тебя же всегда украшает
Краса шелковистых волос,
И люди любят блеском
Тугих, замечательных кос.

Ты выслушай, не обижаясь,
Мою откровенную речь,
Обязанность старшего брата —
Сестру от ошибок беречь.

Старайся же из совпартшколы
Вернуться с большим багажом,
Чтоб светоч ученья и знаний
В ауле зажегся твоим.

Ведь раз ты в познаниях сумела
Седых стариков превзойти,
Твой долг перед родиной нашей —
В народ эти знания нести.

Стремись же все тайны науки
В упорной учебе познать,
Чтоб после в практической жизни
На благо людей применять.

Теорию с практикой смело
В работе своей сочитай,
И сможешь плодами ученья
Родной ты порадовать край.

Советом тебе из аула
Помочь не сумеет родня.
И мне помогать тебе трудно —
Ведь ты далеко от меня.

Поэтому в письмах советы
Любимице шлю я своей
В тот город огромный, который
Лежит вдалеке от степей!

1926

100. ИЗ ОКНА ВАГОНА¹

Саре Есовой

Курьерский стремительный поезд
Без усталости мчится вперед,
Из окон глядят пассажиры
На мир неоглядных широт.

Я тоже гляжу с упоением
На бледную степь из окна.
Окутана снегом глубоким,
Как море, безбрежна она.

Насупился редкий кустарник,
Застыл, коченея, ковыль,
Покрыла сухие верхушки
Морозная жгучая пыль.

Со снегом соседствует иней,
Суровый, безрадостный вид...
Зима, как седая старуха,
Угрюмо на землю глядит.

Лицо ее заиндевело...
И глядя на старческий лик,
Припомнил я прошлое лето,
Исчезнувший солнечный блик.

¹ Написано в вагоне к Новому году.

Покойником в саване белом
Простерт охладельный простор,
Косулей, бродящей в пустыне,
Блуждает мой мысленный взор.

Я скорбную вспомнил беседу,
Припомнил я горечь речей;
Ты с болью тогда говорила
О вечной печали своей.

Ты с грустью меня уверяла —
И верила в это сама —
Что юность промчится, как лето,
И старость придет, как зима.

«К нам смерть подойдет постепенно,
Считаться не станет с тобой...—
Вздыхнув, ты глаза опустила,
Охвачена острой тоской,—

Могилу свою обнимая,
Навечно мы в землю войдем...
Так сколько ж нам жить остается,
Тужить перед смертным концом?»

Я эти печальные речи
Запомнил тогда наизусть...
Зачем же ты так тосковала,
Откуда взялась эта грусть?

Далече до зимних морозов,
Ведь осень еще не пришла,
И жарко горящее сердце
Покрыть не посмела зола!

Но хоть и зима подберется,
И тут не пеняй на судьбу.
Пусть волосы снегом осыплет,
Пусть лягут морщины на лбу,—

К чему сокрушаться напрасно?
Идет все своим чередом...
Не мучайся скорбным раздумьем
Свой век мы не зря проживем!

Идет караван поколенья,
С тропы ему горько сойти...
Из тысяч таких караванов
Не первые мы на пути.

Никем не был мир этот создан,
Не будет разрушен никем,
А жизнь — словно яркая искра..
Сверкнет и погаснет совсем.

Здесь много прошло караванов,
Исчезнув один за другим,
И мы, проходя вслед за ними,
На давней стоянке гостим.

От многих следа не осталось,
В забвенье исчезли навек,
И всем им, наверно, хотелось
Вернуться на старый ночлег.

И мы не вернемся обратно,
Но наши потомки не раз
У памятника на стоянке
По-доброму вспомнят о нас.

Фундамент мы здесь заложили,
Возводим стену за стеной,
Не раз еще тяжкие камни
Поднимем мы вместе с тобой.

И память о нас сохранится
До самой далекой поры —
О подвиге старшего брата,
О подвиге старшей сестры.

Надежный заложен фундамент,
Мы стены построим теперь,
В дворец, воздвигаемый нами,
Потомкам откроем мы дверь.

Мы справимся с большей работой,
Нам больший размах по плечу,
Все выше мы прочную кладку
Возводим — кирпич к кирпичу.

Один за другим караваны
Исчезли в беспамятстве лет,
О нас же останется память,
В веках нестираемый след.

Еще не прошло наше лето,
Ведь осень еще не пришла,
И жарко горящее сердце
Покрыть не посмела зола.

А если зима подберется
Не будем пенять на судьбу.
Пусть волосы снегом осыплет,
Пусть лягут морщины на лбу,—

И здесь горевать мы не станем:
Идет все своим чередом...
Не мучайся в горьких раздумьях,
Свой век мы не зря проживем.

1 января 1927

101. НАБОРЩИКИ

Ударил раскатами дробного грома
 Станков типографских рокошущий ряд.
 И образы реют, парят невесомо
 И наше сознание незримо творят!

Не с облачных высей откликнулось эхо,
 Не в утреннем небе рождается свет —
 Сейчас в коридорах наборного цеха
 Куется оружие наших побед.

И чудо течет в золотых узорочьях,
 Которые век на свинце начертал,
 В железных руках типографских рабочих
 Одухотворяя холодный металл.

История стала звенящим металлом,
 История в шрифт воплотилась литой,
 Встает золотым, небывалым порталом,
 И время несется стрелой золотой.

Ты знания сеял в народе, как зерна,
 Высокого десятилетия набор...
 Рабочий! Веди вдохновенно, упорно
 По черни свинца драгоценный узор.

И вот по свинцу семенит вереница
 Причудливых образов, линий, замет.
 И быстрые буквы спешат перелиться
 В слова и созвучья, и в краски, и в свет.

И синих спецовок спешит муравейник,
 Растет, шевелится, он занят трудом.
 Бригады и звенья... И утренней смене
 Вечерняя смена подобна во всем.

Мерцает серебряный шрифт типографский,
 Серебряным блеском сияет пыльца,
 На пальцах, измазанных грязью и краской,
 Играют и светятся блески свинца.

Ударит, прокатится дробное эхо
 И с цокотом пересечет поперек
 Свинцовое царство наборного цеха,
 Горячего зала просторный чертог.

И перелетая из ящика в ящик,
 И черпая пригоршни букв на бегу,
 Из прямоугольников, плотно стоящих,
 Упорные пальцы сбивают строку.

Огромные рати и полчища гранок
 Теснятся на полках и рвутся из рук.

В знаменных узорах, в цветах златотканых
Проносится войско искусств и наук...

По этим свинцовым изображениям
Печатное слово промчится, горя
Сегодняшним чудом, грядущим сраженьем...
И будущей жизни восходит заря.

Грохочут пчелиные ульи печати,
Но кассы наполнил не мед, а металл.
Мой первый товарищ, мой первый читатель —
Наборщик над свежими строчками встал.

Он в синем халате простого покроя,
Таких же спецовок немой хоровод,
Бригада, подобье пчелиного роя,
Стоит над свинцом и по цеху снует.

Рабочие! Это они дирижеры
Великого хора... Из капли свинца
Рождаются знаки, струятся узоры,
И наши они озаряют сердца.

Проснулись и ожили мертвые знаки,
Разгадан металла безмолвный секрет,
И отданы звуки и знания бумаге,
И новые книги увидели свет.

История стала звенящим металлом,
История в шрифт воплотилась литой,
Встает золотым, небывалым порталом,
В грядущее нитью ведет золотой.

Ты знания сеял в народе, как зерна,
Великого десятилетия набор...
Рабочий! Веди вдохновенно, упорно
По черни свинца драгоценный узор.

1927

102. ЛАСТОЧКА

После долгой спячки зимней
Пробуждается земля —
И вершины и низины
Расшивают зеленя.

И всенний темперамент
За узором тклет узор,
За орнаментом орнамент
На степной кладет ковер.

Пали капли дождевые,
Как жемчужины, с небес,

И концерты птиц живые
Оглашают звонкий лес.

Расцвела земля сырая,
Соком все поит, растя,
Словно грудью мать родная
Кормит милое дитя.

Полдень ясный и высокий...
Вытирая потный лоб,
Ты земные слышишь соки,
Благодарный хлебороб.

Пробудилось все живое,
С каждым часом жизнь живей.
Начал дело трудовое
Даже малый муравей.

У засеянного клина
Шустро ласточка снует,
В клюве — прутик или глина,
Гимн весне она поет.

Прославляя труд и братство,
Пой, ударница труда!
Коль бедняк взрастил богатство —
Будет с хлебом он всегда!

1927

103. НА ВОЛНАХ ЖИЗНИ

Сверстнице

Как бурный Яик, жизнь течет
В неведомые нам края.
Здесь каждый в меру сил гребет
И цель у каждого своя.

В верховьях, тонок и плаксив,
Журчит, петляет ручеек!
По капле силу накопив,
Он превращается в поток.

И вот, раздвинув берега,
Как будто расправляя грудь,
Течет могучая река,
Прокладывает к морю путь.

Везде, куда проникнет взгляд,
Чернеют лодки на волнах.
Они спуют, бредут, летят,
Порой сшибаясь второпях!

Пути их определены,
Неволен их усталый бег,
И в руки яростной волны
Их судьбы отданы навек.

Так лодки мчатся по реке,
Спешат, сшибаясь на лету,
То исчезают вдалеке,
Уходят в воду, в темноту...

Их гонит бурная вода
То врассыпную, то гурьбой.
С коварной льдиной иногда
Они вступают в жаркий бой.

И мне на весла налегать,
И мне без усталости грести.
Воды недвижимая гладь
Мне чудится в конце пути.

Но волны бешено снуют,
Играя мною, как мячом,
И белой пеною плюют,
Как будто все им нипочем.

Над бездной пенится вода,
И кружит нас водоворот.
В пути застигла нас беда,
Никто на помощь не придет.

Мою ладью кружит волна,
Как мяч резиновый неся,
То в берег тычется она,
То под волну уходит вся.

Я над пучиной водяной
Вишу беспомощный, хоть плачь,
Волна несется за волной,
Меня швыряя, точно мяч.

И я, сорвавшись с этих круч,
Лечу неведомо куда,
И надо мной до самых туч
Вскипает пенная вода.

Весь мир как будто превращен
В воздушный шарик на волне.
Еще мгновение — и он
Исчезнет в темной глубине.

Мы в ходе жизни не вольны,
Мы только щепки на реке.
Мы на волну летим с волны
И исчезаем вдалеке.

Любой ручей, любой поток
Спешит припасть к морской груди.
Наш путь опасен и далек,
Но море ждет нас впереди.

Река швырнула как-то раз
Тебя в объятия ко мне.
Две наши лодки в этот час
Сошлись на бешеной волне.

И там, среди бурлящих струй,
Куда несет тебя поток,
Ты встретишь жаркий поцелуй
Или предательский клинок.

Пока вдали от берегов
Меня носил безумный шквал,
Я много раз встречал врагов
И много раз друзей терял.

Меня волна сшибала с ног,
Меня крутил шальной поток.
Со многими я враждовал
И с очень многими дружил,

Огнем я дружбу проверял,
Врага вокруг пальца обводил.
Нас качка мучает в пути,
И ветер нас наотмашь бьет,

Но кто откажется грести,
Кто не захочет плыть вперед?
И мы с тобою, вдаль спеша,
На бурной встретились волне.

И расцвела моя душа,
Когда ты улыбнулась мне.
Твои достоинства не счесть,
Но каждому воздам я честь.

Перед тобой склоняюсь ниц,
Нет у любви моей границ.
Ты так небесно хороша,
Прекрасный свет моих очей.

Как жадно ждет моя душа
Твоих улыбок и речей!
Ведь каждый, утомясь в пути,
Покой мечтает обрести.

Но, как мячом, твоей судьбой
Еще потешится пока
Под улюлюканье и вой
Вдаль устремленная река.

Волна, набаловавшись властью,
Тебя со смехом отшвырнет,
Ты угодишь пучине в пасть,
Тебе песок залепит рот.

Мы жемчуг собираем впрок,
Пока нырять хватает сил.
Мы ищем в жизни суть и толк,
А нас засасывает ил.

Мы на волну летим с волны,
Плывем без усталы вперед.
Мы только утлые челны,
Попавшие в водоворот.

1927

104. СРАЖАЮЩЕМУСЯ РАБОЧЕМУ КЛАССУ

Я не забуду
Первое Мая:
Беречь единство,
Рабочий класс,
Давал ты клятву,
В борьбу вступая,
В тот день великий,
В великий час.
Товарищ и друг,
Не забыл ты еще —
Мы шли,
Как братья,
К плечу плечо!
Коварных хищников стая
Когтями
Тогда терзала
Горло твое,
Она железными обручами
Тогда сжимала
Горло твое.

Тогда золотые сынки,
Злодеи,
Вся желтая свора —
Нет ей числа —
Кинжал золотой над тобой,
Зверья,
В ярости занесла...
В тот миг
Разве мог я оставить друга?
И я на помощь
Тебе поспешил —
Врага я крушил,
Хоть и было нам туго,

С тобою, рабочий, мы землю одну
Кровью своей оросили!

Я свято
Давний храню мандат,
Что штабом фронта
Мне дан.
Я, дней октябрьских
Юный солдат,
Ношу его
Как талисман.
Мандат, что окрашен кровью моей,
Храню
С тех пламенных дней.

Не смолкнет
Слава их никогда,
Из памяти их
Не стереть,
Высокие,
Грозные эти года...
Враг драпал...
На время сумел присмиреть
Дрожащий двурушник,
Окраску сменил,
Но нам ничего не простил.

Простят ли злодеи
И их сыновья,
Чью мы беспощадно
Громили орду?
Они, под плащами кинжалы тая,
Нас свергнуть мечтают
В беду и нужду.

Болтают приветливо,
Смотрят хитро,
Свое вероломно скрывают нутро.
Хищная шайка недругов злых
Вновь заносит кулак...

Все основания есть у них
Нас ненавидеть так.
Мой друг и товарищ,
Мой верный брат,
Запомни раз навсегда:

Не верь гладколицым,
Их злобен взгляд,
В нем ненависть и вражда.

И пусть наш недруг цинично ржет,
Пусть смотрит косо, свистит,
Пусть, разжиревший, нас стережет,
Зловеще носом свистит,—

Я не страшусь,
 От борьбы не уйду,
 Уста мои не солгут,
 Когда провокаторы
 На ходу
 Мне под ноги палку суют.
 Я метким словом своим готов
 Стрелять по орде врагов.
 Их гладкие морды разрисовать
 Прицельным огнем — готов!
 Конечно, случается иногда,
 Ты рано курок нажмешь —
 Горячий свинец
 Летит не туда,
 Куда ты его пошлешь...
 И если я оступлюсь — исправь,
 Рабочий класс, излечи!

Твой локоть —
 Опора в нелегкий час,
 Острой кинжал наточи!
 Когда проходимцы
 Мешают жить,
 Лают исподтишка —
 Их лай ехидный
 Хочу сравнить
 С голодным визгом щенка!
 Рабочий класс!
 В кровавом бою
 Вступил я в твои ряды.
 Тебе всю жизнь свою отдаю —
 Да будут шаги тверды!
 Я в это великое братство вступил,
 Целую кинжал, я клятву скрепил,
 И вместе с тобою
 Ходил я в бой,
 Горел я в огне не раз,
 Покуда дышу я —
 Всегда с тобой
 Я буду, рабочий класс!

Оружие —
 К бою,
 Наизготовку,
 Смелее шага,
 Заряди винтовку!
 Готовься,
 Целься,
 Всю силу,
 Волю
 В этой борьбе
 Напряги...
 Вперед, колонны,—

105. ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПОЛЬСКОГО
РАБОЧЕГО КЛАССА

Пускай враги очумели,
пускай сберегают пули!
Пускай для битвы кровавой
готовят своих людей!
Уроки недавней бойни
напрасно, что ли, минули?
Но время еще покажет,
что выйдет из вражьих затей.
Они помериться силой
хотят с рабочей державой,
Хотят отнять у нас волю,
добытую нами с трудом.
Пускай, обнажая шпаги,
выходят на бой кровавый!
Пускай стремятся разрушить
построенный нами дом!
Пускай в кольцо забирают
страну рабочего люда
И все капиталы мира
выходят на нас гурьбой!
Пускай попробуют разом
напасть на нас отовсюду!
И это будет последний
и решительный бой!
Пусть выйдут на поединок,
в своей уверены силе!
От хлынувшей к мозгу крови
с ума сошел капитал!
Он хочет в бою погибнуть,
спешит он к своей могиле,
И в судорогах предсмертных
зловеще корчиться стал.
Когда, потеряв рассудок,
враги рванутся в атаку,
Покою мы знать не будем,
пока не растопчем их!
И к нам друзья на подмогу
придут по первому знаку,
Трудящиеся планеты
нас не оставят одних.
Стоять в стороне не станут
рабочие люди Польши,
Так пусть не знают сомненья
отважные ваши сердца.

Шум и смех,
Станки стрекочут —
Гул плывет...

Я следил
За жизнью
Шумной,
Находился
В самой гуще,
Подходил
К машине умной,
Тяжкий груз
В зубах несущей...
Научились
Люди наши
Делать все
Быстрее,
Краше.

Как их много —
Черных, русских,
Неустанных,
Синеблузых...

Люди
Синему металлу
Волю твердую
Диктуют,
Над деталями
Немало

Люди умные
Колдуют.
Дело трудное, большое
Эти люди
Сделать в силах —
Настоящие герои!
Капитал не покори́л их!

Челноки стоят
Без счета
Веретен-то —
Поглядите!
Сила
Мускулов,
Работа...
Вот
Еще в щетинках
Нити...

Поражен я,
Видя танец

Веретен
В гремящем марше...
Как нежны,
Изящны ткани,
Как их ткут
Машины наши!
Это впрямь
Феноменально:
Ткут машины —
Машинально!

Славлю вас,
Прогресс
И труд,—
Люди
Горы
Тут свернут!

Даешь, машина!
Гуди сильнее!
Прибавь нагрузку,
Быстрее, быстрее!
Любой расцветки
Ты нить мотай,
План пятилетки
В три года дай!
Прекрасны ритмы
Твоих побед.
Заданье на день
Кончай в обед!

Включай моторы
На полный ход!
Ясны просторы,
Вперед, вперед!

1929

107. МАУЗЕР

(12-й годовщине Октября)

Снова пурпуром сверкнули
Листики календаря.
Славят трубы всех оркестров
Годовщину Октября.
Я оглядываюсь. Где-то
В глубине прошедших лет —
Как звезда, мерцает случай,
Как в степи далекий свет.

...Помните? Скрывая солнце,
Тучи черные неслись.

Класс господ сходил в пучину,
Класс рабов взбирался ввысь.
Мой товарищ был на фронте
Всех упорней и смелей.
Светлый, чистый этот образ
Жив навек в душе моей.

Никогда я не забуду,
Никогда не забывал
День, когда товарищ, кровью
Истекая, умирал.

Обессиленный, суровый,
Он лежал тогда во рву,
Кровь испачкала одежду
И окрасила траву.
Он в предутренней прохладе,
В бледных проблесках зари,
Задыхаясь, умирая,
Еле внятно говорил:
«Друг мой... Если будешь дома,
Передай ты, как сосед
Мой прощальный, мой последний
Старой матери привет.

Пусть она не плачет в горе,
Сын за класс свой в битве пал,
Пусть она гордится сыном,
Будет твердой, как металл.

И жене с приветом вместе
Передай ты мой наказ:
Пусть растит и холит сына,
Не спуская с сына глаз.

Слушай, друг, ведь не напрасно,
Неспроста ведь и не зря
Черноглазый сын родился
В день седьмого ноября.

Вот мой маузер. Он — черен,
Был в боях он лучший друг,
Бил без промаха, и все же
Рано выпал он из рук.

Передай его ты сыну,
Пусть он маузер хранит,
Чтоб дрожали перед дулом
Враг, изменник и наймит...»

И угас герой отважный,
Голову склонив на грудь.

Взял я маузер и тихо
Продолжал тяжелый путь.

...Годы мчат над Казахстаном,
Встала над страной заря.
Каждый год я в доме друга
В день седьмого ноября.

Каждый год напоминаю
Сыну славного бойца
Утро боя, утро смерти,
Завещание отца.

Мальчик поднимает руку,
Звездами горят глаза.
Символ клятвы — красный галстук —
Мальчик крепко завязал.

«Будь готов!» — ему шепчу я.
— Так велит отцова кровь».
Пионер встает, волнуясь,
Говорит: «Всегда готов!»

В этой клятве на оружие,
В этом кличе юных сил —
Вдохновенье, гнев, решимость,
Удаль, ненависть и пыл.

Если враг вспылит дороги —
Гневом праведным горя,
Вскинешь маузер отцовский
Ты, ровесник Октября!

1929

108. ПЕСНЬ КАМЕНЩИКОВ

Молодым рабочим, обучающимся
при центральном институте труда
на курсах каменщиков

Серый фартук из серого полотна...
Все мы в серой одежде сейчас.
Все мы строим, работа у нас одна,
И единая стройка у нас.

Словно статуи серого камня, крепки
И стремительны мы, и легки.
И в руках — молотки, помазки, мастерки,
Светло-серой замазки куски.

Мы сильны, наши грубые руки сильны
И обтесаны тяжким трудом.

Небывалые здания новой страны,
Новой жизни в степи возведем.

Мы возьмемся за дело и, все заодно,
Вскинем к небу дворцы, города.
Мы — особая смена, большое звено
Необъятного войска труда.

Мы заложим фундамент бетонно-стальной
Новой жизни на много веков;
Встанет новая жизнь над тобой, надо мной,
Воспарит над толпой облаков.

Общий радостный труд, общий радостный круг,
Ни усталости нет, ни тоски.
И раздолжны, как песни, движения рук,
И привычны они и легки.

Ярко-красный кирпич, словно слиток стальной,
Раскаленный в печи докрасна.
И встают их шеренги железной стеной,
И отвес напряжен, как струна.

О железной, неслышанной музыки звон,
Прославляющий наши труды!
Мы создатели зданья грядущих времен.
Новым зодчеством все мы горды.

Громоздятся кирпичные стены горой,
И отвес протянулся струной,
И строенье стоит нерушимой стеной,
Словно новый невиданный строй.

Наши грубые руки привычно снуют
И кладут кирпичи на упор.
И бессмертно упорен, и намертво крут
Светло-серый горячий раствор.

Мы из маленьких красных крутых кирпичей
Колоссальные сложим дома.
И под солнечным ливнем, под ливнем лучей
Старой жизни развеется тьма.

Кирпичей собирается шашечный строй,
Созидается кладки узор.
И возвысится здание красной горой,
Вознесется в лазурный простор.

И все выше наш общий незыблемый дом.
Поднимаясь по красной горе,
Мы под красным, пылающим Солнцем взовьем
Алый флаг на багряной заре.

1930

109. В КОЛХОЗЕ

Колхозный стан,
Колхозный сбор.
Все — молодцы,
Как на подбор,
Здесь каждый дом
И каждый двор.
Заслужен отдых трудовой.

Закончен труд —
Получен приз!
И отдыхай,
И веселись —
И стар и мал,
Кто выполнял
План большевистской посевной.

И люди вокруг
На луг легли...
Зеленый шелк —
Лицо земли.
И ветерок,
Звеня вдали,
Проводит шелком по щекам.

Прекрасен мир!
В груди у всех
И торжество,
И песнь, и смех;
И солнца луч
Целует всех...
Что делать здесь помещикам?

Увидев вдруг
Такой колхоз,
Помещик тот
И кровосос
Закрыв лицо,
Повесил нос,
А в сердце — ненависть и страх.

А нам весна
Цветы дарит,
Их аромат
Кругом парит,
Куда ни взглянешь —
Чудный вид!
Как яркое луг цветной в руках!

И гомон птиц
Над головой,

Журчанье вод
И звон живой
Ручьев весны,
Шум ветровой —
Все было музыкой в тот час.

Казалось, все
Подчинено
Труду и нам!
И солнце — нам!
Для нас оно
И зажжено,
И светит именно для нас!

Народ в колхоз
Объединив
И души слив
В один порыв,
Врага коварного
Разбив,
Ты в коммунизм шагаешь,
класс.

Вчера враги
И вкривь и вкось
Ругали нас
И наш колхоз,
Мешали нам,
И нам пришлось
Им дать как надо по зубам.

Дай волю им —
Вредить начнут,
Оговорят
И покачнут
Того, кто слаб,
Слабее баб, —
Но воли не дадим врагам!

Да, иногда
В работе здесь
Ошибки есть
И трудность есть —
Все не учесть,
Но мы преодолеем их.

Мы отrekliсь
От власти тьмы
И вверх — не вниз —
Шагаем мы!
Труды утрой!
Крепите строй
Рядов партийных боевых!

Народ родной,
 Вчерашний твой
 Люд кочевой
 Дома возвел,
 Десятки школ —
 Иди и строй,
 Трудись, учись, расти, не спи!

Кооператив,
 И зерносклад,
 И скотный двор,
 И задний ряд —
 Огни горят!
 Все говорят:
 «Построен город здесь в степи!»

...И трактора
 В грунт лемеха
 Вонзают тут,
 И, как меха,
 Растянут грунт...
 А где старье?
 А где соха?
 В музей — подальше от греха...

А в годы тьмы
 Трудились мы
 На богачей
 Из-за харчей,
 Из-за телка
 Иль стригунка...
 Чем жизнь теперь, скажи, плоха?

Теперь бедняк —
 Хозяин здесь!
 Есть и телки,
 И стригунки...
 И есть что есть.
 Почет и честь!
 Не бедно наш бедняк живет!

Народ в колхоз
 Объединив,
 Сердца скрепив
 В один порыв,
 Врага коварного
 Разбив,
 Идем вперед! Ведем народ!

110. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Весть из Кремля сквозь микрофон сюда летит,
 Что навсегда металл оков рабом разбит,
 Что навсегда
 племен вражда
 стране чужда,
 И что любовь к Москве родной в сердцах кипит.
 И вестью той земная твердь обойдена,
 И вся земля сегодня к нам обращена.
 Там кровь-ручей
 течет с мечей
 на палачей,
 Там у раба от рабских мук болит спина.
 Наш вождь — кузнец, который взял железный брус.
 Занес он молот над врагом — зажмурься, трус!
 И молот тот —
 для тех оплот,
 чей горек пот,
 Чей рабий хлеб соленых слез имеет вкус.
 Мы всей страной, как лучший дар, тот молот чтим,
 За мудрым тем, кем поднят он, любя следим.
 Раздутый мех
 сулит успех,—
 в нем нет прорех,
 И горна жар, как солнца жар, неукротим.
 Наш антрацит в печах горит, горит комир.
 Куем мы медь, куем булат, куем темир,
 И наш гудок,
 чей звук высок,
 стрелою-ок
 Стремится вдаль, страха врагов и проча мир.
 В груди, мотор, не умолкай, сердечный мой,
 Тебя с Москвой соединил ремень прямой.
 Среди ремней,
 бегущих к ней
 со всех степей,
 Со всех равнин, со всех вершин страны родной,
 Живет в ладу сестра с сестрой и с братом брат,
 Но связь племен моей страны прочней стократ —
 С Москвой, с Кремлем...
 Стальным литьем
 мы создаем
 И ткацкий стан, и славный танк, и стратостат!

1934

111. РОЗА И СОЛОВЕЙ

(майские напевы)

Расцветает душистый ковер — цветник,
 Лепестки его тонким шелкам сродни,
 Оглянись вокруг, вдохни аромат,
 Душа восторженная, звени!

Это тысячи тысяч тонов, теней,
 Это музыка — впитывай и пьяней.
 Очищает душу цветов аромат,
 Оставляет лишь восхищенье в ней.

Ведь у каждого свой красоты секрет,
 Свой особый запах и силуэт.
 Слишком ярк один, но бледен другой.
 Белый. Алый. Есть и мышиный цвет.

Тем прекрасней цветок, тем он ярче, свежей.
 Не за это ли в розу влюблен соловей?
 Но у каждого цвета есть тайный смысл;
 Неспроста этот розов, а тот — покрасней...

Суть явлений пытаюсь в цветах уловить,
 В черном — скорбь ты увидишь, невзгоды свои,
 Распознаешь веселье ты — в красном цветке,
 Угадаешь ты в розовом — нежность любви.

Эти пламенно-алые лепестки —
 Вспышка острая чувств, сладострастный порыв,
 Страсть без удержу, разуму вопреки.
 Бледный цвет — этот цвет увяданья, тоски.

Цвет сомнений и горечи без конца,
 Цвет измены, неразделенной любви —
 Желтый цвет, подобающий черствым сердцам,
 Неприступным гордячкам и гордецам.

Белый цвет — это искренность и чистота,
 Это — совесть, прозрачная, словно кристалл.
 Дорожи им, надежно его охраняй,
 Чтобы сор никогда бы к нему не пристал.

Разве любят цветы не за их аромат,
 Разве тонкие запахи нас не бодрят,
 Разве мыслями властвует не красота,
 Разве кто-нибудь нежным объятьям не рад?

Каждый ищет в цветах усладу свою.
 Без цветов человек на земле одинок,
 Но иные растопчут цветок, оскорбят,
 Никогда не изменит цветку однолюб.

И к цветку человек всей душою влеком,
 И достойный — любым цветком дорожит.
 А подлец измывается над цветком,
 А подонок сбивает его пинком.

Вечно в розу влюбленный, поет соловей,
 И, от пенья пьянея, он хмурит глаза,
 Только розу к груди прижимает сильнеей,
 Жизнь его и вселенная — в песне о ней!

До чего ароматен, приятен плодов этих запах!
Чуть насытишься ими — к себе они снова влекут.

Солнце дарит тут людям прекрасную щедрость свою,
Им рассветы приносят прекрасную нежность свою,
Тут чудесны и дни, и прохладные тихие ночи,
Им дающие отдых, прекрасную свежесть свою.

Когда красное солнце за черный опустится круг,
Вдохновенная ночь изумляет и радует вдруг,
Словно рядом домбра с миллионами струн заиграла —
Отразился в душе золотой, переливчатый звук.

Озаряется небо сверкающим Млечным Путем,
И лукавые звезды моргают друг другу на нем,
И звенят, и звенят в тишине серебристые струны,
Звуки дивных мелодий трепещут волшебным огнем.

Ветерок, задевая листочки, лениво летит,
И верхушка чинары таинственно так шелестит.
Лай собак, стерегущих отары, вдали отдается,
Снеговая вершина от лунного света блестит!

Золотая луна по ночам шелковисто-нежна...
Вот в глубоком овраге ручей озарила она.
Он журчит, он звенит, словно это — домбра Дайрабая,
Раз услышишь ее — и душа твоя счастьем полна!

Знаю: горская песня с дыханьем народа слита,
С этой песней любая подвластна тебе высота,
Помогает она обрести всемогущие крылья...
Зазвучит эта песня — весь мир облетает мечта!

И мечту заставляет она над Вселенной парить,
Чтобы душам людским ликование и бодрость дарить...
Как Алтай — комузист, увлекающий музыкой души,
Горы музыкой вечной сердца наши могут пленить...

2

Алатау, Алтай — две чудесные вижу горы!
Белый свет на вершинах не тает с далекой поры.
То не горы — взгляни — а бойцы в позолоченных латах,
Два могучих гиганта, что встали грозны и храбры.

Тут ущелья и склоны людских поселений полны,
Тут обилье без края, счастливее нет стороны,
В час нелегкой работы и ясное время досуга
Тут в киргизских аулах веселые песни слышны.

Я спускаюсь в аул — это счастья гнездо и труда,
Слышу радостный говор — тут прошлого нет и следа...
Вижу я: по ложбинам, ущельям, по южному склону —
Даже счастье невозможно — повсюду пасутся стада.

Раскрывая объятия, она с материнской улыбкой
Говорит мне: «Сыночек, иди же скорее ко мне!»

Ах, Отчизна моя, ненаглядная милая мать!
Всей душою готов я свершенья твои принимать,
Я в грядущее верю, я верю в твои начинанья,
И готов я все выше твой огненный стяг поднимать!

Молодыми и старыми встречен приветливо я —
Тут поэта встречают, почтенья к нему не тая...
В белой принят я был, превосходно украшенной юрте,
Мне сказали: «Пред вами распахнуты наши края!»

Не чинуше из лести такие дарили слова,
И не ради бахвальства устроили мне торжества...
Словно гость долгожданный я в этом колхозном ауле —
Наша добрая дружба да будет вовеки жива!

В этой юрте гляжу на волшебные краски ковров,
На веселых людей, что сидят возле круглых столов...
Горы белого хлеба, изюма, и мяса, и масла,
Бедняками мы были, таких не видали пиров!

Это лучшие люди колхоза встречают меня...
Солнце за гору село, конец плодотворного дня.
Слышу говор киргизов: похож он на пенье комуза,
Серебристые звуки летят, над столами звеня.

В этих людях правдивость, и щедрость,
и твердость
живет,
Не нашел я пороков — прекрасный, достойный народ.
Простота и достоинство в каждом мне видятся жесте —
К ним невольно влечет, оказать им желаешь почет...

Здесь народности разные спаяны дружбой большой,
Человек к человеку приходит с открытой душой.
Бич вражды не свистит, всюду теплые слышатся речи,
Зубоскальства тут нет, не осталось и лени тупой.

Это добрые братья сегодня со мною сидят.
Я для старших — братишка,
для младших — почтеннейший брат;
Вот красавица юная мне пиалу протянула —
От нее не могу отвести восхищенный я взгляд.

Эта белая юрта украшена ярко, светла,
Слышен девичий смех, и беседа течет, весела...
С красно-бурой алтайской лисицей красавица схожа,
Как приветливо гостю она пиалу подала!

Я смотрю на нее: хороша-то! Стройней тростника,
И лучами искрятся глаза ее — два уголька...

А хитрющий киргиз к ней примазаться хочет, он шепчет
Ей какую-то шутку... Она уплывает, легка.

Кто красивее женщину в округе целом найдет?
А она ведь — прославленный в этих краях свекловод!
Разве раньше могли мы мечтать о такой молодежи?
В ней — краса и закалка, в ней — мысли свободный полет

Мастер труд отчеканил — прекрасную женщину ту,
Жизнь под солнцем отчизны шлифует ее красоту,
Гравирует высокую душу ее — равноправье,
Оттого-то она, как родные просторы, в цвету!

Я не тем, как роскошно меня принимали, польщен,
И не только подарками добрыми я восхищен —
Я в восторге,
 как братский киргизский народ меня встретил,
Что меня как родного сегодня приветствует он.

Я не тем, как роскошно меня принимали, польщен,
И не только подарками добрыми я восхищен —
Я в восторге от веяний новых, от нового братства,
Сердце радостно бьется, увиденным я потрясен!

Ноябрь 1936
Колхоз «Кенеш» Кантского района
Киргизстана

113. В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

Здесь ленинский вижу партийный билет,
С ульяновской подписью первый декрет.
И теплым дыханьем твоим, Ильич,
Здесь воздух как будто согрет.

Вот ты в Петрограде, на броневике,
Без кепки, в потертом своем пиджаке,
И счастье народов,
И судьбы земли —
В простертой вперед руке.

Окутанный пламенем грозных знамен
Ты в бронзе и мраморе повторен,
А на полотнах родные черты
Гения всех времен.

Ты умер — я был охвачен тоской,
Но в этом музее ты снова живой:
Я слышу тебя,
Я вижу тебя,
Твой вижу стяг огневой.

Я встретил здесь дочь казахских степей,
Косы чернее ночи у ней,

Она смугла, и голос ее
Серебряных струй нежней!

Давно из аульной сплошной темноты
Песню казашки услышал ты.
Эта песня летела к тебе,
Правдивы слова ее и чисты.

Была в ней горечь, полыни горчей,
В ней было горе, темнее ночей,
Слезы текли из тоскливых очей,
Одна другой горячей.

Прошло над планетой несколько лет,
Овеянных славой твоих побед;
И песня той же казашки звенит
Со сцены на целый свет.

О счастье народа поет она,
Ленинской правдой песня полна.
Этот ликующий гордый напев
Слушает вся страна.

Ленин, и ты эту песню слышал,
Ленин, и ты ей рукоплескал,
Когда улыбалась ей вся Москва,
Когда гремел от оваций зал.

Взгляд народа, Ленин, как твои глаза,
Партия нам скажет, что бы ты сказал.
И мы, безгранично тебя любя,
В партии видим тебя.

1936

114. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

В беспредельных степях нашей родины,
Где под солнцем лежит Алатау,
Расплескались веселья мелодии,
Осень шествует золотая.

В селах, в городе радует жителей,
Взор улыбкою им украшая.
Никогда мы раньше не видели
Столько песенного урожая!

Радость, радость летит над отчизною!
Даже птицы поют неустанно,—
Соловиною трелью пронизано
Небо нашего Советстана.

Нет, не зря мы тиранов сбросили,
Крепнет, ширится революция.

Украшение этой осени —
Наша славная Конституция!

Подтвердила Восьмая сессия:
Дружба наших народов — литая!
Потому по просторам так весело
Осень шествует золотая.

Потому и особо запомнится
Осень светлого этого года;
Лишь у нас действительно полнится
Счастьем жизнь трудового народа.

1936

115. ПОЭТЫ-ИМПРОВИЗАТОРЫ

Настоящий высокий поэт не тот,
У кого что ни песня, то чистый мед.
Настоящий поэт не боится правды,
Если нужно — стрелу языком метнет.

Много славных певцов повидал наш край,
Но известнее всех громогласный Ибрай,
Повторяет народ его каждую песню.
Кокче-тау повсюду прославил Ибрай.

Он — душа вечеринок и громких пиров,
Петь и петь он с утра до утра готов.
Он — поэт, и певец, и домбрист-композитор.
Что орел среди птиц, то Ибрай среди певцов.

С мощной грудью — грудью, раздутой как мех,
Звучным голосом он побеждает всех.
Если вздумал бы кто-нибудь с ним состязаться,
Это вызвало б лишь у людей громкий смех.

Коль в ударе Ибрай — вдохновенно поет,
Далеко его голос тогда достает,
За шестью перевалами слышно Ибрая,
И с другими ты голос не спутаешь тот.

И любой, кому голос Ибрая знаком,
Вам уверенно может сказать о том,
Что Ибраева голоса гул и раскаты
Заглушают порою небесный гром.

Не всегда громогласен, как буря, Ибрай,
Если он исполняет «Гакку» и «Гидгай»,
Словно лебеда песня, звучит его голос.
Может быть и печальным и нежным Ибрай.

Может быть и насмешливо-гневым Ибрай,
Как Керенского высмеял в песне Ибрай,
Когда этот правитель бежал за границу,—
Для Керенских как раз подходящий край!...

Может быть и торжественно-строгим Ибрай.
 Власть Советов приветствовал песней Ибрай.
 А когда пошли поезда в Кокче-тау,
 «От-арбу»¹ сочинил восхищенный Ибрай.

Если б нашим певцам, как Ибрай и Биржан,
 Был бы ход и простор своевременно дан,
 Может быть, и они стали б петь, как Шаляпин,
 И гремели б, как он, средь народов и стран.

1929

116. ЧЕЛОВЕК

Товарищ, живем мы в чудесный век.
 Герой и хозяин в нашем Союзе
 Простой человек, он в горячем бою
 Нашел свою родину, радость свою!
 Простой человек — он поставил леса,
 Простой человек — он воздвиг корпуса,
 Он недра изведаль, их тайны узнал,
 Стихия покорна ему и верна.
 Простой человек! Но земные сады
 Несут ему счастье, цветы и плоды!
 С ним слава и сила, и честь, и почет.
 Он Родину любит свою горячо!
 Человек — это слово у нас, как знамя.
 Человек — это гордость семьи трудовой,
 Человек — это мы и все, кто с нами
 Согреты ленинской теплотой.
 Пусть скажет мне солнце, пусть скажет луна
 Есть ли под ними такая страна
 Как родина ленинских смелых идей,
 Живущих в сердцах миллионов людей?
 Есть ли на свете такая земля,
 Как наша, с немеркнувшей Славой Кремля,
 Где конюх, шахтер, машинист, чабаны
 С вождями решают вопросы страны?
 Человек — это слово у нас, как знамя,
 Человек — это гордость семьи трудовой
 Человек — это мы и все, кто с нами
 Согреты ленинской теплотой.
 Скажи мне, старик, поседевший в годах
 Ты много за долгую жизнь видал —
 Был ли на свете счастливый народ
 Чем тот, что с тобой сегодня живет.
 Столетний открой ты календарь,
 Бесконечные, как течение Дарьи,
 Ты летопись старую перелистай!
 Ты книгу истории перечитай!
 Напрасно, старик, не найдешь ты в ней
 Страницы, чудеснее наших дней!

¹От-арба — буквально: огненная арба; так называли казахи в 20-х годах поезда.

Товарищ, мы в славное время живем!
Мы Ленина знамя, как сердце, несем.
Слава, величья и радости знамя
Мы поднимаем над всеми веками
Мы бурь не боимся. Не страшен прибой,
Корабль народов ведет рулевой,
Под ленинским вымпелом гордо вперед
Корабль народов наш партия ведет.
Человек — лишь у нас он в величии вырос,
Человек — это гордость семьи трудовой,
Человек — это все пролетарии мира
Согретые ленинской теплотой.
Я славлю великий Союз Советов!
Я все своим пылким сердцем поэта
Отдам тебе до последнего дня,
Любимая Родина, радость моя!
Забейте в добыл! Звените в ситары!
Песню о счастье несите дутары!
Пусть кюй разольется жемчужным дождем!
Товарищ, мы в славное время живем.
Мы бурь не боимся с нами всегда
Партия и солнце, и радость труда!
Человек — лишь у нас он в веселии вырос,
Человек — это гордость семьи трудовой,
Человек — это все пролетарии мира,
Согретые ленинской теплотой.

1936.

ПОЭМЫ

Гора Кокчетау стройна, как сосна,
Дождями свой лик умывает она.
Плывут облака над ее головой,
Справляются: в здравье она иль больна.

Озера ее окружили толпой,
И каждое — в чаще лежит золотой.
Коль вы нездоровы, езжайте сюда:
Недуг исцеляет наш воздух степной.

117. РАЗЛУЧЕННЫЕ ЛЕБЕДИ

Есть сказочные уголки,
В лесной одетые убор,—
Там, в глубине Сары-Арки,
Есть озеро среди синих гор.

И так светла его вода,
Что камешки видны на дне,
А берега его всегда
В туманной легкой пелене.

И нежных водорослей сеть
Узором в глубине волны...
Стоять бы здесь и все смотреть
На это царство тишины.

Безмолвьем дышат берега,
Здесь нет огней и нет людей,
За зарослями тростника
Белеют шеи лебедей.

Свободы баловни, они
Белее, чем вершины гор;
Всегда вдвоем, всегда одни,—
Не отвести от них мне взор.

С утра до самой темноты
Здесь не смолкает птичий гам...
Они величье красоты
Дают безлюдным берегам.

И если я в степи бывал
Без провожатых, без друзей,
Я шел всегда к безмолвью скал,
К призывным песням лебедей.

На мягком лежа берегу,
Я утопал в траве по грудь,
Здесь не бывать я не могу —
Прохлады светлой не вдохнуть.

Вдали от городов пожить
Немудрой жизнью степняка...

Как можешь ты к себе манить
И зачаровывать, Арка!

Раз я у озера бродил
И вслушивался в каждый звук,
И будто заново открыл
Его звучанья тайну вдруг.

Увидев в озере себя,
Нырjali птицы в глубь волны,
Рыбешку в клюве теребя,
Являлись вдруг из глубины.

Вот пигалица там, вдали,
Привычно хнычет в камышах,
Касаясь крыльями земли
И кувыркаясь в облаках.

Клекочет чайка, червяка
Хватая цепко, как палач.
И слышится издалека
То хохот, то как будто плач.

Гогочет гулко гусь-урод,
В какой-то кается вине,
И юрких уток хоровод
Скользит по мраморной волне.

Но этот гомон, плач и крик
Не дорог памяти моей,
И сердце хочет хоть на миг
Услышать песни лебедей.

Я ждал. Я слушал. Я смотрел.
Но глазу жадному видны
Лишь зелень камышовых стрел
Да рябь нетронутой волны.

Но вдруг совсем вблизи возник,
Несмелый лепет, песни зов.
И вот плывет один из них —
Мой белый лебедь. Он готов

Лететь и петь, любить и ждать,
Принять и счастье, и позор.
Он ждет любимую опять,
Над гладью крылья распростер.

Но слышится издалека
Та песня, что всегда сильней,
И лебедь, вздрогнувши слегка,
Уже летит, стремится к ней.

Здесь говорят, что каждый звук,
На землю чуткую упав,
Цветком на ней восходит вдруг,
Не только слышным — зримым став.

Пускай разлука коротка,
Всегда желанна радость встреч...
Крыло, как будто бы рука,
Касается любимых плеч.

Вот рядом лебеди плывут
Сквозь птичий гам, и стон, и визг,—
И вдруг волну крылом порвут
На сотни бирюзовых брызг.

Их отражения мелькнут —
Вода становится светла,—
Одним движением смахнут
Все брызги с белого крыла,

И тонких водорослей сеть
Они своим движеньем рвут,
Не уставая плыть и петь,
Они вдвоем поют, плывут.

Вдыхают нежный аромат,
Порвав невиданный узор,
Вдоль мягких берегов скользят
В прозрачный утренний простор.

Камыш касается лица,
Но я не двигаюсь, стою,
Они ведь ищут без конца,
Как выразить любовь свою.

... Но почему же, почему
В тиши такой, в любви такой
Она глядит в глаза ему
С необъяснимою тоской?

Что так негаданно могло
Ее глаза подернуть мглой,
Что звонкий звук заволокло
Глухого горя пеленой?

Вот лебедь крылья распростер
И, набирая высоту,
Покинул нежных волн простор,
Летит и плачет на лету.

Печальны взмахи крыльев-рук,
А крик подруги — словно стон...

Еще один прощальный круг —
И вот вдали растаял он.

Всегда разлука тяжела
И долгой кажется всегда,
Хозяйкой в сердце к нам вошла
Неотвратимая беда.

Вдруг вспыхнул шорох и погас,
Прошелестел и замер он,
И берег до ушей и глаз
Безмолвьем вновь заморожен.

Но лебедю неведом страх,
Он головы не повернул
На этот шорох в камышах,
Который мелких птиц вспугнул.

Но миг — и в камышах сверкнул
Ружья жестокий холодок,
Огонь цветы перечеркнул,
Расцвел в сиреневый дымок.

И выстрел, словно гром в грозу,
Над водной гладью прозвучал,
И первобытную красу
Развеял, подавил и смял.

И, дрогнув, ахнула волна...
Поражена смертельно в грудь
Лебедушка...
 Лежит она,
Не в силах и крылом взмахнуть.

Был браконьер невозмутим,
Укрытый в камышовой мгле.
Лебедка всем теплом своим
Прильнула к стынувшей земле.

Она лежит, как будто спит...
Убийца, встав из камыша,
Прикончить лебеда спешит
Холодным лезвием ножа.

Насквозь прошила пуля грудь,
Оставив теплый, вязкий след,
А птица тянется взглянуть
В последний раз на яркий свет.

А белогривые валы
Клубились у прибрежных скал.
И вал, разбившись у скалы,
Грозя, убийцу проклинал.

И вот, прошлепав по воде,
Вновь браконьер ножом сверкнул,
И вот, глухой к чужой беде,
Лебедке крылья он свернул.

Убийца ловок, точен, скор.
Он зубы скалит, как шакал.
К любви подкравшийся, как вор,
Убив, он гордо зашагал.

Но вдруг, покинув вышину,
Поспешно крыльями шурша,
Друг грудью врезался в волну
Вблизи густого камыша.

Почуял, что беда стряслась,—
И жизнь ему не дорога,
Любовь не даст столкнуть он в грязь
Руке коварного врага!

И лебедь не лететь не мог,
Он видел милую в крови —
И рухнул вдруг у самых ног
Убийцы счастья и любви.

«Убей меня, я смерть приму,
Мне больше не сужден полет...»
И, близко подойдя к нему,
Проклятье лебедь громко шлет.

Рыдая, бьет крылом волну,
Убийце преграждает путь,—
Не рвется больше в вышину,
А дулу подставляет грудь.

Но браконьер, убив одну,
Другого не посмел убить,
Хотел смягчить свою вину,
О чувстве память сохранить.

Вот крылья снова воздух мнут,
Но, места не найдя и там,
Вдруг, опускаясь, гневно бьют,—
Вслед за убийцей, по пятам.

Трепещут по траве густой
И вдруг застонут, прозвеня:
«О, я молю тебя, постой,
Убей меня, убей меня!»

Вокруг убийцы все кружась,
Летел, бежал, не отставал,
То вдруг смотрел, остановясь,
Просить врага не уставал.

А браконьер от пота взмок,
Шел без оглядки он вперед,
Но снять ружье, взвести курок —
Убийца силы не найдет.

И лебедь снова ввысь взлетал,
Как стон — могучих крыльев взмах,
И вновь к земле он припадал
С тоской предсмертною в глазах.

К земле прижав крутую грудь,
Траву он крыльями хлестал,
И, чтобы воздуха глотнуть,
Он высоко опять взлетал.

Обходит смерть таких, как ты,
Глядит на них со стороны,
Когда и солнце, и цветы,
И боль, и счастье не нужны.

Жестоким горем потрясен,
Живой, трепещущий слегка,
Вновь напрягает крылья он
И вновь летит под облака.

«Не расставаться никогда,—
Клеочет клятвенный обет,—
Пусть не почувствует вода
Разлуки одинокий след».

Все выше, выше крыльев свист,
Все дальше, дальше зелень трав...
И, крылья сжав, он прынул вниз,
Со свистом воздух разорвав.

Неудержимый, смят в комок,
Стук сердца крыльями обвив,
Разбился он у самых ног
Убийцы счастья и любви.

И вот все замерло кругом,
Кровь розовеет на груди,
В последний раз взмахнув крылом,
Любимой он шепнул: «Прости...»

Упал он наземь весь в крови,
Он оживет в легендах вновь,
Нежнее в мире нет любви,
Чем лебединая любовь.

118. СОВЕТСТАН

(Восьмой годовщине Советов)

В ОТ-АРБЕ

Смотри! В от-арбе мы, как буря, летим...
 То рысью мы мчим, то галопом шальным...
 Пути заблестели,
 Колеса запели,
 Доедем до цели,—
 От станции к станции стелется дым.

МОЙ ТУЛПАР

Возил меня раньше тулпар — Байге-кок,
 Теперь меня поезд несет на восток.
 Что лучше в дороге?
 Скакун тонконогий
 Иль поезда строгий,
 В степные просторы летящий гудок?

Летел Байге-кок. В избавленье от бед
 В уздечку его был вплетен амулет.
 Но где же теперь он?
 В полях он затерян:
 Конь пахарю верен,
 Как верен был всаднику тысячи лет.

РАЗДУМЬЕ

Я в поезде отдан раздумью — и вот
 Все так же мечта, пламенея, встает,
 Вечерней зарею
 Глаза я закрою,
 И вновь предо мною
 Картина широкая жизни встает.

И мыслей бездонных кипит океан,
 Вагоны бегут сквозь вечерний туман.
 Как лед в наводненье,
 Как люди в смятенье,
 Мелькают виденья,
 Как будто их стонущий кружит буран.

И мысли сжимаются в точку одну,
 И в пропасть влекут меня, тянут ко дну.
 Окутан, как в дымы,
 Мечтами своими,
 Насытиться ими
 Не можешь, раздумий познав глубину.

Куда же влечешь ты, мечтанье, меня,
 В томительной пытке упорство храня?
 Ночную порою,
 Не зная покоя,
 Расстанься со мною,
 Оставь же меня хоть в преддверии дня!

И снова, как солнечный зайчик, легка,
 Мечта молодая летит в облака,
 Небес достигая,
 Сверкая, блистая,
 Как вольная стая,
 Летит по вселенной мечта, высока.

НАША ЖИЗНЬ — ОТ-АРБА

Весь мир перед нами лежит впереди!
 Хоть жизнь коротка, но работы людской
 Огромная сила
 Меня окрылила,
 Пути проложила,
 Как поезд летя по дороге степной!

Гони, от-арба, нет дороги назад!
 Тра-та-та-та-та-та... — колеса стучат.
 Пусть степи родные
 Встречают прямые
 Лучи золотые!

Дорога длинна, и просторы блестят,
 Просторы блестят,
 И дали синее,
 Лети же скорее!..
 Колеса стучат:
 Тра-та-та-та-тат,
 Тра-та-та-та-тат,
 Та-тат.

СОВЕТСТАН — ОТ-АРБА

Немолчно колеса ведут разговор,
 Робя, под полками прячется вор.
 Под стук однотонный
 Мелькают перроны.
 Испуганный, сонный
 Дрожит безбилетный: идет контролер.

Вагоны грохочут так же, как встарь,
 Горит впереди паровозный фонарь,
 А помнишь, когда-то
 В одежде богатой
 Над нами, проклятый,
 Над нами безжалостный царствовал царь.

Он царствовал, чувства людские поправ,
 Держава, как поезд, летела стремглав.
 В те годы глухие
 Народы России,
 Склонившие выи,
 Лежали во прахе, лишённые прав.

И трона, и золота, и серебра
 Лишить самодержца настала пора.
 С пути нам не сбиться!
 И поезд стремится
 В просторы, как птица,
 Ведомый вперед угнетенным вчера.

Уверен был царь, что нас может вести,
 Но царь — под откосом на нашем пути.
 Эй, друг, вспомяни-ка,
 Как правил владыка
 Нагайкой и пикой...
 С дороги его удалось нам смести.

Избрал машиниста свободный народ.
 Народным Советам даёт он отчет...
 Мелькают перроны,
 И мир обновленный
 Звени, лампионы
 Льют свет электрический: поезд идет!

Вставай же, кондуктор, вагоны проверь,
 Замкни пред врагами вагонную дверь.
 А где только нет их?
 Развеем и след их!
 От всех безбилетных

Очисти вагоны, кондуктор, теперь.
 Живее, живее!
 Вставай, не ложись,—
 Летит, пламенея,
 Огромная жизнь!
 Так будь осторожней —
 Во мгле придорожной
 Скрывается враг,
 Тра-та-та-та-тах.
 Тра-та-та-та-тах.
 Та-тах.

Питается углем большой паровоз.
 Огонь большевизма нам счастье принес...

Путей не оставим
Ни левым, ни правым,
Помехи раздавим
На рельсах стальных жерновами колес!

Чтоб поезд с пути не сошел — последи!
Пусть пламя дрожит в паровозной груди.
Пусть мчатся вагоны,
Взлетают знамена!
Гони неуклонно!
Весь мир перед нами лежит впереди!
Вези же, вожатый,
Веди, миновав
Откосы и скаты,
Огромный состав!
Сердца стучат
С колесами в такт:
Тра-та-та-та-тат.
Тра-та-та-та.
Тра-тат.

СОВЕТСТАН — ВОСЬМИЛЕТНИЙ ЛЕВ

Советы, о лев восьмилетний! Пред ним
Трепещут враги,— он прошел невредим,
Развевая невзгоды,
Сквозь тяжкие годы
Провел он народы,
Во всех испытаниях непобедим!
Великая сила у гордого льва,
Он нам отвоевывал наши права.
Всю мощь угнетатель,
Судья и каратель
В борьбе с ним истратил,—
Рассыпался враг, как сухая трава.

Твой клич, лев, народам земли прогремел,
Воспрянули люди для доблестных дел.
На гибель нас гнавшим,
На смерть посылавшим,
Властителям павшим
Лизать твою лапу достался удел.
Весь гнев угнетенных в себя ты вобрал,
Смотри же: на землю твой недруг упал,
И ловит он воздух
В молениях слезных
У лап твоих грозных,—
А прежде он «грязными» их называл.

Заплывшие жиром добро берегут,
Враги на поклон лицемерный идут.

Испуганы новью,
 С нежданной любовью
 Покорность «сыновью»
 К ногам победителя робко несут.
 А разве толпа по-другому могла б?
 Шептали они: «Перебесится раб!»
 Они теперь тише травы,
 Они теперь ниже воды,
 И хлеба они попросили,
 Они говорят: «Тауба»,
 Они говорят: «Сауба»,
 И хлеба они попросили
 Из «грязных» твоих и «засаленных» лап.

СССР — ЭКСПРЕСС

Союз наш — экспресс, он летит по мостам,
 По свежим лугам, по широким полям.
 Страны нашей лучшей
 Народы могучи,
 Свободны, как тучи,—
 И это отлично известно врагам.

Нас в поезде много, и вера сильна,
 Нас цель воедино связует одна.
 Когда нам грозили —
 Расправили крылья
 В едином усилье
 Готовые к смертным боям племена.

Союз наш могуч, как удар громовой,
 Завистнику страшен разбег боевой.
 Мир старый и хилый
 Глядит из могилы
 И копит он силы,
 И хочет вернуться любой ценой.
 Вожатый, веди же
 Экспресс на подъем!
 Мы к цели все ближе.
 Пылают огнем
 Огромные зори.
 И, поезду вторя,
 Сердца стучат
 С колесами в такт:
 Тра-та-та-та-тат.

СОВЕТСКИЕ ПРОСТОРЫ

О Русь, был немерен твой дивный простор...
 Советское время пришло,— и с тех пор
 И в глуби земные,
 И в чащи лесные,
 И в дали степные
 Пытливый проник человеческий взор.

Есть земли, куда не доскачешь верхом,
 И много племен и народов кругом
 Под знаменем рдяным
 В труде неустанном
 Раскинутым станом
 Живут здесь, как братья, в союзе одном...

Есть земли, где вечное лето стоит,
 Где ветер прохладой людей не дарит,
 Есть земли, где зимы —
 Ночами томимы,
 Метели над ними
 Тайгу обрядили во льды, как гранит.
 А степи раскинулись пестрым ковром,
 Ромашкой цветут и цветут васильком.
 Земля золотая!
 И ветер, играя,
 Цветы облетая,
 Просторы поит благодатным дождем.

Вгляни-ка на карту — есть много морей,
 Глотающих бивни стальных якорей.
 К причалам далеким,
 Под ветром жестоким,
 По волнам высоким —
 Все больше и больше плывет кораблей.

Вот реки, как змеи, текут по стране,
 И взор удивляется их ширине.
 Вода в полусонных
 Мерцает затонах,
 И сладко в зеленых
 Густых камышах заблудиться волне.

Вот Волга волну голубую стремится,
 Урал прорезает волною гранит,
 В песках их прибрежных
 Отрядов мятежных,
 Воителей прежних —
 След Разина и Пугачева сокрыт.

Мир желтых песков неподвижен и наг,
 И солнце — как смерти мучительной знак.
 О жгучее горе!
 В безбрежном просторе
 Безводное море —
 Лежит бездыханна пустыня Бетпак.

Вот горный хребет вдалеке заблестал,
 Где в недрах сокрыт драгоценный металл.
 В излом его линий
 Белеющий иней
 Ложится, где синий
 Туман на широких плечах ночевал.

Владеешь богатыми недрами ты,
 Леса и луга обступили хребты,
 Железом богата,
 Как скалы, крепка ты,
 О, как велика ты,
 Страна, что с уральской глядит высоты...

Алтай и Кавказ окаймляют страну,
 Они охраняют ее ширину,—
 Два старца седые,
 Как сторожевые,
 Кольчуги стальные
 Надевшие, строго хранят тишину.

Гремя, паровоз рассекает простор,
 И вдаль машинист устремляет свой взор.
 И поезд огромный
 Мчит полночью темной,
 И вихрь неумный,
 И бешеный ливень встречает в упор.
 Тра-та-тат, та-так...
 Тра-та-та-та-так...
 Пред нами подъема
 Встает высота,
 Со скоростью ветра
 Летят километры
 К мосту от моста.
 Сердца стучат
 С колесами в такт:
 Тра-та-та-та-та...
 Та-тат.

СОВЕТСТАН — КОЛЫБЕЛЬ ЮНЫХ ГЕРОЕВ

О родина храбрых — Советский Союз!
 Твоими детьми я по праву горжусь:
 Ведь крепче нет слава,
 Чем молодость — слава
 Страны величавой,

О родина храбрых — Советский Союз!

Мои комсомольцы красивы, сильны,
 На смену идут пионеры, стройны.
 Лавиной могучей,
 Походкой летучей,
 За участью лучшей,

Единой свободною верой сильны.
 Вот дружно идет комсомольский отряд,
 В руках загорелых знамена горят,
 Вперед же скорее!
 Открыты их шеи,
 И, в воздухе рея,
 Высокие песни над ними звенят.

Стихают шаги комсомольских рядов...
 Идут пионеры, и в такте шагов
 Услышишь ты снова
 Ударное слово.
 «Всегда мы готовы!» —
 Они отвечают на клич: «Будь готов!»

Жар галстуков красных у них на груди,
 Свобода и счастье у них впереди,
 Коммуна и братство!..
 О молодость, здравствуй!
 Дружнее! Марш, раз-два!
 Ликующей жизни навстречу иди!

Так будь же в науке отважен и тверд,
 В грядущих боях — и бесстрашен, и горд!
 И поступью бравой,
 Единой лавой —
 Марш!левой! Правой!
 Все старое выбросим дружно за борт.

Весь мир для меня — муравейник большой.
 Хоть жизнь коротка, но работы людской
 Огромная сила
 Меня окрылила,
 Пути проложила,
 Как поезд летя по дороге степной.

Лети, от-арба! Нет дороги назад!
 Тра-тат-та-та-та... — колеса стучат.
 Пусть степи родные
 Встречают прямые
 Лучи золотые!
 Дорога длинна, и просторы блестят.
 Веди же, вожатый,
 Веди, миновав
 Откосы и скаты,
 Огромный состав.

Так будь осторожней —
 Во мгле придорожной
 Скрывается враг,
 Просторы блестят,
 И дали синее!
 Лети же скорее!..
 Колеса стучат:
 Тра-та-та-та-так.
 Так-так...

119. ПЕСНЯ О ЛАШИНЕ

Расскажу вам подробно свой сон,
Он меня взволновал и встревожил.
(Мне когда-то рассказывал друг
О событье, на сон мой похожем.)

Я хочу, чтоб вы вдумались в сон,
Удивились его поворотам:
Лашин борется, как человек,
Он подвержен паденьям и взлетам.

Мне приснилась родимая степь...
Преодо мною в степи перевалы...
Я иду от холма до холма,
Вот озерная гладь засверкала.

Это озеро так глубоко,
Ни с каким не сравнить водоемом,
Хищных птиц различаю над ним,
Вразной поднимающих гомон.

В центре озера остров большой,
По краям белой пеной окрашен,
Приземлился на острове том
Одинокий израненный лашин.

Всю вселенную он обыскал,
Не нашел себе спутника жизни,
Не остался он в землях чужих,
Не найдя ни друзей, ни отчизны.

Птиц немало, подобных ему;
Как повадкой они ни похожи,
Он сородича ищет себе —
Только с ним породниться он сможет.

Приземлился на острове он,
На крутом осмотрелся утесе.
Как и чем навсегда исцелить
Ту кручину, что на сердце носит?

Вдруг вблизи замечает гнездо.
Любопытством своим подзадорен,

Настороженно он на птенца
Посмотрел, забыв свое горе.

Он глядит, изумленно застыв:
Что за птичка, с ним схожая, рядом?
Он в черты и в повадку ее
Ястребиным впивается взглядом.

Он сородича видит в гнезде,
Что и резв, и наивно бесстрашен.
Это был нелетавший птенец,
Несмышленный и маленький лашин.

Он почесывает крыло,
Озираясь на гостя без дрожи,
Хоть и рост у них разный, они
Чем-то очень близки и похожи.

У обоих сверкают глаза,
Молча смотрят, во что-то вникают.
Вот на птичьем родном языке
Взрослый лашин мальчика окликает.

Он зовет его в небо взлететь,
Мрачный остров покинуть скорее,
Устремиться к далеким краям,
Над земными просторами рея.

Птенчик слушает гостя, узнав
В нем сородича матери милой,
Что птенца не оставит в беде,
Увлечет непонятною силой.

Мелодичным приветом птенец
Гостя встретит у самого входа,
И смягчились обоих сердца
Наподобие нежного меда.

Взрослый лашин поклялся птенцу
Клятвой той, что живет в человеке,
Что отныне никто и ничто
Разлучить их не сможет вовеки.

Растопырил он крылья, едва
Из гнезда с другом маленьким вылез,
Бросил в небо призывный свой клич,
Чтоб отвага в птенце пробудилась.

Но услышали клекот и вмиг
Всполошились на острове птицы.
И над озером подняли шум,
Вопрошая: «Кто смел к нам явиться?..»

И ватагой крикливою всей,
Разъяренной, горластой оравой
Подступили, сдавили кольцом,
Беглецам угрожая расправой.

Хорохорясь пред ними, гордясь,
Устрашали их взмахами крыльев,
Задевая насмешкой, шипя
И густой обдавая их пылью.

Мелюзги и стервятников сброд,
Пестрый, шумный и разноплеменный:
Лунь болотный и чибис-крикун,
Чайка в близком соседстве с вороной.

Упиваются травлей, кричат,
Брызжут злобой, безжалостно дразнят.
Чтоб сородичей разъединить,
Обдают их и пылью и грязью,

Чтобы птенчик не смел улететь,
Позабыл о решительном шаге,
Чтобы в нем навсегда заглушить
Чувство первой и робкой отваги.

Только трое притихших гусей
Невиновны, полны состраданья.
И у лебеда совесть чиста:
Не способен он на злодеянья.

Лашин сизые крылья раскрыл,
Снова клекот призывный вознес он.
«Улетим!» — сверху крикнул птенцу,
«Торопись!» — слышен зов над утесом.

И птенец, не желая отстать,
Тотчас крылья пытался расправить,
Чтобы больше не быть сиротой,
Чтобы остров зловещий оставить.

Но напрасен бедняги порыв,
Бесполезны пустые усилия:
Довели его птицы до слез —
Так ударили злобно, свалили.

Смотрит жалобно птенчик вокруг,
Одинокий, жестоко избитый:
Видно, хищники все заодно,
Сироте не дожидаться защиты.

И на родственника его
В небе кинулась недругов стая.
Но окрепшего в битвах бойца
Сбить на землю — затея пустая.

От врагов он отбился и ввысь
К облакам улетел. И оттуда
Смотрит с вызовом гордым храбрец
На неистовство птичьего люда.

Он намерен вернуться опять,
Он сумеет за все рассчитаться!
Пусть вторично посмеют напасть,
Пусть попробуют с ним потягаться!

Наберется он сил в вышине
И низринется камнем навстречу,
Не успевшему вскрикнуть врагу
С лету срежет крыло до предплечья.

Но пока его горе грызет,
Нет тоски тяжелей, необъятней:
Может, ястреб похитил птенца,
Крови жаждущий перепелятник?..

Если хищник успеет украсть
Сироту до его возвращенья,
То тогда содрогнется земля,
Небо вздрогнет от ярости мщенья.

Что там с птенчиком случилось внизу?
Неизвестен пока его жребий!
Это слезы сверкнули в глазах,
А не молния вспыхнула в небе...

Думал — явь, а гляжу — это сон...
Слышу, кто-то стучит в мои двери.
На постели, проснувшись, сижу,
На подушку смотрю — и не верю.

Одиноких страдающих птиц
Пожалел. Так сильна была жалость,
Что горячей слезой наяву
Вся подушка моя пропиталась.

«Как ты думаешь, — друга спросил, —
Чем же кончится все это дело?»
Опечаленный, взял я домбру,
И рука моя струны задела.

«Абеке! Все душевно прошу
Этот сон разгадать на досуге...
Пожелаем от честных сердец,
Чтобы счастья достигли супруги..

Но скажи: может птеник попасть
В когти хищнику хитрому, злому?
Не смирится ль невольню птенец,
Безразлично вверяясь чуждому?

И сочтет по велению судьбы
Свою участь иных благодатней,
И поверит наивно всему,
Что внушит ему перепелятник...»

Так и вижу: слетевшись опять,
На убийство решаются птицы,
Натравив самых хищных и злых...
Неужели такое случится?

Оттого все звучит и звучит
Сон печальный во мне — в человеке:
Не остался б тот бедный мой друг
Обделенным судьбою навеки...

1926

120. КОКЧЕТАУ

Гора Кокчетау стройна, как сосна,
Дождями свой лик умывает она.
Плывут облака над ее головой,
Справляются: в здравье она иль больна.

Озера ее окружили толпой,
И каждое — в чаще лежит золотой.
Коль вы нездоровы, езжайте сюда:
Недуг исцеляет наш воздух степной.

Высокие сосны растут на горе,
Березы поднялись в зеленом шатре,
И ветер, пьянея от трав и цветов,
Колышет деревья на ранней заре.

На самом верху сосны тоже растут!
Их корни крепки — ни за что не дадут
Деревья свалить! Неприступна гора —
Одни ястреба свои гнезда тут вьют.

С вершины не сходит лиловая мгла,
Ни разу ее не коснулась стрела...
Вдохнула б душа чистый воздух горы —
До гроба его бы забыть не смогла!

И если целуется солнце с горой,
То кажется местность вокруг золотой.
И снова раскроется бездна времен,
Века пред тобою пройдут чередой.

Об этой, о самой чудесной из гор.
С деревьями ветер ведет разговор,
И шепчут о ней и трава, и листва,
И гулкие волны целебных озер.

Поют о горе и акыны-отцы,
Поют о горе молодые певцы,
И, камни и травы в свидетели взяв,
Поют о ней женщины или юнцы.

Нигде не записаны, но на устах
Преданья о ней, о ее чудесах

У старцев-сказителей были они,
Чтоб знал их и пел о них каждый казах.

ЖЕКЕ-БАТЫР

Об этом батыре рассказ был таков:
Он гору одну охранял от врагов,
Но как-то на страже стоял и вздремнул...
И вот не проснется во веки веков!

Огромной горой богатырь тот лежит,
Глаза он закрыл, словно тайну хранит.
Зовется гора эта — «Спящий батыр».
Поскольку похоже, что кто-то тут спит.

Скала — головой его кажется нам,
И нос из-под шлема нам видится, прям,
Хребет протянулся, как тело батыра,
Он спит, он навеки останется там!

БУРАБАЙ

Бура был огромен и белоголов.
В горах он скрывался от злобных врагов.
Об этом верблюде немало легенд
Услышать вы можете от стариков.

Он был одинок, и угрюм был, и дик,
Как горное эхо, гремел его крик.
Бура себе озеро облюбовал,
К нему он спускаться поутру привык.

По важным причинам, а не из причуд
Название местности каждой дают,
И вот в честь Буры нарекли Бурабай
То озеро, где поселился верблюдо.

Вода в Бурабае прозрачнее рос,
А берег его добрым лесом порос,
Вкруг озера встала густая стена
Из сосен зеленых и белых берез.

А в озере пеной вскипает волна.
Ах, скольких красавиц умыла она!
А сколько преданий и дивных легенд
С озерного чистого поднято дна!

Вот в этих местах и ютился Бура,
Он ведал, какая настанет пора.
О каждой беде он протяжно трубил,
И эхом ему откликалась гора.

Войною ли племя на племя пойдет,
Опасность какая ли путника ждет,

А может быть, голод народу грозит
И скоро слезами зальется народ...

Об этом Бура сообщал, как баксы,
И стадо пугалось, и лаяли псы,
И скот в жертву небу казах забивал,
А сам замирал в ожиданье грозы.

И тучи нависнут, и гром прогремит,
И молния весь небосвод озарит.
Голодные звери завоют в лесах,
И ливень ударит, заплачет навзрыд.

Таков был верблюд этот, белоголов.
И юноши, помня наказ стариков,
Боялись Буры, почитали Буру,
Любимца пустынь и седых облаков.

...У хана Аблая был сын, Касым-хан,
Отчаянный отрок, драчун и буян.
Однажды со свитой он ехал в горах
И хвастался силой, был весел и пьян.

Вся ханская челядь о битвах кричит,
И в удали спорит с джигитом джигит,
Стрелой пролетает у края воды,
Играет копьем и коня горячит.

Мишенью избрав себе камень любой,
О меткости спорят они меж собой.
И вспомнил Касым о Буре и сказал:
«Увижу — сразу его первой стрелой!»

Убийцей рожден был свирепый Касым,
Он хана Аблая безжалостный сын.
Людские страданья — отрада ему!
И кровью людскою он только и сыт.

Вдруг хану навстречу выходит Бура,
Весь белый, лохматый, большой, как гора!
Нацелился хан прямо в сердце Буре,
И огненной кровью зарделся Бура...

Завыл он, зубами он заскрежетал,
И, словно убийцу проклясть пожелал,
Вкруг хана верблюд обежал, как шаман,
И в дальние горы навеки бежал.

И выл, как баксы, в тех высоких горах,
На всех наводил он тревогу и страх.
Услышал народ, что Касым совершил,
И понял: грозит роду ханскому крах.

А вскоре исчез белошерстный бура,
Столетия прошли, и настала пора —

Увидели путники снова Буру:
Он каменным стал и стоял как гора.

Главу свою поворотивши к Кубле,
Он спит. Голова его вечно во мгле.
Он мрачен. Он хмурит огромную бровь,
Не может забыть о содеянном зле.

Преданье с тех пор сохраняет народ
О том, что Бура проклял с горных высот
И хана Касыма, и внуков его,
Поэтому вымер аблаевский род.

А видели это лишь волны озер,
Да замок Касыма, что рухнул с тех пор,
И эта гора, что лежит, как верблюд,
И ветер, что вечно срывается с гор

ОКЖЕТПЕС

Покрыл Кокчетау туман голубой,
Плывут облака над ее головой,
А плечи ее придавила скала,
Поставленная богатырской рукой.

Стоит, неприступная, среди синевы,
И если с подножья посмотрите вы
Туда, на макушку орлиной скалы,
То шапки, пожалуй, слетят с головы.

Верхушка ее и остра, и крута.
Быть может, раздумьем скала занята?
А беркута там, на вершине ее,
Заметить немалого стоит труда.

Стрелюю ее не достанет никто,
Она одинока среди скал, но зато
Горда, неприступна... И там, наверху,
Лишь беркут да ястреб свивают гнездо.

И к озеру, названному Бурабай,
Подходит гряды этой западный край.
Одно тут событие произошло
В те дни, когда правил кровавый Аблай.

О прошлом преданий, должно быть, не счесть,
Но правды, пожалуй, не много в них есть.
Одно достоверно: жестокий Аблай,
Тиран-кровопийца, жил именно здесь.

Батыров, и ханов, и биев одни
Хвалили, кровавые славили дни,
И ложь убивала их песенный дар:
Они не акыны — шаманы они!

Тот звался батыром, кто кровь проливал,
 «Он самый достойный!» — акын напевал.
 А если был добрым и мирным казах,
 Акын его «бабой трусливою» звал.

А хан? С ханом голову ниже держи!
 Расправы — услада для ханской души.
 Народ разорял он и в доблесть возвел
 Одни лишь насилия и грабежи.

А много ль добра от продажных судей?
 Кто был их ленивей, жирней и подлей?
 Что им до народа? Виновен ли ты —
 Решали одним мановеньем бровей.

Я многое слышал и много читал:
 Нет ханов, нет биев, достойных похвал,
 Но пусть мой читатель оценку им даст,
 Затем и Аблая в поэму я взял.

...Разбив под горой Кокчетау свой стан,
 На запад врагов своих вытеснил хан.
 Но мало Аблаю земли, и идти
 На мирных калмыков приказ им был дан.

Казахи с калмыками жили тогда
 В соседстве. Была между ними вражда.
 Был темен калмык, и жесток был казах,
 Давили обоих беда и нужда.

И двинулись полчища — нет им конца!
 У каждого воина — два бегунца,
 На мирное племя набег учинить —
 Достойна ль такая судьба храбреца?!

Доспехи начищены все добела!
 Ревут скакуны, закусив удила,
 И всадники сдерживают скакунов, —
 Кровавые, черные будут дела!..

И тысячи глаз из-под шапок глядят,
 Насытиться жаркою кровью хотят.
 За три перехода добрались войска
 До мирных аулов, где жители спят.

Рубаху надел на доспехи джигит:
 Аблаеву воину так надлежит,
 И вот спозаранку на спящий аул
 Под гром барабанов дружина летит.

Слетаются тучи нежданных гостей,
 Дрожит под копытами тихая степь.
 Оглохла округа от крика: «Аблай!»,
 Немало тут ляжет калмыцких костей.

Кто чем... Кто стрелою калмыков сражал,
 А кто в животы загонял им кинжал,
 А кто, пред дружиною всей похвалясь,
 Ребенка на острую пику сажал.

Ревели, как волки, хоть были сыты!
 Беременным вспарывали животы,
 Детей извлекали из чрева ножом
 И вешали в юртах, ощеривши рты.

Везде возносили Аблаю хвалу,
 Махали кинжалами в пьяном пылу,
 Мужчин убивали, а головы их
 Привязывали, как трофеи, к седлу.

А девушек юных и жен молодых
 Собрали, связали за волосы их,
 И перед собою, как стадо овец,
 Погнали батыры красавиц степных.

Домой возвращается войско. Ревет
 Награбленный, с ночи не кормленный скот,
 И девушки плачут, и вдовы кричат:
 Теперь уж никто их домой не вернет.

Аблай весь в крови — с головы и до пят.
 Набегу зато несказанно он рад:
 «Коль будут удачи такие и впредь,
 То степи калмыки нам освободят».

И вот повелел он устроить привал,
 Батыров своих на равнине собрал.
 Расселась вокруг хана свирепая рать,
 И каждый шумел и всюю пировал.

Довольны батыры, закончив разбой,
 И делят добычу они меж собой,
 Но вдруг не на шутку затеяли спор:
 Не знают, как быть им с калмычкой одной.

Шумит из-за девушки ханская рать,
 Никто не желает ее уступать!
 За пленницу эту любой богатырь
 Готов всю добычу немедля отдать.

Красавицы этой я сам не видал,
 Поскольку я с ханами не пировал,
 Но как до сих пор утверждает молва,
 Была та калмычка превыше похвал.

И я промолчу через сотни годов,
 Хотя и поверить акынам готов,
 Что для описанья ее красоты
 Они подобрать не сумели бы слов.

Семнадцать лет не исполнилось ей,
И косы ее были ночи черней.
Как ласточек крылья, сверкали на лбу
Огромные черные дуги бровей.

А вся — как лоза! И гибка, и нежна!
Батыры считали — как солнце она!
Считали, что может соперничать с ней,
Пожалуй, одна молодая луна.

Делили добычу легко до сих пор,
Но вот начался из-за девушки спор.
Сильней и сильней разгорается он,—
Батырам степной уже тесен простор.

Как малый козленок, попавший в капкан,
Иль как бегунец, угодивший в аркан,
А может, как кречет, попавший в силки,
Глядит она в страхе на вражеский стан.

Шумели батыры. Казалось: чуть-чуть —
С кинжалами бросятся грудью на грудь,
И битва начнется... Но хан повелел
Подняться и снова отправиться в путь.

Так до Кокчетау шумели в пути,
Никак не могли они выход найти.
У озера, названного Бурабай,
Сумели батыры к решенью прийти.

Молва утверждает, что именно здесь,
Где слева залив, а правой его — лес,
Войскам своим спешиться хан повелел,—
У озера возле скалы Окжетпес.

Беседует с небом скала. Свысока
Глядит, как проходят внизу облака
И головы как опускают пред ней...
Недаром приплыли-то издалека!

И здесь, отдыхая от ратных трудов,
Купали батыры своих скакунов,
Но, на берег выйдя, вновь спор завели,
И в ссору уже перейти он готов.

Пугливо калмычка глядит на врагов,
И ей объясняют обрывки их слов,
Какая ее ожидает судьба...
Не выбраться ей из железных оков!

У воинов злоба сверкает в глазах,
Готов уже драться с казаком казах.
Но понял Аблай чем закончится спор...
Созвал он батыров и так им сказал:

«У вас много пленниц, добра и скота!
Пусть будут набеги удачны всегда!
Неужто же ради калмычки одной
Меж вами кровавая вспыхнет вражда?»

Я вижу: вмешаться настал мой черед.
Ваш спор разрешу! Пусть калмычка придет.
Вы встаньте пред нею. Пусть взглянет на вас
И мужа себе среди вас изберет».

Покорно батыры построились в ряд.
Ждут пленницу. Молча на хана глядят.
И каждый лелеет надежду: «А вдруг
Калмычка на мне остановит свой взгляд!»

Вот хан посылает калмычку найти
И в ставку немедля ее привести.
«Пускай среди батыров найдет жениха,
Скажите,— велит он,— вы ей по пути!»

Склонились батыры пред ним до земли,
Перечить Аблаю они не могли.
И вот возвратились обратно гонцы,
И пленницу к хану они привели.

Тонка, как лоза, та калмычка была,
Как ранняя зорька, ясна и бела,
Бледна, как подснежник... От жалости к ней
Любая душа бы тоской изошла.

Подстреленной ланью подходит она,
Как будто погонею утомлена,
Она задыхается. Нежная грудь
Тревогой и горькою скорбью полна.

Стоит перед ханом, грустна и тиха.
Легко ли, скажите, избрать жениха
Из самых кровавых и подлых врагов?..
Тут мысль о замужестве даже дика!

Хан бросил на девушку сумрачный взор:
«Ты в войске моем породила раздор.
Возьми же любого батыра в мужья,
И свадьбой окончим несправедный спор».

Застыли все те, кто ее пожелал,
И каждый глазами ее пожирал,
И чудилось каждому богатырю,
Что к сердцу красавицу он прижимал.

Как птицы в силках, колотились сердца,
Отхлынула кровь у джигитов с лица...
Смеялась над ними озерная гладь,
Вовсю хохотали над ними леса.

И молвила пленница хану: «Ну что ж...
 Я воле твоей покоряюсь, а все ж
 Позволь приглядеться к батырам твоим:
 Не сразу постигнешь, кто плох, кто хорош!»

К тебе, повелитель, есть просьба одна.
 Исполни ее, коль разумна она.
 Батыры пусть доблесть покажут свою,—
 И выберу мужа, коль выбрать должна.

Прошу, повелитель, задай им урок.
 Пусть снимут стрелой со скалы мой платок.
 Пусть стрелы заточат, пусть луки возьмут,—
 И мужем моим будет лучший стрелок».

Аблай согласился с решением таким.
 Батыры безмолвно склонились пред ним,
 Но каждый, взглянув на вершину скалы,
 Был втайне предчувствием горьким томим.

Снимает калмычка свой белый платок.
 Он кем-то ей дан, словно счастья залог.
 И светлая юность проходит пред ней,
 Ей чудится юрты отцовской дымок.

И видит она: на заветном платке
 Начертана фраза в одном уголке:
 «Изменишь любви — разорви мой платок».
 Ту фразу она прочитала в тоске.

Но с гордым лицом обернувшись к врагам,
 Бросает платок она к ханским ногам.
 Батыры смыкаются плотным кольцом,
 А в центре стоят лишь калмычка да хан.

И машет рукою довольный Аблай:
 «Дружина, коней поскорее седлай!
 Сейчас интересная будет игра.
 Готовься, дружина моя, не зевай!»

Пусть десять джигитов к скале поспешат,
 Платок на вершине ее укрепят,
 А все остальные проверят пока
 Остры ли их стрелы, и станут пусть в ряд!»

Скала высока и не меру крута,
 Но десять джигитов полезли туда.
 Платок укрепили они на древе.
 Немало стоило это труда!

Меж тем скакунов оседлали стрелки,
 И пробуют стремя ударом ноги,
 И скажут к утесу, откуда стрельба
 Начнется, и шепчут: «Аллах, помоги!»

Джигиты готовы к началу борьбы,
 Калмычка готова к ударам судьбы,
 Несчастливая, влезла она на утес...
 Сейчас будет подан сигнал для стрельбы.

Сжигает джигитов любовная страсть,
 И каждый товарища рад бы проклясть,
 И каждый взывает к аллаху: «Аллах,
 Дай первым в платок этот белый попасть!»

И, тихо промолвив: «Аллах, помогай!»,
 Аблай дал команду: «Дружина, стреляй!»
 Батыры натягивают тетиву
 И стрелы пускают при клике: «Аблай!»

Еще не бывало подобной стрельбы.
 Пугаются кони, встают на дыбы.
 Джигиты, как овцы, сгрудились толпой,
 И стрелы со свистом летят из толпы.

Калмычка глядит с невысокой скалы,
 Калмычка следит за полетом стрелы,
 Но стрелы никак не достигнут платка,
 Там, рядом с платком, лишь клекочут орлы!

Все ханское войско собралось вокруг
 И стрелы считает. За тысячу штук
 Послали стрелки уже в этот платок...
 И вот не на шутку берет их испуг!

Ломаются стрелы о камень дробясь,
 И, хоть в него целятся тысячи глаз,
 Платок невредим. Не достать до платка,
 Там только орлы пролетают, резвясь.

Тогда, от отчаянья лютого злы,
 Помчались джигиты к подножью скалы
 И целились снова. Но в белый платок
 Опять ни одной не вонзилось стрелы.

Ползла на вершину упрямая рать,
 Срывалась, без толку стреляя опять.
 Платка не сорвала. Отсюда пошло
 Названье вершины: «Стрелой не достать».

КАЛМЫЧКА

В смятенье Аблая воинственный стан,
 Урок непосильный батырам был дан.
 Поняв наконец, что скала высока,
 Как туча, угрюм, раздосадован хан.

Калмычка стоит на утесе, бледна.
 «Решай, повелитель,— сказала она.—

Я дам два урока батырам твоим
И выберу мужа, коль выбрать должна.

Виновна ль, что первый нелегко урок,—
С вершины никто не сорвал мой платок.
И ты, повелитель, уверился сам,
Что тут был бессилен и лучший стрелок.

Теперь два последних урока даю —
Они и судьбу пусть решают мою.
Коль справится с ними твой воин лихой —
Немедля я волю исполню твою».

В душе своей пленницу злобно кляня,
Сказал ей Аблай, не слезая с коня:
«Но ты непосильных условий не ставь,
Иначе пощады не жди у меня!»

Как будто пред крепостью, ханская рать
Стоит перед пленницей... Штурмом не взяты!
На время с позором пришлось отойти,
Пришлось и осаду до времени снять.

Леса и вершины сияньем полны,
Как в зеркале, в озере отражены.
Сверкает небесная голубизна:
И только утес видит горькие сны.

Над озером гогот гусей раздался.
Молоденький беркут взлетел в небеса.
А песнь лебединая сердце щемит,—
И горы отвечают ей, и леса.

Выходит второй, черный, беркут в дозор,
Угрюмо парит, озирая простор.
А ястреб сорвался стрелой со скалы:
Должно быть, добычу узрел его взор.

Батыры утес обступили кольцом,
Надеются в грязь не ударить лицом!
И думает каждый, что он победит,
Покажет себя самым храбрым бойцом.

Калмычка стоит на утесе. Одна
Средь вражеских полчищ... Не птица она,
И не улететь ей в родную страну,
Которая недругом разорена.

Так горько ее обделила судьба!
Теперь не спасет никакая мольба:
Пылая, сгорая в любовном огне,
Ее окружает батыров толпа.

И хану красавица так говорит:
 «Тебе покориться судьба мне велит,
 Но пусть мой жених будет лучшим бойцом,
 И пусть он загадку мою разрешит.

Прошу, чтоб отмерили тыщу шагов!
 На спину взвалив четырех седоков,
 Пусть смелый всю тыщу шагов пробежит!
 Учи, повелитель, урок мой таков.

Задачи найти не смогла я другой:
 Пусть в силе поспорят бойцы меж собой.
 Кто первым взберется на этот утес,
 Тот выиграл. Стану тому я рабой».

И тотчас Аблай крикнул рати своей:
 «Батыры, скорее слезайте с коней!
 Забавная будет сегодня игра.
 И тыщу шагов отмеряйте скорей!»

Батыры расседлывают скакунов,
 А свита отмерила тыщу шагов.
 Батыры молчат в ожиданье игры,
 И каждый в товарищах видит врагов.

Аблай наблюдает их со стороны:
 Так чем же батыры его смущены?
 Ни разу они не робели в бою,
 А нынче их души тревоги полны.

А как меж собой похвалялись сперва!
 Должно быть, на ветер кидали слова —
 Поскольку сейчас только кучка бойцов
 Выходит вперед, засучив рукава.

В глазах их сверкает смертельная злость,
 Их сорок всего человек набралось...
 Четыре десятка — среди тысяч бойцов!
 На силу надеются, не на авось!

Хоть отлиты мускулы их из свинца,
 Однако тревога закралась в сердца.
 Но ради красавицы подвиг свершить —
 Отрада для истинного храбреца!

Красавица очаровала их всех,
 Но лишь одного ожидает успех.
 Так кто же счастливец? Какой же батыр
 Познает отраду любовных утех?

Огромное войско шумит, как прибор,
 Ему отзывается ветер степной.
 Вот сорок батыров подходят к черте,—
 Четыре батыра за каждой спиной.

Со страхом рабыни глядят из шатров,
А сорок отчаянных, злых смельчаков
Построились молча у самой черты,
На спину взвалив четырех седоков.

Подобной игры не бывало вовек!
Попробуй поднять четырех человек!
Как видно, калмычка себе на уме...
Но подан сигнал — начинается бег.

По-разному наши батыры бегут:
Одни, задыхаясь, калмычку клянут,
И гнутся другие, как тонкая сталь,
А третьи бегут, как проворный верблюд.

Заданье калмычки — совсем не пустяк!
И вовсе не ясно, который смельчак,
Своих сотоварищей опередив,
Свершит на утесе свой тысячный шаг.

А войско гогочет, а войско орет!
Хохочет Аблай, надрывая живот.
Но восемь сильнейших среди сорока,
Прибавивши шагу, помчались вперед.

Аблай, задыхаясь, смеется до слез.
А тех, восьмерых, словно ветер понес!
Бегут они рядом всю тыщу шагов
И разом взбираются все на утес!

И каждый считает, что первым был он!
С утеса Аблаю отвесив поклон,
Уже полагает, что все решено
И пленницу нынче возьмет он в полон.

Хохочет Аблай. Не поймут: почему?
И эхом отвечают горы ему.
Но хан говорит: «Победили вы все,
Калмычку отдать не могу никому!»

Так молвил Аблай. Ошибется ли он?
Ведь слово его — непреложный закон.
И каждый изрек: «Повелитель, ты прав»,
Хотя был немало в душе обозлен.

Калмычка стоит на утесе, бледна.
«Прости, повелитель,— сказала она,—
Хочу я батырам загадку задать,
В запасе имеется притча одна.

Бега не решили ведь участь мою.
Теперь твоим воином притчу спою.
Пускай кто-нибудь объяснит ее смысл,
Тогда я и выполню волю твою».

И хан отвечал: «Что ж, красавица, спой!»
Но солнце палило, измучил всех зной.
Решили сначала напиться воды,
И двинулось к озеру войско толпой.

Вода в Бурабае прозрачнее рос,
А берег его добрым лесом порос.
Но с той стороны, где купались войска,
Был в озеро вклинен высокий утес.

Но речь заведя об утесе втором,
О первом скажу: он был назван потом
«Девичьим утесом», поскольку бега
Под ним проходили тем памятным днем.

Испивши прозрачной, студеной воды,
Калмычка прошла сквозь батыров ряды,
Батыры съедали глазами ее,
Пьянея от дивной ее красоты.

Как серна, она на утес взобралась,
А возле утеса вся рать собралась.
С высокой вершины прибрежной скалы
Калмычка споев свою притчу сейчас.

Стоит на утесе высоком, крутом,
Утес этот в озеро входит углом,
И мрачен, угрюм, неприветлив утес,
Застыл над водою в молчанье немом.

Забравшись сюда — не шутила она!
Страшно ей бесчестье, а смерть не страшна.
Налево тут камни, направо — вода...
Коль бросится вниз, то разбиться должна.

Вдоль гор потянулись густые леса,
Не молкнут в лесах этих птиц голоса!
А в дали далекой озера видны,
Похожие на голубые глаза.

СКАЗАНИЕ О ДИКОЙ ГОЛУБКЕ

Нелегкая участь калмычке дана,
Грустна, одинока, тиха и бледна,
Над бездной стоит на утесе крутом,
Готовится петь и вздыхает она.

И голос настраивает, как домбру,
Но петь начинает не как на пиру,
А как набирающий скорость скакун,
Что степью весенней летит поутру.

Лицо обративши к высокой горе,
Стояла и пела... И леснь в серебре

То низко плыла, то плыла высоко...
Так лебедь поет на вечерней заре.

И сумрачно слушает каждый джигит
О том, как в горах за Аркою лежит
Огромное озеро. Небо над ним
Любыми пернатыми так и кишит.

Калмычка поет: «Там прельстила меня
Голубка одна... Не прожить ей и дня
Без страха. Все птицы сильнее ее.
Бойтся болотного даже луны.

Она была матерью малых птенцов,
Но как-то однажды, заслышав их зов,
Озлобленный коршун к гнезду подлетел.
Он был самым злобным среди сонмищ врагов.

Иные поют про отвагу в бою,
Другие поют про судьбину свою...
А вы со вниманьем следите за мной,
Я о злоключеньях голубки спою.

КОРШУН И ДИКАЯ ГОЛУБКА

Не зная покоя, не ведая сна,
Голубка жила, вечных страхов полна,
И для четырех своих малых птенцов
Жуков и букашек искала она.

А коршун искал по округе гнилье
И как-то заметил голубки жилье.
Когда прилетела голубка домой,
Коварный схватил из засады ее.

Теперь по всей роще он поднял трезвон!
Хоть слабую птицу забрал он в полон,
Но, словно осилив большого врага,
Ликует, удачею хвалится он.

Голубка хрипит — нелегко умирать!
Кровь каплет из горла, уж нечем дышать...
И жалобно плачут четыре птенца,
Увидев, как бьется их бедная мать.

Постигла несчастных такая беда!
В отчаянье вывалились из гнезда
И коршуна молят: «Нас лучше ты съешь —
Быть может, ее ты не тронешь тогда!»

Ответил им коршун: «Щадить не могу!
Довольно щадил на своем я веку!
И если голубку сегодня не съем,
То перед собою останусь в долгу!

Я грозный владыка небес голубых,
Хочу — убиваю холопов своих.
Я голоден нынче. Голубку сожру,
А после примусь и за вас четверых».

КОРШУН, ГОЛУБКА И КРЕЧЕТ

Выдают птенцы. Что злодею до них?
Со слабыми он расправляться привык!
К убийству уже приступить он готов,
Но в воздухе что-то сверкнуло в тот миг...

Со свистом промчалась лихая стрела?
А может, то острая пика была?
Но что-то явилось с небес голубых,
И коршун упал, не содеявши зла.

С голубкой расправиться он не желал —
Уже бездыханным он трупом лежал,
Из глотки его била черная кровь.
Он больше в лесу никому не мешал.

А был он подкошен не меткой стрелой,
Не пикой, что пущена верной рукой,
И даже не молнией был он сражен...
Сразил его кречет, отважный герой.

Был кречет в дозоре, и ветер донес
До слуха его стон птенцов, полный слез.
И кречет немедля сорвался с небес
И злобному коршуну голову снес.

Голубка и голуби скрылись сперва,
Прикрыла спасенных густая трава,
Но вышли они из укрытья, когда
Герой обратил к ним такие слова:

«Я зря никого не казню никогда.
Я понял, что с вами случилась беда,
И вашему недругу голову снес,
А вас обижать — мне какая нужда?!

Что прячетесь вы? Разве трону я вас?
Ваш жалобный плач мою душу потряс.
Молили вы коршуна: «Мать отпусти!»
Просили, чтоб съел вместо матери вас!»

И голуби вынырнули из травы.
Голубка промолвила кречету: «Вы
Отважный, и сильный, и нам не чета!
Всем вашим врагам не снести головы!»

Сам коршун был вами сражен без борьбы!
Вы, кречет, отважный, но как вы добры!

Поэтому я и четыре птенца —
До смерти покорные ваши рабы!

Любое желание ваше — закон!» —
Сказала, отвесив герою поклон.
Напрасно герой возражал голубям:
Совсем бескорыстно их вызволил он.

Но каждый сказал: «Вы достойны похвал»,
Молил, чтобы клятвой его он связал,
Любое желанье исполнят они...
И кречет подумал и так им сказал:

«Творил я добро только ради добра!
Ну, ладно... Пусть старшая ваша сестра
Грудинкой своею меня угостит,
Когда вылетать ей настанет пора».

И все согласились с желаньем таким:
Оно пустяковым представилось им.
И старшая, перед героем склонясь,
Сказала: «Согласна с условием твоим».

И кречет сказал, вылетая в дозор:
«Тебя ожидать буду с этих я пор!
Надеюсь, как вылетишь ты из гнезда,
Забуть ты не сможешь про наш уговор».

МОЛОДАЯ ГОЛУБКА

Уж кречет давно улетел на восток.
Шли дни. Наступает условленный срок.
Птенцы покидают родное гнездо,
И старшей пора исполнять свой зарок.

Трех младших куда никуда не гнетет,
В лазури они совершают полет,—
А старшая не покидает гнезда,
С тоской благородного кречета ждет.

Три голубя младших уходят в зенит,
А наша голубка на небо глядит.
То розовым маслом надушит себя,
То перья расчесет... Герой не летит.

Готова она совершить свой обет,
Но дни пролетают, а кречета нет!
Решилась голубка его отыскать;
Пока не стряслось с ней каких-нибудь бед.

ГОЛУБКА И СОКОЛ

Покинуть гнездо уж готова была,
Но, в воздухе вдруг просвистев, как стрела,
К ней сокол спустился с лазурных высот,
Опомниться даже она не смогла.

Парил сизокрылый в густых небесах,
И сверху следил, что творится в лесах,
И страстью к голубке проникся... Теперь
Трепещет она в соколиных когтях.

Взмолилась голубка: «Меня пощади!
Великую клятву несу я в груди...
Пожалуйста, выслушай повесть мою
И, как поступить мне, уж сам рассуди!

Нет птиц беззащитнее нас, голубей,
Поймал нашу матушку коршун — злодей
Но доблестный кречет злодея сразил
И вырвал ее из кровавых когтей!

Что ж, кречету я благодарна была,
Великий обет я ему принесла...
И время настало исполнить обет,
Прошу тебя, сокол, не делай мне зла!

Сама не хочу расставаться с тобой...
Мне сердце пронзает жестокая боль.
Но верь мне, батыр, как исполню свой долг,
Вернусь и тебе возвращу я любовь.

Ты властен сейчас над моею судьбой,
Надеюсь, что праведным суд будет твой...»
И сокол, подумав, ее отпустил,
Считая себя неподкупным судьей.

ГОЛУБКА, ЛЕТАЮЩАЯ НОЧЬЮ

«Ну что же... — он с грустью сказал ей. — Лети!
Смотри только ночью не сбейся с пути».
Петляет голубка в дремучем лесу,
Пристанище кречета жаждет найти.

Спустилась на землю глубокая ночь,
Одна только ночь ей и может помочь.
Ночь спрячет ее от коварных врагов...
Ведь каждый голубку обидеть не прочь.

А ночь непроглядна, глуха и темна.
За тучами прячется где-то луна.
И даже на озере замер камыш,
Настала в дремучем лесу тишина.

Голубка летит над безлюдной тропой,
Желает обет она выполнить свой,
И к соколу хочет вернуться она,
Смирясь со своею печальной судьбой.

ГОЛУБКА И ФИЛИНЫ

Лесная округа окутана сном,
И озеро дремлет во мраке ночном.
Спят птицы. А филины ночью не спят,
Затем что они отсыпаются днем.

Ночами выходят они на разбой.
Три филина нынче довольны судьбой:
Поймали голубку. И спор начался:
Не могут ее поделить меж собой!

Ругаясь, как бесы, друг друга клянут,
У каждого слюнки из клюва текут,
У каждого кровью глаза налиты...
Пожалуй, что миром не кончится тут.

И к ним обратилась голубка с мольбой:
«И так я обижена горькой судьбой!»
О кречете им рассказала она,
Потом про обет им поведала свой.

«Мой сокол любимый меня отпустил,
Хотя, отпуская меня, он грустил,
Вы, филины, тоже пустите меня...»
И сразу у филинов пыл поостыл.

Рычали, как волки, минуту назад,
Но вот они молча потупили взгляд,
И, честностью сокола поражены,
Голубке три филина так говорят:

«Сердца нам растрогал твой горький рассказ.
Поверь; есть и совесть, и гордость у нас.
Мы знаем, где кречет свил нынче гнездо,
Тебе мы дорогу покажем сейчас.

Ты нас, непутевых, голубка, прости!
А мы охранять тебя будем в пути».
И вот полетели. Два сзади летят,
А третий, бесстрашный, летит впереди.

Все слышат, все видят три птицы ночных!
Кто ночью ловчей, осторожнее их?
Голубку ведут они тайным путем,
Скрывают ее от злодеев лихих.

Никто их не слышал, не видел никто!
И вот, показав, где свил кречет гнездо,
Вернулись назад. Был некороток путь,
Но дерзость свою искупили зато!

ГОЛУБКА И КРЕЧЕТ

По небу как раз растекалась заря,
Лесам и долинам свой отблеск даря.
И кречет, проснувшись, сидел на суку.
Голубка его проискала не зря!

Покуда стояла в лесу тишина,
И кречет зевал, пробуждаясь от сна.
Увидев голубку, он был удивлен:
Не понял, зачем прилетела она.

Немало воды утекло ведь с тех пор!
Но вот завела она с ним разговор,
Всю душу открыла голубка ему,—
И кречет припомнил про их договор.

О соколе все рассказала ему,
О филинах... «Я сквозь глубокую тьму
Летела к тебе, кречет доблестный мой!
Как видишь, я слову верна своему!

Сейчас я исполню желанье твое.
Не бойся, что тело изранишь мое.
Для этого я и летела к тебе».
Но кречет смущенно глядел на нее.

Рассказом таким озадачен он был
И думал: «Ведь сокол голубку любил,
А вот ведь не тронул подругу свою...
И филины свой поумерили пыл!»

И, их благородным примером влеком,
Не трону тебя. Ты обету верна:
Сказал ей: «Тебя отпускаю добром!
Ко мне прилетела. Спасибо на том!»

ГОЛУБКА И БЕРКУТЫ

Отвесивши кречету низкий поклон,
Она улетела. Светлел небосклон.
Проснулись озера, проснулись леса,
И жаворонки поднимали трезвон.

Теперь, от обета освобождена,
Далекой дорогою утомлена,
Спешила голубка... И как не спешить?
Любимому жаждет отдаться она.

Уже показались родные леса,
И вдруг всполошились в лесу голоса,
Пронесся по лесу испуганный крик:
Над лесом родным разразилась гроза!

Над лесом родным горный беркут парил,
Он был самым злобным среди ярых громил!
Все птицы лесные боялись его,
Поскольку немало он гнезд разорил.

Напавши на жителей мирных лесов,
Он всех убивал, даже малых птенцов!
И старых и слабых он уничтожал...
И не было в рощах страшнее врагов.

А с беркутом рядом летит воронье,
Творит оно черное дело свое:
Коль беркут разбой и убийство чинит,
То ворон за ним подбирает гнилье.

Весь лес был в мгновение опустошен.
Из гнезд разоренных доносится стон.
Едва прилетела голубка домой —
И, бедная, сразу попала в полон.

Да есть ли у беркута совесть и честь?
Его злодеяний, наверно, не счесть!
Ведь столько убил он и осиротил!
Не минет его справедливая месть!

На этом, батыры, закончу рассказ.
Надеюсь, что мудрый найдется среди вас
И тотчас загадку мою разрешит.
Не сказку, а быль я вам спела сейчас.

Одни воспевают отвагу в бою,
Другие поют про судьбину свою.
А я рассказала вам горькую быль...
На суд ваш теперь ее передаю».

ДЕВУШКА И ВОЙСКО

Так пела она на утесе крутом,
Что в озеро вклинился острым углом,
И, в притче изливши всю горечь души,
Замолкла и слезы сдержала с трудом.

Безмолвное войско пред нею стоит.
Вот начал шептаться с джигитом джигит,
Конец этой притчи им не по нутру,
Но смысл ее им разгадать предстоит.

А хан после песни стоит сам не свой,
Угрюмый, с опущенною головой,

Озлоблен и сгорблен жестокий Аблай,
Как будто согнул его сумрак ночной.

А в войске меж тем уже споры идут:
Что — быль или небыль рассказана тут?
Все склонны загадкою притчу считать,
Но только разгадки никак не найдут.

МОТИВЫ КОКЧЕТАУ

И крикнул Аблай: «Где ж тот мудрый джигит,
Который загадку для нас разрешит?»
Но все словно в глотку набрали воды,
Охотников нету. Молчанье царит.

Как будто задумались небо с землей,
Встревожены девичьей горькой судьбой.
И ветер степной, и озерная гладь
О девушке шепчутся между собой.

А тайну загадки лишь ведает лес,
Да сизые тучи высоких небес,
Да горные кручи... Но кручи молчат.
Молчит и вершина скалы Окжетпес.

На озере лебеди тихо поют,
А по небу горные птицы снуют,
То ввысь подымаясь, то падая вниз,
Пронесаются вихрем и не устают.

АДАК

Отважный и сильный — в бою победит,
Но притчу находчивый лишь разрешит!
И вот из безмолвной, смущенной толпы
Выходит один смуглолицый джигит.

Он строен, высок, а в плечах он широк!
И крепок он, словно железа кусок!
Как будто из стали дамасской джигит
Был выкован весь — с головы и до ног!

Посмотришь — поймешь: настоящий боец!
Весь собран, подтянут он, как бегунец,
Пылает огонь в его карих глазах,
А в мускулах так и играет свинец!

В степях Кокчетау жил род Куандык,
От древнего рода Аргына возник,
Из этого рода и происходил
Тот воин, что тайну загадки постиг.

По бедности много он бед испытал,
Табунщиком он к богачам поступал,

А после — причины не знает никто —
К дружине Аблая зачем-то пристал.

Он хвастаться силой своей не любил,
И в ссорах он свой не растрчивал пыл.
Спокоен был, скромн он и справедлив,
И сверстниками уважаем он был.

Был смелым бойцом и чудесным певцом!
Его до сих пор поминают добром.
Ему и присвоили имя Адак,
Что значит: единственный в роде своем.

Когда все молчали, он вызвался вдруг,
Огромное войско сгрудилось вокруг,
И к хану подходит отважный Адак.
Он просто одет, а за поясом лук.

И с ханом ведет он такой разговор:
«Загадку решу, но хочу до тех пор
С тобою, Аблай, договор заключить...
Клянись, не нарушишь ты наш договор.

Есть в притче правдивая горькая мысль,
И ты, повелитель, сейчас поклянись,
Что пальцем не тронешь калмычку, когда
Я притчи открою загадочный смысл».

БЕРКУТ, ЛЕБЕДЬ И СТРЕЛОК

«Согласен», — ответил Аблай. Только вдруг
Раздался тревожный и жалобный звук,
И эхом стократ повторился в горах...
И вынул Адак из-за пояса лук.

Тревога объяла батыров сердца,
У многих румянец отхлынул с лица:
Увидело войско, как у лебедей
В мгновенье унес горный беркут птенца.

Зачем их печалит такая беда?
Ведь слабого сильный обидит всегда!
Ведь сами они про недавний набег
Припомнить — себе не доставят труда.

Но все же волнуется войско кругом,
И, стоя сейчас на утесе крутом,
Калмычка на беркута тоже глядит
И плачет, припомнив сожженный свой дом.

Пронзает сердца лебединая песнь,
А беркут кружит и хохочет, как бес!
И, сжав лебеденку в кровавых когтях,
Взмывает злодей на скалу Окжетпес.

Тут воин Адак натянул тетиву
И плечи расправил, откинул главу,
Напрягся он, навзничь едва не упал,
Однако стрелу запустил в синеву!

Со свистом помчалась стальная стрела,
Она не простой, а трехгранной была,—
С лиловой вершины скалы Окжетпес
В мгновенье злодея она сорвала.

Расправился с беркутом меткий стрелок
И гул одобренья из войска исторг.
О том, что злодея достанет стрела,
Всерьез и подумать никто бы не смог!

СТРЕЛОК АДАК

Как горное эхо, гудели войска,
И все восхищались искусством стрелка.
Кричали : «Когда бы стрелял он в платок,
Сорвал бы с древка его наверняка!»

Бобровую шапку стянув на висок,
Хан молвил Адаку: «Ты славный стрелок!
И я не пойму, мой отважный Адак,
Зачем ты не целился в белый платок?»

Зачем ты тогда затерялся в толпе?
Красавица — что — не по вкусу тебе?
А может, из скромности, храбрый батыр,
Участвовать не пожелал ты в борьбе?»

Ответил Аблаю отважный стрелок:
«Тогда я не целился в этот платок
Затем, что отвагу и меткость свою
На дело пустое я тратить не мог.

Но, притчу услышав, я понял ее
И нынче меняю решенье свое
Сниму я стрелою платок со скалы,
Коль ты не нарушишь условие мое».

Два лебедя в небе кружат без конца,
Кричат, вспоминая родного птенца.
Калмычка стоит на утесе своем,
Глядит с удивленьем она на бойца.

В тот час, когда эта стрельба началась,
С вершины скалы не сводя зорких глаз,
Адак словно мерил ее высоту,
С любовным томлением стойко борясь.

И после, когда начался трудный бег,
Он тоже стоял в отдаленье от всех.

А спрашивали, отвечал: «Нездоров!»—
Что, мол, не надеется он на успех.

А страсть между тем в храбром сердце жила,
И сердце батыра спалила дотла.
С волненьем глядел он на бег. Так скакун
Пред самую скачкой грызет удила.

А нынче, опять натянув тетиву
И плечи расправив, откинув главу,
Прицелившись в белый заветный платок,
Волнуясь, стрелу он послал в синеву.

Со свистом достигла вершины стрела,
И белый платок она разорвала,
Но все же платка не сорвала с древка,—
Стрела не трехгранной, двугранной была.

Тогда он трехгранную вынул стрелу
И снова стрелу запустил на скалу.
Разбито древко — и не видно платка!
И войско Адаку возносит хвалу!

Вернулся на землю заветный платок.
Один только воин достать его смог!
И шумно приветствует войско стрелка.
Так выполнен первый калмычки урок.

Адака со всех окружили сторон.
Кричат: «На земле всех счастливее он!»
Его поздравляют, а воин молчит,
Поскольку нелегкой судьбой умудрен...

И, шапку напялив, идет к нему хан,
Возвысьсь, как в стаде овечьем баран!
Он шумно Адака поблагодарил,
И снова ликует воинственный стан.

ЗАГАДКА ДЕВУШКИ

Калмычка стоит на утесе крутом,
А ханское войско собралось кругом.
Батыры шумят, поздравляют ее,
Желают ей счастья с таким женихом.

И молвила пленница: «Слово даю
Исполнить, Аблай, злую волю твою!
Пусть мужем моим будет воин Адак,
Но пусть разгадает он притчу мою».

Аблай согласился с условием таким,
Сказал он Адаку: «Сын рода Аргын,
Нам пленница спела загадку, а ты
Разгадку нам спой. Ты ведь славный акын!»

Дружина ликует, дружина шумит!
Теперь уж надеется каждый джигит,
Что только один достославный Адак
Смысл притчи, рассказанной им, разрешит.

АКЫН АДАК

Как конь Кер-Кожек перед самой байгой,
Как кречет, что, крылья сложив за спиной,
Готовится взмыть в небеса,— так Адак
Пред пением голос попробовал свой.

Настроил домбру он, и песнь полилась
Сначала неспешно. Но вот, вдохновясь,
Быстрее Адак на домбре заиграл,
Несется она, как скакун Кер-Кожек,

И птицею песнь в небеса поднялась.
Быстрее ветров и клокочущих рек!
Чудесная песнь, и сложил ведь ее
Совсем не аллах, а простой человек!

И замерло войско пред славным певцом,
Его окруживши безмолвным кольцом,
Что ж, каждому хочется тайну узнать,
И каждый застыл с напряженным лицом.

Под ловкими пальцами плачет домбра,
И эхом домбре отвечает гора.
Звенит над степною округою песнь,
И звон ее чище, чем звон серебра.

«Народ мой,— поет он,— бойцы-силачи!
Я к притче сейчас подбираю ключи.
Когда же раскрою загадку тебе,
Горюй, мой народ, плачь, а не хохочи!

Ведь сложена притча совсем неспроста!
По свету пойдет, и людские уста
Повторят не раз ее, даже не два...
И нашему войску сгорать от стыда!

Так слушай, Аблай, и простой слушай люди!
Проклятия нас, а не почести ждут...
Сейчас я раскрою вам притчу, а вы
Судите себя, и да строг будет суд!

РАЗГАДКА ЗАГАДКИ

В рассказе красавицы вымысла нет.
Всю жизнь свою, полную горя и бед,
Себя уподобив голубке, она
Поведала нам. В этом главный секрет.

Калмычка была еще очень юна,
Когда с первым горем столкнулась она:
Напали враги на родимый аул,
Казалось, семья вся погибнуть должна.

Уж к горлу отца был приставлен кинжал,
Несчастный хрипел, уж почти не дышал.
Молила калмычка отца пощадить,
А коршун, смеясь, ее горе вкушал.

Но мимо аула скакал той порой
Отважный джигит, благородный герой.
Заметив, что грабят злодеи аул,
Прогнал их, сразив главаря их стрелой.

Так кречету был уподоблен джигит.
Повсюду он суд справедливый вершит,
Из плена он освобождает народ
И меткой стрелою тиранов разит.

Так старый калмык был спасен от врагов,
Героя отблагодарить был готов.
Но храбрый джигит не желал брать добр
А девушке молвил он несколько слов:

«Добра не возьму я у вас, но когда,—
Сказал,— в совершенные вступишь года,
Согласна мне первую ночь подарить?»
И девушка тихо ответила: «Да».

Уехал джигит, заключив договор.
Немало воды утекло с этих пор,
И девушка выросла и расцвела,
Сердца утешая и радуя взор.

И свататься ехали к ней без числа,
Но всех отвергала она — не со зла,
А просто пришелся один по душе!
Она его соколом и назвала.

Жених ждет невесту в ночной тишине,
Поставлена юрта его в стороне.
Сейчас из аула ее приведут,
Ее приголубит он наедине.

Надели на голову ей джаулык
И в юрте до утра оставили их.
Тогда рассказала она жениху,
Какой ее жребий нелегкий постиг.

Спросила его: как же ей поступить?
Просила ее до зари отпустить:
Ведь надо спасителя ей отыскать,
Сполна ему девичий долг уплатить!

Жених благородный перечить не мог,
Обидного слова не молвил в упрек,
Сказал он невесте: «Коль клятву дала,
Ступай и сполна уплати ему долг.

Хоть горек обет, но исполни обет!
Превыше, чем честность, достоинства нет!
Иди, дорогая! Совсем не хочу,
Чтоб лгуньей слыла ты с шестнадцати лет».

И он подарил ей на память платок,
Заветный платок, словно счастья залог.
К спасителю девушку он отпустил,
Поскольку уплаты исполнился срок.

Упала на землю полночная мгла.
Красавица клятву свою берегла,
На поиски кречета вышла она,
Но шайка воров ее подстерегла.

Повсюду известны повадки воров,
Они по ночам собирают улов.
Схватили три вора голубку одну,
И каждый над ней надругаться готов.

Чего ж им бояться? Кругом темнота,
И нету ни чести у них, ни стыда.
От страсти у них разгорелись глаза,
А в душах преступных — одна чернота.

Голубка, как белая роза, нежна...
Неужто же жертвою станет она?
Взмолилась она: «Пощадите меня!
Нелегкий обет я исполнить должна!»

Просила она их со слезной мольбой:
«И так я обижена злою судьбой...»
О кречете им рассказала, потом
Она про обет им поведала свой.

«Жених мой любимый меня отпустил,
Хотя, отпуская, он горько грустил...
Прошу, чтоб и вы отпустили меня...»
И вору примолкли, их пыл поостыл.

Как волки, рычали минуту назад...
Но вот они молча потупили взгляд.
Теперь, благородством людским сражены,
Три вора красавице так говорят:

«Ты нас, непутевых, родная, прости.
Согласны к герою тебя провести...»
И девушку, точно родную сестру,
Всю ночь охраняли в нелегком пути.

Когда же ночная рассеялась мгла,
 Жилище героя калмычка нашла.
 И молвила кречету: «Славный батыр,
 Свой давний обет я исполнить пришла».

Не сразу сумел тот понять, почему
 Калмычка пришла. И пришлось ей ему
 Про все рассказать, и про то, как жених
 Одну отпустил в полночную тьму.

Пришлось ей добавить и несколько слов
 О гордости и бескорыстие воров.
 Услышал батыр этот горький рассказ,
 Был в чести своей усомниться готов.

Он молвил: «Домой, дорогая, иди!
 Пусть горе тебя не настигнет в пути.
 Не смею я трогать, голубка, тебя,—
 Жива еще совесть в батырской груди!»

Так девушке кречет свободу вернул,
 Но только она воротилась в аул,
 Как в цепкие когти попала к врагам,
 Как раз по аулу шел страшный разгул...

На этом она прервала свой рассказ.
 Понятно, надеюсь, любому из вас,
 Как девушка — гордость родной стороны —
 В плену у врага оказалась сейчас.

На этом и песню закончу свою.
 Вам притчу калмычки на суд отдаю.
 В ней беркуту был уподоблен наш хан,
 А мы уподоблены все — воронью!

Надеюсь, калмычка достанется мне,
 Но боль принести я могу ли жене?
 И я ей свободу хочу подарить:
 Нет счастья душе на чужой стороне!

Нет, сам я жениться на ней не могу,
 Пред совестью быть не желаю в долгу.
 Я дам быстрого ей скакуна,
 И пусть воротится она к жениху!»

ОСВОБОЖДЕННАЯ ДЕВУШКА И ХАНСКОЕ ВОЙСКО

На этом сказанье окончил акын.
 Все были согласны с решеньем таким,
 И пленница слезы утерла платком,
 Один только хан думой черной томим.

Снедаем тоскою и злобой Аблай...
Меж тем уже солнце заходит за край
Земли, и темнеют луга и леса,
И только сверкает один Бурабай.

Батыры опять обступили утес,
Но в криках их больше не слышно угроз.
Теперь уж калмычке желают добра,—
Ей каждый батыр поздравленье принес.

Батырам калмычка сказала в ответ:
«Теперь вам, батыры, открою секрет,
Зачем забралась я на этот утес,
Ведь думала я: мне спасения нет.

Меня не страшила его вышина!
Страшно мне бесчестье, а смерть не страшна...
Налево тут камни, направо — вода...
Коль брошусь я вниз, то разбиться должна...

Теперь приношу благодарность свою
Адаку! Вернул он мне юность мою!
Но сверстниц моих ведь никто не спасет!..
Я им оказать снисхождение молю...»

И к пленнице тут подвели скакуна,
К седлу приторочили два коржуна,
Взнуздали коня, напоили водой —
Был резвым скакун, но дорога длинна!

Была та калмычка и впрямь хороша!
Глядели войска на нее не дыша.
Прощаясь, склонились батыры пред ней,
Как будто она их владыка, ханша.

Красавица к ним обратилась опять,
Спросила: куда ей дорогу держать?
Увидев, что час расставанья настал,
Все пленницы начали громко рыдать.

ДЕВУШКА И КЕР-КОЖЕК

Скакун от волненья грызет удила,
И даже дракон, распустив два крыла,
Его не догнал бы!.. Летит Кер-Кожек
Быстрее дракона, быстрее орла!

Приподняты уши, а хвост жидковат!
Зато уж глаза так огнем и горят!
Бескрылому глупо соперничать с ним,
Когда и крылатый догонит навряд!..

Стоит пред красавицей конь Кер-Кожек,
В коржун к нему вложен добротный конек,

Чтоб черпала пленница воду в пути,—
Погибнет в степи без воды человек!

И вот уж войска расступились вокруг,
Раздался копыт оглушительный стук —
Помчался скакун Кер-Кожек как стрела,
Совсем как жар-птица иль как булдурук.

Невеста спешит. Ждет невесту жених.
Не в силах ничто разлучить уже их!
Скакун Куандыка, литой Кер-Кожек,
Вечернею степью летит, словно вихрь!

Совсем как из клетки красивая лань,
Как выскочивший из загона кулан,
Она понеслась на своем скакуне,
Навечно покинув захватчиков стан.

ОКЖЕТПЕС, БУРАБАЙ,
ЗАГАДОЧНЫЙ УТЕС

Покрыл Кокчетау туман голубой,
Плывут облака над ее головой,
К плечам же горы прислонилась скала,
Поставленная богатырской рукой.

Взлететь на высокую эту скалу
По силам лишь ястребу или орлу.
А песни об этой чудесной скале
Всегда вызывали одну похвалу.

Лежит Бурабай у подножия гор,
И горы в него обращают свой взор.
Как в зеркало, смотрит в него Окжетпес,
Любуясь своей красотой до сих пор.

И камень-загадка находится тут,—
Прижался к скале он, как малый верблюд
К большому верблюду. Над ним — облака.
Под ним — белокрылые гуси плывут.

Он в озеро вклинился острым углом.
А в пору далекую, стоя на нем,
Калмычка исполнила притчу свою,
Которая песнею стала потом.

И нынче, хоть эта легенда стара,
Ее напевает, садясь у костра,
Какой-нибудь старый, почтенный акын,
И жадно внимает ему детвора.

У самого озера камень стоит,
Озерной водой до вершины омыт,

И каждый из вас, кто приедет сюда,
На камень вниманье свое обратит.

Вода в Бурабае прозрачнее рос,
А берег его добрым лесом порос.
Вкруг озера встала густая стена
Из сосен высоких и стройных берез.

Когда задувают лихие ветра,
Рычит Бурабай, как сердитый бура,
И мечется, точно Бура, Бурабай,
И эхом ему отвечает гора.

Но если погода не очень свежа,
По озеру гуси плывут не спеша,
И лебедь чудесную песню поет...
И вновь от тревог отдыхает душа.

1925—1928

121. АЛЬБАТРОС

1. МОЙ СКАКУН

По пяти перевалам
Под яростный стук колес
Сквозь пятилетку
Мчится наш паровоз.
Песня, лети
По его пути,—
Там, впереди,
Век золотой,
Там не знают ни горя, ни слез.

О мои руки,
В труде не щадите сил,
Пусть марш эпоха
Играет на струнах жил.
Труд — наш оплот.
Восставший народ,
Рванувшись вперед,
Через пять перевалов
К социализму путь проложил.

Страна Советов
Идти не привыкла вспять,
Миг передышки —
И на кручи лезем опять.
Труден поход,
Светел восход,
Знамя зовет
Сомненья забыть
И дорожный кушак завязать.

О, конь мой, считался ты
Клячей степной вчера,
Ударь же копытом
Так, чтобы в щебень гора.
Шипами подков
Сокрушая врагов,
До облаков
Взвейся, тулпар!
Нынче наша настала пора.

2. ПОД ЗНАМЕНОМ ЛЕНИНА

На дорогу марксизма,
 Решителен, тверд и суров,
 Ильич нас позвал.
 И откликнулись массы на зов
 Люд трудовой
 Ринулся в бой.
 Над головой
 Знамя взметнув,
 Ленин повел отважных бойцов.
 Тысячи
 Рук
 Вскинулись
 Вдруг,

Своре —
 Каюк,
 Пламя
 Вокруг.

Ленинской правды стяг
 В небе парят,
 Только пред ними
 Склонен пролетариат,
 Вооружен,
 Будет сражен
 Алмазным мечом
 Капитализм — огнедышащий гад.

Ленинизм — вот наука,
 Превратившаяся в клинок
 Массы сбивают им
 Жадных хозяев с ног.
 Острее во сто крат
 Он, чем булат.
 В мире преград
 Нет для того,
 Кто над врагом занести его смог.

Пролетариату,
 Когда он с алмазным мечом,
 Цари, богачи
 И приспешники их нипочем.
 Удар за удар,
 Пожар за пожар.
 Бесценнейший дар
 С начала времен —
 Меч этот, выкованный Ильичем.

Мы в жарких боях
 Забывали еду и сон,
 Но лишь крепче сжимали
 Древки красных знамен.

И враг ослабел,
И враг оробел.
Враг не сумел
Удар отразить
И понял, что обречен.

С алмазным
Мечом —
Раз!
Два!
Раз!
Два!
К плечу,
Плечо,
К голове
Голова,

Наши колонны
Идут
В бой,
Остры,
Как булатный
Клинок
Голубой.

Тех, что мечтали
Без счета нам головы сечь,
Везде настагает
Разящий алмазный меч.
Мы встали не зря,
Теперь ни царя,
Ни алтаря,
Ни михраба у нас.
Венценосные головы катятся с плеч.

3. В СТАНЕ ВРАГОВ

Ярились буржуи,
Сползались со всех сторон
К бело-зеленым
Полотнам своих знамен.
Они пострашней
Ядовитых змей,
Миллионы людей,
Обманутых ими,
Шли ради них на рожон.

Подлый враг не желал
Упрятать кинжал в ножны,
Нас поджидали
В засадах его сыны.
Им бы народ
Резать, как скот,

Кровь нашу пьет
Каждый из них...
Жаждут власти они и войны.

А не сила, так хитрость,—
Эксплуататорский класс,
Победить не сумею,
Очернить пытается нас —
Он лжет и язвит,
Он ядовит.
Добрый на вид,
Фальшивый внутри,
По-разному жалит он всякий раз.

Стиснув зубы,
Борьбу продолжает гад:
Где подножка,
Где в спину — картечи заряд.
В душе его месть,
Он рад бы нас съесть.
Угрозы и лесть
Пускает он в ход,—
На кабаньих клыках не слюна, а яд.

4. ДВЕ СИЛЫ

Пролетариат вышиб дверь
Центрального штаба врага.
Дал он почувствовать
Мощь своего кулака.
Ленин свалил
Тех, кто грабил и бил,
Тех, кто лгал и юлил,
Осталась от них
Только пыль, что развеется от ветерка.

Хитрость тогда
Поступила на службу врагу,
Он понял: вовек
Нас не сможет согнуть он в дугу,
И начал орать:
За ратью, мол, рать
Надо слать, чтоб не дать
Разрастись коммунизму,
Я, мол, мир от него берегу!

Он искал подлецов
За границей и в наших рядах.
Пулей и ядом
В нас думал посеять страх.
Враг зол и умел,
Стяг зелено-бел,
И тир бы не смел

Столько крови пролить,
Сколько ее у врага на руках.

Оружие разное
Вражьи брали сыны
И в схватки вступали
Всюду, где были сильны.
Но вспыхнувший в нас
Огонь не угас,
Мы, что ни раз,
Побеждали их,
Алмазным мечом они сокрушены.

5. ВО ВРАЖЕСКОМ СТАНЕ

Волна за волною
На нас надвигались враги,
В металл облачившись,
Вздымали над нами клинки
Буржуи земли
В крови и пыли
Скопом пришли
Уничтожить нас
И страну разорвать на куски.

Изнутри и снаружи,
В обход или напрямик
И в каждом наймит — меньшевик.
Шли вражьи отряды,
Он звал мусульман
Защищать Коран,
А христиан
Защищать Христа...
Жалил всех его лживый язык.

Каждый пес, что пошел
Добровольно к богатству в рабы.
Клеветал и вопил
И, беснуясь, вставал на дыбы,
Чтоб сорвать,
Чтоб достать,
И в пыли растоптать
Зарю коммунизма,
Погасить нашу жажду борьбы.

В дело шли газ и снаряд,
И пушка и пулемет,
В ход пускались
Воздушный флот
И морской.
Кровавой рукой
И петлею тугой
Душили враги
Разогнувший усталую спину народ.

На постыдную службу
Шли пастор,
 и поп, и мулла,
Шли все,
 кто за деньги
Готов на дурные дела.
Им кричали рубли:
«Бей, руби, коли!
Сотри с земли
Большевистский род!
Грабь догола, жги дотла!»

Жерла орудий
Угрюмо глядели на нас,
Нацелил их тщательно
Эксплуататорский класс.
Армии шли,
Танки ползли,
Подняться с земли
Не давал пулемет,
Кровь обильней воды лилась.
Аэропланы
Ревели, над нами кружа.
Двигались танки,
Сопротивление круша.
В бой напрямиком
Шел полк за полком,
Свинцом и штыком
Сокрушая все,
Нашей крови отведать спеша.

Их чертовы клещи
Сжимались тесней и тесней.
Мы насмерть стояли
В кольце из дымов и огней.
Антанта была
Хитра и подла,
Злые дела
Замышляла она...
Лишь одно она знала «Убей!»

Бомбы,
 Гранаты,
 Газы,
 Солдаты.
Флаг
 Полосатый,
 Кольт.
И Вандервельде
 Зол,
 Как собака,
 Лаял
 Вояка.

И любой генерал
 Брызгал пеной,
 Как бешеный пес.
 Хотелось им крови,
 Низких поклонов и слез.
 Хрипели не в лад:
 «Коммунизм — это яд,
 Коммунистов подряд
 Надо вешать, чтоб знак
 Их ученья опасного не пророс».

Враги отовсюду
 Ползли в громыханье брони,
 Кровью рабочих
 Спирт запивали они.
 Рыгали спьяна:
 «Кровь слаще вина,
 Освежает она...»
 И хохотали —
 «Всех истребим,
 мол, останутся камни одни!»

Ядовитыми газами
 Пахли в ту пору ветра,
 Под тяжестью танков
 Прогибалась земная кора.
 Гремело вдали,—
 То гибель несли
 Детям нашей земли
 Бомбовозы врага,
 И дредноуты, и крейсера.

6. НА НАШИХ СУХОПУТНЫХ ПОЗИЦИЯХ

Оружья у нас
 Даже меньше, чем у врагов.
 Меньше пушек и танков,
 Стволов и штыков,
 Но враги не страшны,
 Ибо мы для войны
 Вооружены
 Мечом ленинизма,
 Главной силою большевиков.

Брызжущий ядом змеиным,
 Враг побежден,
 Черной змеею
 В пыли извивается он.
 Но жив еще гад,
 А яд — это яд,
 Брызги летят,

Издыхающий змей
 Опасен покуда, хотя обречен.
 Воины наши
 Отвагой и мезтью горят,
 Кольцо штыков
 Размыкает пролетариат.
 Алмазный меч
 Грозней, чем картечь,
 Не страшно и лечь,
 Сжимая его...
 Конником был и ходил я сквозь ад.

Под знаменем красным
 Ходили мы в бой не раз,
 Силу и смелость
 В сраженьях испытывал класс.
 Последний бой —
 Решительный бой.
 Трус же — судьбой
 На смерть обречен,
 Но трусов не было среди нас.

Знаменем нашим
 Был ленинский первый декрет.
 По трудным дорогам
 Шли мы за Лениным вслед.
 Он вел нас вперед
 В победный поход,
 С командных высот
 Видел все и всех,
 Наставлял и учил добиваться побед.

Раз!
 Раз!
 Раз!
 Раз!

Наш
 Железный
 Строй
 Поднялся
 Стеной,
 Не опрокинуть,
 Не сдвинуть
 Нас.

левой!
 левой!
 Ну-ка,
 Рванем!
 Сталь
 Гнева,
 Брызгай
 Огнем!

Четкость команд
Восхищала бойцов не раз,
Ленин и штаб его
Побеждать научили нас.
Наш вождь боевой
На передовой
Своей головой
Порой рисковал
Перед тем, как отдать приказ.

Искусно укрывшись,
Лежали мы на рубеже,
Огонь наш прицельный
Был контре не по душе.
Глаз на врага,
Рука
У курка,—
Стрельбу корректировал Ленин
Внимательно, не спеша.

Ленин был монолитен,
Стальная в нем воля видна...
Пламенем правды
Душа его зажжена.
Прищурясь слегка,
Издавека
Он видел врага.
Была подзорная труба Маркса
Недаром ему вручена.

7. ВРАГ

С неба, земли и воды
Угрожал нам враг.
Реял повсюду
Бело-зеленый стяг.
Сжималось кольцо
Огнем и свинцом.
Смерти в лицо
Смотря всякий раз,
Отбивали мы сотни атак.

Знамя
Полосато —
Зелено-
Бело.
Трон —
Без возврата.
Корона —
Слетела.

Щупальцы
Тянут
Спруты
Сквозь чад.

Это —
 Дутов,
 Это —
 Колчак.

Жаждой бессмертья
 Томится царь Капитал,
 Хочет он, чтоб вовеки
 С колен пролетарий не встал.
 По вставшим на бой
 С рабской судьбой
 Наводкой прямой
 Он из пушек гвоздит,
 Расщедрясь на огонь и металл.

8. НА НАШЕЙ ПОЗИЦИИ

Уверенно, твердо
 Ильич нашей правил судьбой,
 Его приказы
 Вели нас в последний бой,
 В последний бой —
 В решительный бой.
 Рад был любой
 Из наших бойцов
 Жертвовать ради победы собой.

Снаряды и бомбы,
 Взрывы, грохот и вой.
 Качаются горы, степи
 И небо над головой...
 Земля что огонь,
 Рукою не тронь...
 Как бешеный конь,
 Гарцует пожар...
 Класс на класс... Вставай, кто живой!

И встали в атаку
 Залегшие было полки,
 Пошли сквозь огонь
 За победой большевики.
 Дрожит все кругом
 Пред трехгранным штыком,
 Пред алмазным клинком
 Учения Ленина...
 С фланга конница мчит,
 разметав башлыки...

9. ГНАЛИ МЫ ВРАГОВ

Сыны капитала
 Рубить привыкли сплеча,
 Но мы поднялись,—
 Сшиблись в воздухе два меча.

В диком разгоне
Падают кони,
Кровь на ладони...
Но меч ленинизма
Острее, чем меч палача.
Буря,
 Огонь,
 Свист
 Ветровой,
Стрельбы
 Трескотня,
 Грохот,
 Вой...
Облаком
 Газ,
 Трупы
 В пыли...
Осколочным —
 Раз!
 Бей!
 Руби!
 Коли!
С ленинизма
 Алмазным
 Мечом
Нам
 Любые
 Враги
 Нипочем.
Буржуев смутил
Наш бросок, наш отважный порыв.
Они отступили,
А наши пошли на прорыв.
Контре беда,
И стали тогда
Искать господ
Новых путей, чтоб нас победить,
Солнце Ленина тучами скрыть.
Всех нас в то время
Кидало по разным фронтам,
Встать первым в атаку
Каждый стремился сам.
В жарком бою,
В конном строю
Смелость свою
Проверяли мы
Не по словам — по делам.
Я отважнейших помню:
Алиев, Ярмухамед,
Джангильдин, Асылбеков,
Татимов... Дорогой побед
Ночи и дни,
Затянув ремни,

Шагали они,
 Попирая смерть...
 Я бы многих назвал,
 но в строфе больше места нет.

10. ЛЕНИНЦЫ

Ленинизм — это стержень
 Всего, что познал человек,
 К социализму дорога,
 Путь в золотой век.
 Кони сильны,
 Руки верны,
 Обнажены
 Стальные клинки,
 Никому не сдержать наш разбег.

Куй железо, товарищ,
 Пока не остыло оно,
 Пока не будет оно
 В меч сверкающий превращено.
 Коммунизм,
 Марксизм,
 Ленинизм —
 Вот кузнецы наших душ.
 Они нашу кровь и плоть
 Перековали давно.

11. Я

Я не хвастаюсь, что за мной
 В этих битвах скакали кони.
 Не говорю, что был первым
 В наступлении и обороне.
 Но я был удалцом,
 Хорошим бойцом,
 К лицу лицом
 Видел смерть не раз
 И на эскадре и в эскадроне.

С красным флажком на штыке
 Я охранял границу,
 С недругом конь о конь
 Мне приходилось биться.
 Сверкая клинком,
 В огонь напрямиком
 Ходил я с полком,
 Я видел, как газ,
 Злую смерть несущий, клубится.

Мчался я то впереди,
 То позади эскадрона.
 На правом, на левом фланге скакал

Под юртою небосклона,
Я радость познал,
Я горе познал
И перевал,
Высочайший в жизни,
Одолел, качаясь в седле бессонно.
Были всего страшней
Встречи с удушливым газом.
Тут и герой и трус
Себя проявляли разом.
В сознании — муть,
Сжимается грудь,
Нет силыдохнуть,
А надо вперед
Идти, согласно приказам.

В сплетеньях чужих траншей
Не раз спотыкались кони,
Был случай, когда я сам
Едва ушел от погони.
То фланговый бой,
То рейд тыловой,—
Своей головой
Я не раз рисковал,
Но ни разу не выпал клинок из ладони.
Ходил под моим седлом
В ту пору красавец стройный,
Быстрый и сильный, но
Нервный и беспокойный.
Не конь,
А огонь,
Балованный конь,
Но по пробежке не встретился мне
Соперник, его достойный.

О конь
Мой
 Степной,
 Ты смел,
 Надежен!
Ставь
 Ноги
 Тверже,
 Будь
 Осторожен!
Ударь
 Копытом,
 Как буря,
 Мчи.
Нам
 Степь
 Открыта.
 Скачи!
 Скачи!

Лети,
 Как птица,
 Сквозь бури
 Вдаль,
 Своих
 Позичий
 Врагу
 Не сдай!

Но с шага сбивался и этот конь,
 Словно кто сглазил его,
 И зря пропадал тогда
 Взмах клинка моего,
 Так бывало не раз,
 Это за ноги нас
 Поверженный класс
 Петлею ловил,
 Ложью опутать он мог хоть кого.

Зорче
 Смотрите
 Вокруг,
 Глаза,
 Остерегайтесь
 Засад.
 Всюду
 Опасности —
 Их
 Не счесть,

Они
 И справа
 И слева
 Есть.

Так
 Тверже
 Клинок
 Опускай,
 Рука,

На голову
 Врага!

То трава под копытом,
 То бродов плотный песок,
 И всюду идет дорога
 От смерти на волосок.
 Ошибочный шаг
 Караулит враг,
 Чуть что не так —
 На шею аркан
 Или просто пуля в висок.
 Я горжусь, что в эту борьбу
 Лепту вложил свою,
 Что, грудь нараспашку,
 Работал штыком в бою.

И правду одну
 Нес сквозь войну —
 Надо ко дну
 Старый мир пустить,
 Слить все народы в большую семью.

«Былое на слом!» —
 Услыхал этот лозунг народ.
 Конником стал я,
 А после попал на флот,
 Так все началось.
 То солдат, то матрос...
 Взлетай альбатрос,
 Над синей волной...
 Эскадра, вперед!
 Эскадрон вперед!

С первой минуты
 Я верил, что Ленин прав,
 Что красное знамя —
 Символ народных прав,
 Что надежна рука
 Большевика,
 Что сквозь века
 Нас Ленин ведет,
 Единственно правильный путь избрав.

Сквозь вспышки разрывов,
 Ночной разрывавшие мрак,
 На красное знамя
 Держали мы, как на маяк.
 Выпало мне
 Скакать на коне
 И на волне
 По морям ходить.
 Я красный конник и красный моряк!
 Будьте
 Точны,
 Снаряд
 И клинок,
 Громите,
 Рубите,
 Валите
 С ног.
 Точный
 Удар
 Разит
 Наповал.
 Тех
 Убивайте,
 Кто нас
 Убивал!

12. НА МОРЕ

Маркс и Ленин — вот наше знамя,
 Их пример вдохновляет нас.
 От маяка коммунизма они
 Не отрывали глаз.
 От карты штабной
 До пули шальной
 Нет ни одной
 Неучтенной детали,—
 Ленинский нас согревает приказ!

Ленин — главком,
 Это знают вода и земля.
 ЦК — его штаб,
 И приказы летят из Кремля.
 На море флот
 Службу несет.
 Буря ревет,
 Но рассчитан в штабе
 Курс для каждого корабля.

Мудр главком и упорен,
 На подвиг зовет боевой...
 Он видит даль коммунизма,
 Он Маркса наследник живой.
 Он держит штурвал,
 Он штаб свой созвал,
 Он не устал от сражений с врагом.
 Ветер не страшен ему штормовой.

К берегам коммунизма
 Сквозь ветер и шторм идет,
 Путь расчищая огнем,
 Наш военно-морской флот.
 Курс, по морям
 Проложенный, прям.
 Ленин сам
 Сквозь бинокль марксизма
 Смотрит вдаль и суда ведет.

Рев

Волн,
 Взрывы
 Мин...

Бух!

Трах!
 Огонь!
 Дым!

В небе

Пустом
 Молнии,
 Гром!

13. НАШЕ ОРУЖИЕ

У нас в арсенале
Есть то, чего нет у врагов,
Есть то, что сильнее
И газов, и пуль, и штыков.
Если хоть шаг
Сделает враг,
Чтоб, как собак,
Нас на цепь посадить,
То закается на сто веков.
Становятся сабли острее
В рабочих руках рубак,
А броненосцы — мощнее,
Когда на них красный флаг.
И я ведь рубашку
Менял на тельняшку,
Грудь нараспашку,
Драил медяшку,—
Военмором был как-никак.

14. ВРАЖЕСКИЙ ФРОНТ

Оружие гнета
Враг копил от начала веков.
Больше орудий
И больше судов у врагов.
Царь Капитал
Смиряться не стал,
Он подобрал
Для войны экипажи
Из лакеев своих и сынков.

Крейсера и дредноуты —
Как китов исполинских стада.
По-акульему рыщут
Миноносцы туда и сюда.
Броня их крепка,
Мощь велика.
Под облака
Поднимается дым.
Тем, кто столкнется с эскадрой,— беда.

Князь,
 Граф,
 Хан,
 Лорд,
Злобный
 Палач —
 Лай
 Уат
 Норд,—
Тысячи
 Дьявольских
 Жирных
 Морд!

Ползли броненосцы,
 Как тучи, таящие гром.
 Жерла орудий
 Плевали свинцом и огнем.
 Подлодки внизу
 Таили грозу,
 А на весу
 Меж туч или звезд
 Гидропланы жужжали ночью и днем.

Когда окружили нас
 Вражеские корабли,
 А их адмиралы
 Бинокли в упор навели,
 Сигналя с рей:
 «Мы владыки морей,
 Сдавайтесь скорей!
 Не для вас свобода,
 Вы сидите теперь на мели!» —

Не дрогнули мы,
 Зажаты стальным кольцом,
 С вражеским флотом
 Сошлись мы к лицу лицом.
 Град по броне,
 Море в огне,
 Смерть в глубине
 Корабли сторожила,
 Нашпигованы были волны свинцом.

Пар,
 Газ,
 Шип,
 Вой,
 Брызги,
 Дым,
 Свист
 Ветровой,
 Пламя,
 Вода...
 Кто чужой?
 Кто свой?..
 Вооружили для боя нас
 Маркс и Ленин,
 Перед врагами
 Не стали мы на колени.
 Оружья верней,
 Оружья грозней
 От начала дней
 Мир не видал.
 Вражье мы сломим сопротивление!
 Тщетно пугали нас
 Пушками их флотоводцы.
 Знающий правду

С прямого пути не собьется.
 Ленин в сердце у масс,
 Ленин в каждом из нас.
 Атакующий класс
 Поднял стяг Ильича.
 Смерть врагу, если не сдастся!

Ленин тогда
 Указал нам конкретные цели,
 И пушки взревели,
 И снасти под ветром запели.
 Рванулся вперед
 Наш израненный флот.
 И конец среди вод
 Обрели враги,
 Лишь немногие скрыться успели.

Возмездье народа
 Страшнее, чем залпы торпед.
 И враг уничтожен,
 И флота огромного нет.
 В море ушли
 От нашей земли
 Лишь те корабли,
 Что бежали вначале.
 Остальные на дне пролежат до скончания лет.

Враг
 Задрожал,
 Враг
 Побежал,
 Вошел
 В его сердце
 Страха
 Кинжал.

15. Я

Конь мой Глиссер на челке
 Красную ленту носил.
 Нам на разведку
 И на битву хватало сил.
 Я делал, что мог...
 Сколько дорог
 Теперь позади?!
 Сколько раз он от смерти меня уносил!
 Полз не раз мне навстречу
 Ядовитым туманом газ,
 На вражьи засады
 Мы натыкались не раз.
 Выручить мог
 Подчас лишь клинок,
 Но с конных дорог
 Возвращался я
 И смотрел, как пожар над волнами гас.

16. ФРОНТЫ ЗА ФРОНТАМИ

Сквозь войны и голод,
Сквозь сотни бед и невзгод
Пролетариат
Упрямо шагал вперед.
К плечу плечом
За Ильичем
С алмазным мечом
Шел рабочий класс,
Поднявшийся против господ.

Он вытерпел много,
Ни разу не дрогнул в бою,
Зная, что миссию
Выполнить должен свою.
Он бил палачей,
Громил басмачей,
А во мраке ночей
Думал только о том,
Как осилить разруху, назло воронью.

Но враг, что не смог
Одолеть нас в открытой борьбе,
Враг, что бежал,
Посылая проклятья судьбе,
Начал опять
Вредить и мешать,
Он надеялся вспять
Повернуть историю
И заставить снова служить себе.

Невидимый фронт,
Ненавидя нас, создал он,
Он жалил украдкой,
Он полз к нам со всех сторон.
Он не бандит,
Он кроток на вид,
Но даже спит,
Сжав заряженный кольт,
И нож его обнажен.
Во мраке, в подполье
Зубами скрипели враги,
Ткнув свои песьи морды
В кровавые кулаки.
А штаб наш — ЦК —
Обучал войска.
Чтоб наверняка
Прихлопнуть врага,
Стволы шлифовал и ковал клинки.

Буржуазия
Коварный придумала план:
На лица — улыбку,

А в потные лапы — наган,
 Хитра и подла,
 Из-за угла
 На мушку брала
 Она лучших из нас,
 Обезглавить пыталась наш стан.
 Но смерть командиров
 Не испугала нас.
 Не страх, а гнев
 Был ответом народных масс.
 Суровы и грубы,
 Мы сжали губы,
 Мы стиснули зубы
 И алое знамя
 Ввысь взметнули уверенней во сто раз.

17. ОН БЕССТРАШЕН

Его не однажды
 Видали на передовой.
 Наш фланг инспектируя,
 Он рисковал головой.
 На старом авто,
 В гражданском пальто,
 Он, как никто,
 Мог поднять солдат
 И повести их в решительный бой.

Пуля — дура,
 Святого для пули нет.
 А он приезжал —
 Не в броню одет.
 Неверный шаг,
 Что-нибудь не так —
 И может враг
 Поразить свинцом,
 Погасить забрезживший свет.

Но это был Ленин,
 Всех армий народных главком,
 Не знающий страха,
 Умеющий драться с врагом.
 Его приказ
 Поднимал не раз
 Рабочий класс
 На неравный бой
 И к победе вел напрямиком.

Глава коммунистов,
 Не ведал он страха в бою,
 Все знал обо всех,
 Но про жизнь забывал он свою.
 Каждый из нас
 Говорил не раз:

«Надо бы вас
Поберечь», но он
Улыбался: «Я крепкий, я устою».

Шли к нему
И армейцы, и моряки.
Как мечи,
Выковывал он полки.
Верней, чем картечь,
Была его речь,
Душ не зажечь
Она не могла:
Самый робкий готов был идти в штыки.

Но враг, что в бою
Визжал, как побитый пес,
Кольт свой припрятал
Не для пустых угроз.
Бродил он вокруг,
Твердил, что он друг,
И вдруг...
Неожиданный выстрел в упор,
Выстрел подлый, словно донос.

Затаившийся враг
Обдуманно сделал ход,
Убрать вождя
Прямой ему был расчет.
Но взвился, как бич,
Яростный клич:
«Ранен Ильич!
Пролетарий, мсти
За кровь, что из раны его течет».

Черной змеею
Подполз и ужалил враг —
Бессильною злобой
Подсказан был этот шаг.
Но и раненный в грудь,
Не подумал свернуть
На запасный путь
Владимир Ильич.
Не задрожал в руке его красный флаг.

Ту, что стреляла,
Славили наши враги,—
Не зря, мол, старалась,
Он умрет от ее руки.
Пойдут, мол, дела...
Но судьба сберегла
Недруга зла
От приспешников зла,—
Ленин выжил, их карканью вопреки.

Куда
Ни иди —
Караулит
В засаде
Враг.
Из синих,
И белых,
И красных
Полос
Его стяг.
Смотри,
Часовой,
Внимательно —
Что
И как,
И если
К прицелу
Прильнет
Кровожадный —
Дурак —
В лоб ему
Пулю
Всади,
Пусть он
Канет
Во мрак!
Будь
Всегда
Начеку
Ты
И вражьих
Не бойся атак!

Голосом твердым Ленин
Скомандовал: «По местам!
На месте стоять не время,
Время двигаться дальше нам!
Истории ход
Зовет нас вперед,
И солнце встает,
Озаряя дорогу
К новым радостным временам!»

18. ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН

Партии коммунистов
Ленин наметил путь,
Штабу ее — ЦК —
Объяснил начинанья суть.
Отчизне был дан
Строительный план.
Оправясь от ран,
Начал строить Ильич
Социализм — чтоб свободно дышала грудь...

Призыв прозвучал:
 «Чтоб буржуи не съели нас,
 Чтобы уступок
 Не требовали каждый час,
 Чтоб от щедрот
 Иноземных господ
 Не зависел народ
 Советской страны,
 Надо браться за дело без лишних фраз!

В хозяйстве догнать
 Америку надо сперва,
 А потом обогнать ее —
 Это ясно, как дважды два.
 Мы за год шагнем на века».
 «Есть!» — сказали в ЦК,
 «Есть!» — сказали войска,
 «Есть!» — сказали рабочие.—
 Мы на ветер не бросим слова!»

Так-то
 Граф,
 Хан,
 Пан,
 Лорд!

Так-то,
 Банкир,
 Фабрикант,
 Заводчик
 Форд!

Пусть
 Вест
 Бушует!
 Пусть
 Злится
 Норд!

Не испугает нас
 Даже
 Черт!

Проект все читали,
 Знакомился с ним народ,
 И каждый был вправе
 Исправить любой просчет.
 Был Лениным дан
 Гениальный план,
 Реальный план,—
 Все поняли это,
 И пошла работа на полный ход.

Жизнь забурлила,
 Как по весне река,—
 Все на учете,

Путь к коммунизму
 Начал прокладывать он,
 Он знал наперед,
 Что произойдет
 Через день, через год,
 Через тысячу лет...
 Но вот он вернулся в природу —
 Таков ведь жизни закон...

Страшный миг наступил —
 Ни отсрочек, ни льготных дней...
 Судьба обрубилась жизнь,
 Которая всех нужней.
 Умер Ленин,
 Чей подвиг бесценен...
 На мгновенье
 Земля недвижно застыла,
 Слезы Вселенной падают в тишине...

20. ЛЕНИНСКИМ ПУТЕМ

Вот уже девять лет
 Без Ленина протекли,
 Но океан ленинизма
 Разлился по шире земли.
 Ленинская рука
 Путь указала ЦК.
 Из тесаных скал на века
 Мы сложили фундамент социализма
 И первый этаж возвели.

Ленинский путь —
 Единственно верный путь,
 Никто никогда
 Нас не сможет с него столкнуть.
 Сквозь кровь и пот
 Трудовой народ
 Упорно идет
 Путем Ильича,—
 Хочется всем в коммунизм шагнуть.

Серп и молот теперь —
 Твои, трудовой народ!
 Взымай же знамена,
 Трудись и иди вперед.
 Нет слова: «Потом».
 Ударным трудом
 Мы строим наш дом,
 Выполняя до срока
 Невиданный план пятилетних работ.

Все, что не так,
 Сегодня исправим мы,
 Разрушены стены
 Извечной нашей тюрьмы.

Встала не зря
Свободы заря.
Свергнув царя,
Мы должны трудом
Уничтожить отсталость, выйти из тьмы.
Буржуям,
Вредящим нам исподтишка
Чья совесть в грязи
И в крови рука,
Со стороны
Хорошо видны
Ошибки страны,
Перестроившей жизнь,
Но мы выправим их,
будет радость врага коротка.

Он недавно еще
Угрожал нашей юной стране:
Голодухой душил,
Нападал изнутри и извне,
Жег огнем, сек мечом...
Был для нас палачом.
А теперь нипочем
Не решается лезть,—
Мелко гадит, держась в стороне.

Бей же
Последышей!
Бей
Шелудивых
Псов,
Жажущих
Грызть
Наши кости
И пить
Нашу кровь!
Затопи
Их берлогу!
Могилу
Им
Приготовь!
Будь
Беспощаден!
Будь
Справедлив
И суров!

Ростки коммунизма
Опознай, побеждающий класс,
В реве новых моторов,
В направленной воле масс.
Трудись и твори
От зари до зари;

Сознание остри
 Не зря оселок —
 Марксизм-ленинизм — есть теперь у нас.

Индустрия социализма
 Зовет вперед,
 И в темпе ином
 Живет трудовой народ.
 Утро земли
 Пылает вдали.
 Мы дошли,
 За Марксом и Лениным следуя,
 До распахнутых в счастье ворот.

ЦК нас ведет
 По ленинскому пути.
 Все, что Ленин задумал,
 Мы в жизнь должны провести.
 За штабом ЦК
 В строю, как войска,
 Издалека
 Мы шагаем туда,
 Куда Ленин надеялся нас довести.
 Всегда коммунисты
 Шли в авангарде масс.
 Сомкнувшись, шагает
 За ними рабочий класс.
 Бедняк и батрак
 Под ленинский стяг
 Спешат, чтобы враг
 Не смел посягнуть
 На счастье, что ныне живет меж нас.
 Идут

Колонны —
 Рабочий
 Строй.

Мы
 Непреклонны —

На труд,
 На бой!

Стальная
 Сила,
 Греми
 Грозой!

Шаг
 Печатай
 Ногой
 Босой!

Марш,
 Марш!
 Вперед!
 Труба
 Зовет!..

Раз!
Два!
Левой!
Вперед!
Вперед!

21. АЛЬБАТРОС

Новую мирную жизнь
Строит рабочий класс,
А враги выбирают момент,
Чтобы напасть на нас.
Взгляд напряжен,
Нож обнажен,
Из них на рожон
Полезет любой,
Чтоб напиться крови хоть раз.
Немало еще врагов
Есть у нашей страны.
Как птицы ночные,
Они лишь во тьме страшны.
За ними сейчас
Нужен глаз да глаз.
Во мраке плодятся,
Жалят они,
Злостью и ненавистью полны.
Так зорче смотри вокруг,
Страны моей часовой!
Пусть тот, кто сунется к нам,
Назад не уйдет живой.
Твое все вокруг:
И север, и юг,
Выше гроз, выше вьюг
Альбатросом взлети,
За мир отвечаешь ты головой.
Враг нас держит в кольце,
Охраняй границы страны!
Зоркие стражи
На земле и в небе нужны.
Дивен, как рай,
Наш радостный край.
Глаз не смыкай,
Альбатросом пари!
Наблюдай за врагом с вышины!
А коль сунется враг,
Обрушь на безумца гром,
Сожги его полчища
Молний живым огнем.
Разбей,
Убей,
По ветру развей
Пепел преступника, альбатрос!..
И пусть позабудет Земля о нем!

1933

122. КЗЫЛ-АТ

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Поэму эту завершить я к сроку — очень рад,
Ее тебе я посвятил, мой старый друг Кзыл-ат.
Твой круп лоснится, словно шелк,
красна, красавец, масть,
Ты посвященья моего вполне достоин, брат!

Чтобы какой-нибудь знаток не объявил мне вдруг,
Что, дескать, сделался мой стих сухим, как голый сук,
И что поэзия моя похожа на доклад,
Решил от всей души воспеть тебя я, милый друг.

Поэту любви на земле все виды красоты,—
От них рождаются в душе и слезы и мечты,
Прекрасны лебеди, цветы и синий лунный свет...
Но всех прекраснее, Кзыл-ат, на белом свете —ты.

1. Поэту

А ну, поэт, скорей бери любимую домбру,
С глубоким чувством начинай серьезную игру!
Под звуки музыки, Кзыл-ат, прославившей тебя,
Стальному радостно бежать без устали перу!

Я чувствовал подъем души сильнее во сто крат,
Когда на небе полыхал сверкающий закат,
Во глубь вселенной я летел тогда своей мечтой,
Когда бывали мы вдвоем с тобою, друг Кзыл-ат!

Да, человеку неспроста дана его мечта,
И он стремится вдаль, вперед все время — неспроста!
Все тайны космоса постичь сумеет человек,—
Восход реален, и его реальна красота.

2

На небе много ярких звезд, что весело горят,
Сокровищ много на земле, что наш чаруют взгляд.
Как много в мире красоты, и так милы душе
Цветок, алмаз и соловей, газель и водопад!

Не раз ты взоры обращал к звезде лучистой той,
В своих поэмах пел о ней, далекой и святой.

Того, кого ты воспевал, того ты называл
Алмазом, песней, соловьем, зарницей и звездой!

Ты нежный голос соловья в полночи любил,
Любил, когда огнем играл сияющий берилл.
Сливаясь с золотом лучей, что так тебе милы,
Летела песнь твоя в простор на паре сильных крыл.

3

Пусть Муза не спеша идет поверхностью земной.
Я песню посвятил свою тебе, Кзыл-ат родной!
Мы нашей партии призыв должны нести в народ:
«Готовься к посевной! Пора! Готовься к посевной!»

4

Чему всего сильней, скажи, ты в этом мире рад?
Милы ли птицы, что поют в весенний вечер в лад?
Или милей всего тебе бегущий по камням,
Дробящий что есть силы дно кипучий водопад?

Иль месяц тот, что озарил полночный небосвод?
Иль лебедь та, что не спеша плывет по глади вод?
Иль, может, легкая сайга, что где-нибудь в степи
Средь марева одна ручей пересекает вброд?

Но эти темы ты, поэт, не подымай! Пора
Воспеть идущие вдали стальные трактора!
Есть в мире музыка одна, достойная тебя:
На поле коллективный труд, что радует с утра!

Ведь люди лучшие идут в поля. За рядом ряд
Шагают по земле они. Их голоса звенят!
Что солнце? Где-то высоко! А здесь вот на земле,
Как будто солнце, милый труд, стоит батыр Кзыл-ат.

Как ветер, попусту, мой друг, не шелести, родной.
Не прыгай попусту, мой друг, как ветер озорной.
Почисть коня и сахар дай буланому коню.
Готовься к посевной, мой друг, готовься к посевной!

В КОЛХОЗЕ, РУКОВОДИМОМ ЛЖЕАКТИВИСТАМИ

1. В состоянии ли ты провести посевную,
мой Кзыл-ат?

Ты посевную провести сумеешь ли, Кзыл-ат?
Час наступил, упорный труд тебя согреет, брат!
Уже оттаяла земля, и надо провести
Под пашню борозды по ней, с утра — за рядом ряд.

Уже повеяло теплом; от снега и от льда
На отогрешшихся полях не видно и следа.

Трудись же, веселей трудись, настанет скоро срок,
Когда сторицею пожнешь в полях плоды труда!

От солнца, жгущего поля с лазоревых высот,
Сугробы снега на холмах растаяли, как мед.
И мать великая, Земля, свободно в рост встает,
И белый снеговой покров со всею силой рвет.

Ложбины будут до краев полны воды, воды,
Ручьями сделаются вдруг в полях снега и льды!
Весенний воздух опьянит тогда, мой друг, тебя,
И дружно птицы запоют вокруг на все лады.

Настанут теплые деньки, воскреснет мир, и тут
В природе сотни голосов, ликуя, запоют.
Раздастся дружный, звонкий хор и будет петь одно:
«Вперед — на труд! Вперед — на труд!
Вперед, вперед — на труд!»

Земля и небо — все звенит, на все лады поет!
И гуси в небесах трубят, свершая свой полет.
И серый селезень кричит, входя в крутой вираж,
Над рябью серою озер, над чернотой болот.

Как светит солнце! Все в поля идут — и стар и млад.
Им премию дадут за труд на посевной, Кызыл-ат!
Настал тот час, когда пласты под лемехом стальным
Средь криков скачущих грачей уже ложатся в ряд.

Идут по полю трактора средь вязкой черноты.
Сейчас все силы на посев! Все полем заняты!
Нельзя минуты пропустить! Здесь дорог каждый миг.
А ты что делаешь, Кызыл-ат? Скажи: готов ли ты?

2. Красавец мой

Красавец мой, зачем, скажи, скопил сердито глаз?
Где голос твой, что подавал ты прежде мне не раз?
Как лебедь шею выгибал и ластился ко мне,—
Так почему ж, когда зову, ты не бежишь сейчас?

Мой черноглазый, что ты так, расставив ноги, встал?
Хребет могучий у тебя. И в беге ты удал!
Так почему же на межу невесело глядишь?
Ты строен, словно кипарис, как яблоко, ты ал.

Так почему же у тебя такой печальный взгляд?
Иль мысли черные тебя все время тяготят?
Когда я приходил к тебе, чтоб приласкать тебя,
Ты весело бежал ко мне. Мне был всегда ты рад!

Лебяжья шея у тебя,— вот как она кругла!
Как медленно ступаешь ты, не ведая седла!

Красавец ласковый, идешь, не чувствуя земли,
Глаза твои как изумруд! Ты строен, как стрела!

Меня завидев, ты ко мне бросался сам не свой,
Забить доньне не могу я взгляд твой огневой.
По челке гладил я тебя и хлопал по спине.
Ты сладко ластился ко мне, качая головой.

Я постою с тобой, мой друг, опять наедине.
В глаза, как прежде, загляну, поглажу по спине.
Скажи, что сделалось с тобой? Что мрачно ты глядишь?
Так почему же ты, мой друг, не радуешься мне?

СЛОВА КЗЫЛ-АТА

1. Здравствуй, друг!

Здоров ли ты, мой старый друг, мой дорогой поэт?
Тебя не видел я давно, мне кажется, сто лет.
Меня ты, видно, позабыл, не посещал меня.
Но все ж ты вспомнил обо мне, привет, мой друг, привет!

Ты разговорчивым был, друг, и чутким был всегда.
Но вот от нежности твоей уж нету и следа!
Со словом ласковым ко мне подходишь ты сейчас,
Ты, позабывший обо мне на долгие года!

2. Какими мы были

А помнишь, были мы с тобой, такие, брат, друзья,
Что удивлялись все вокруг: «Водой разлить нельзя!»
Как две звезды на небесах, с тобою мы сошлись,
На двух — и горе пополам, на двух — и радость вся.

Я был помощником тебе, всегда тебе был мил,
Ты гриву жесткую мою ладонью теребил.
Меня ты нежно обнимал и говорил не раз:
«Вот это пара крыл моих, вот это пара крыл!»

Ты нежно гладил шею мне ладонью на бегу.
Я мчал тебя, чтоб ты, мой друг, не угодил к врагу!
Когда я, помню, ночью раз все силы напрягал,
Шептал ты: «Этого вовек забыть я не смогу».

Как будто птица, под тобой я пролетал не раз,
И лебедем меня ты звал, любуясь мной, подчас.
Сливались с криком лебедей, несущихся вдали,
И голос человеческий твой, и мой могучий глас.

Все годы лучшие тебе я посвятил, мой друг!
Забуть вовеки не смогу твоих любимых рук,
Что заплетали гриву мне, что гладили меня.
К тебе летел я по траве через зеленый луг!

Ты звал меня — и я летел к тебе во весь опор,
Я пронесился по земле, как будто метеор.
И шерсть доснилась у меня, как будто у бобра.
И пред тобою гарцевал, скосив игриво взор.

Раздумьями делились мы с тобой, мой друг, тогда.
Мы пели. Плыли облака, как белая гряда.
Внимали пенью соловья в задумчивом лесу,
И нам светила с высоты полночная звезда.

3. Забыл же ты!

Ты за бандитами не раз в погоню выезжал.
Тебя завидев, страшный враг от ужаса дрожал.
Белобандитов разогнав, ты приезжал домой.
И знамя красное в руке ты высоко держал.

Ты в гриву мне вплетал не раз, мой друг, огонь гвозди
Светился за твоей спиной, мой друг, суровый штык.
Грудь украшал твою в те дни походный патронташ.
Враг убежал, заслышав твой победоносный крик.

Ты помнишь ли, как гнали мы когда-то беляка?
И поступь гордая моя была тогда легка.
Пять лет мне было. Я тогда был строен и игрив,
Твоя взлетала надо мной, как молния, рука!

Скажи: я струсил ли когда? Был путь мой смел и крут,
Мне не были страшны ни смерть, ни пламя и ни труд,
Я был защитник Октября, меня не оскорбил
За фронтovou жизнь мою ни разу злобный кнут.

Скажи: щадил ли я себя? И кто мне был ровня,
Когда стрелою мчался я? Такого нет коня!
Скажи: оставил ли тебя я в поле хоть бы раз?
Скажи: ты мог ли ожидать измены от меня?

Так мог ли я предположить, мой дорогой герой,
Что ты забудешь те года, когда рвались мы в бой?
Ты веселишься среди друзей. «О, как беспечен ты!» —
Я, глядя на тебя, твержу, качая головой.

Ты, брат, нарушил свой обет, что произнес тогда.
Забыл о друге боевом, с кем прожил ты года.
Ты говоришь сегодня «друг», пытаешься обнять,
А между тем ты стал, мой друг, багровым от стыда.

4. Ты не узнавал о моем состоянии. Вредители погубили меня

Скажи: спросил ли ты меня, как я живу? Спросил?
Как самочувствие мое? Осталось много ль сил?
Поэт, ты равнодушным стал! К лицу ли то тебе?
А ведь в былые дни со мной ты ласков был и мил?

Ты видишь сам, как я живу. Взгляни-ка на меня!
Ведь становлюсь все хуже я, слабей день ото дня.
Вредители вошли в колхоз. И вот сегодня нет
Готового для посевной ни одного коня.

Моя разодрана спина, не в силах я терпеть!
Ходила по моим бокам вредительская плеть.
Отбили внутренности мне. Почти что гривы нет.
Лжеактивисты холку мне сумели в кровь стереть.

Мы спрашивали: «Почему у нас порядка нет?»
Лишь ругань грубая была на это нам в ответ.
Лжеактивисты, кулаки и прочие враги
Наделать, злобствуя, смогли в колхозе много бед.

Их воля хищная была всем бедствиям виной!
Лжеактивисты обходить нас стали стороной.
Уполномоченный не раз, бывало, наезжал,
Но он недосыгаем был в дни трудной посевной.

Сам предколхоза жулик был. К тому же был наглец!
При помощи дружков колхоз он разорил вконец.
Народ боялся, как огня, приспешников его,
Народ безмолвный походил, робея, на овец.

Лжеактивисты растащить смогли колхоз за год.
Где масло? Мясо? Падать стал день ото дня доход.
Разворовали все добро. Нет больше жеребцов!
Не стало племенных телят. Был съеден мелкий скот.

Ты помнишь рыжего коня, призера-скакуна?
Кобылу помнишь ли? Была как молоко она!
Их перебили всех давно, замучили враги.
Расправа тайная была бессмысленна, страшна!

Скот измочален. До конца изнурено тягло.
До ручки дело, коль взглянуть, у нас уже дошло!
Лжеактивисты здесь царят. От них спасенья нет.
А если спросит что бедняк, ему ответят зло.

5. Где ты был?

Где ты все эти годы был? Ответь-ка нам, поэт?
Иль ты мечтою облетел весь наш бескрайний свет?
Иль сладкой песнею себя ты сладко усыплял?
В машине ездил? Отдыхал? Что скажешь ты в ответ?

Иль в самолете ты летал? Был твой полет высок?
Ты в золотых тонул лучах. Пошло тебе ль то впрок?
Когда я пить просил, когда просил простой воды,
Ты в минеральной утопал, ты пил фруктовый сок!

Луч золотой,— что говорить! — приятен он и мил!
Конечно, наслаждался ты, ты набирался сил!

Но ведь, летая в небесах, над облаком паря,
Ты землю нашу позабыл, о нас ты позабыл!

Про свой, про наш родной аул ты, друг мой, позабыл,
Ты внешнего врага, мой друг, стихом жестоким бил,
Но внутренний коварный враг вредил нам изнутри!
А ты о тракторах в стихах на всю страну трубил!

6. Я не против механизации

Я за внедрение машин. Я был за них всегда!
Я против тех, кто говорит, что от машин беда.
Я против тех, кто вредный слух распространяет горазд,
Что нам машины, мол, вредят. Какая ерунда!

Машины — сила на полях. Когда они придут,
Всей грудью радостно вздохнет колхозный дружный люд.
Машины отдых принесут, машины облегчат
Пока еще нелегкий труд, пока что тяжкий труд.

Есть люди, знаю, на земле, что долгие года
Знавали терпкий смертный пот крестьянского труда,
Но нынче радостны они, ведь на полях у них
Гремят машины, трактора, несутся поезда.

7. Неблагодарно поступил ты.

Ты позабыл меня, мой друг, а вспомни, ведь всерьез
Поклялся помнить обо мне! Тебя другой вопрос
Сейчас волнует,— ты сейчас стремишься воспевать
Машину! Славишь самолет, косилку, паровоз!

А я, товарищ дорогой, доволен был вполне,
Когда б ты вспомнил между дел о боевом коне,
Когда б спросил хотя бы раз: «Что друг мой боевой?» —
Когда болел я. В те года так плохо было мне!

Ты позабыл меня, мой друг, что скажешь мне в ответ?
Ну посвятил бы ты, поэт, мне хоть один куплет.
Ты изменил мне. Позабыл ту клятву, что давал.
Измена людям не к лицу! Она не красит! Нет!

8. Разве так учит Советская власть?

Скажи: тому ли учит вас родная наша власть?
Дает ли право воровать? Дает ли грабить власть?
Поэту в небеса смотреть, про землю позабыв?
Лжецам и жуликам она дает ли право красть?

Нет, власть Советская губить нас людям не дает.
Твоя опора — это власть. Она коню — оплот.
Не говорит она: коня не надо воспевать!
Не говорит она: воспой один лишь самолет!

А коль сказали не писать — так ты ли виноват?
Сердиться будешь на друзей — и сам не будешь рад.
Не может наша власть сказать, что кони не нужны.
А если кони не нужны, то что мне делать, брат?

Коль я не нужен, то тогда молчи про недород,
О том, что должен день и ночь трудиться весь народ...
Тому, кто хочет рассказать всю истину о том,
Как плохо дело с лошадьми,— заткнуть возможно ль рот?

ОТВЕТ КЗЫЛ-АТУ

1. Признаюсь

Я знал тебя, мой милый друг, когда тебе был год,
Что сделалось с тобой, мой друг?
Иль был плохой уход?
Резвились мы с тобой в полях цветущею весной,
Тогда ты мог еще скакать! Сейчас уж ты не тот.

Внимательно я осмотрел за эти дни колхоз,
И тем, что видел, глубоко я огорчен, всерьез!
Что понаделали плуты! Что натворили тут?!
И все, что здесь я увидал, я в книжечку занес.

Мне жаль, что ты угас!
Мне жаль, что ты поник, поблек,
Как будто сломанный, степной, загубленный цветок.
Лжеактивисты над тобой глумились, милый друг.
Сгубили, бедного, тебя они в короткий срок.

Ты прав, ты прав: я пред тобой, мой милый, виноват,
Ни в чем тебя я упрекнуть не смею, милый брат!
Нет, не писал я о тебе, забыл я про тебя.
Другую темой занят был. Я жил другим, Кзыл-ат.

2. Обстановка была такая

Нас Ленин вывел на борьбу. И пролетариат
С крестьянством вместе вышел в бой: идут за рядом ряд.
Чтоб богачей смести с пути, оружие взял народ,
В те дни, что потрясли весь мир, боролись стар и млад.

Класс угнетенных поднялся на бой в тот грозный год,
На смертный бой, на правый бой весь поднялся народ,
И вот настал тот славный день, тот незабвенный день,
Когда победу одержал народ, разбив господ!

Все богатеи собрались на свете заодно.
Они решили, что навек все в мире им дано,—
Луна и Солнце! Для чего я это говорю?
Ведь это же и без меня известно всем давно!

И враг проклятый был разбит. Решимости полны,
Все стали дружно создавать мощь молодой страны.
Курс на строительство был взят. И стало ясно всем,
Что сеялки и трактора родной земле нужны.

Тогда «Догнать и перегнать!» — был первый лозунг дня...
И стройки начали расти, гремя, гудя, звеня,
Неужто только я один останусь в стороне,
Неужто же задача дня пройдет мимо меня?

И за создание машин взялась страна труда.
Из самых тайных недр земли пошла наверх руда,
И железнодорожный путь в глухих песках пролегал,
И в дальний океан ушли груженные суда.

Тогда-то трактор я воспел, прославил самолет.
И думаю, за то меня никто не упрекнет.
Но не прощаю я себе всего лишь одного —
Что я тебя не навещал уже который год.

3. На трудном пути

Пешком тебя не перейдешь, высокая гряда.
Просторы нам преодолеть помогут поезда.
Достичь социализма мы без мощных тракторов,
Без самолетов и судов не сможем никогда.

Но, чтобы двигаться вперед, нам техника нужна.
Не сможет планы завершить без техники страна.
Чтоб будущее штурмовать, чтобы идти вперед,
Нам, как оружие бойцу, та техника дана.

Чтоб будущее штурмовать, и кони нам нужны:
Ведь продовольствие сейчас, как воздух, для страны.
Сельскохозяйственный вопрос — ответственный вопрос,
Недаром взоры на село теперь устремлены.

Вот почему ты, милый друг, нам нужен до сих пор.
Пред нами, друг, тяжелый путь, пред нами, друг — простор.
Покуда в мире есть враги, тот нужен мне еще,
На ком когда-то я в степи скакал во весь опор.

4. Наша власть против уничтожения поголовья

Нет, наша власть против того, кто истребляет скот,
Она за то, чтоб жил народ сытней из года в год.
Тот кару должен понести, кто заодно с врагом,
А приносящий вред скоту от кары не уйдет!

Власть хочет, чтобы был колхоз в богатстве и в цвету,
Чтоб все трудились, чтоб росла оплата по труду,
Чтобы росла моя страна, чтоб двигалась вперед,
Чтобы вступила в коммунизм — в заветную мечту.

Во всех краях моей страны, во всех концах страны
Колхозники поют,— они свободны и дружны!
Они богаче с каждым днем.

В густой степной траве
Великолепных скакунов гуляют табуны.

Когда все трудятся, тогда идут дела на лад,
Колхоз растёт, идёт вперед, не ведаёт преград.
Но надо, чтоб к тому же был и предколхоза сам
Хороший, честный человек, не вор, не конокрад.

5. Персональная опека лошадей

Чтоб не губили лошадей, чтоб был присмотр, уход,
Чтоб уберечь от стужи их и от других невзгод.
Буденный наблюдает сам, сам лично начеку,
Такое дело поручил ему, видать, народ.

И Ворошилов о коне заботится давно.
На совещаниях они твердят всегда одно —
Что о коне забыть нельзя, не помнить о коне
В такое время, как у нас, конечно же грешно!

Они твердят, что мы коня обязаны любить,
Ведь конь помог в огне боев победу нам добыть.
Конь нам опора и в труде, и будущем бою.
И этого никто в стране не смеет позабыть!

Они твердят, что о коне мы помнить все должны,
Ведь конь поможет нам опять в дни будущей войны!
Когда-то в битвах за Октябрь нам конь поддержкой был...
Да и поныне верный конь — оплот родной страны.

6. Вас погубили вредители

Вредители губили вас тайком из года в год,
Все хитрости свои они пустить сумели в ход.
И справки лживые они готовили не раз.
Скрывали истину они: их лживым был отчет!

Очки втирали втихаря, орудуя хитро,
Стараясь от народа скрыть враждебное нутро.
Бросали камень в нашу власть, отчаянно крича:
«Колхоз, мол, богатеет наш, растёт, растёт добро!»

Сумели жулики тайком всех честных обвести,
Для этого они нашли различные пути.
Разворовали до конца колхозное добро,
Коней, готовых для труда, уже и нет почти!

Разворовали подлецы весь инвентарь и скот,
Набили жулики себе чужой едой живот.
Терзали, мучили коней, не запасли кормов.
Колхоз едва стоит, упасть колхоз готов вот-вот...

7. Лжеактивисты — прихвостни врагов

Лжеактивисты не враги — назвать их так нельзя,
 Но прямо надобно сказать: они и не друзья...
 Они похожи на врагов, они близки врагам,
 Загублена ведь ими, друг, смотри, конюшня вся.

Они лжецы и хитрецы, измены мастера,
 Любители чужих коней и прочего добра,
 Они лизали у господ тарелку, словно псы,
 У байских пресмыкались ног они еще вчера.

Чинуша возглавлял колхоз. Как был нахален он!
 На этот пост солидно сел, как будто бы на трон.
 Но раскусила власть его, он отдан был под суд,
 За дело был разоблачен, за дело осужден.

Его разоблачила власть и осудила власть.
 Был ли он враг? Конечно, был. Любил он врать и красть!
 Он волк в овечьей шкуре был, и, как матерый волк,
 Имел он алчное нутро и злую волчью пасть.

Жулье орудовало всласть, лик под личиной скрыв.
 Остались кони без копыт, без кожи и без грив.
 Не стало скаковых коней, погиб, погиб колхоз!..
 Как хорошо, мой милый друг, что ты остался жив!

8. Власти покарают вредителей.

Но и в других, слышал, местах погублен также скот,
 Не стало тягла, говорят, для полевых работ.
 Виновных предают суду, — не дремлет наша власть.
 Ведь кто колхозный губит скот, наказан будет тот!

Людей ответственных у нас снимали неспроста
 За попустительство врагам с высокого поста.
 А если председатель сам способствовал врагу,
 То он идет под суд, и тут бывает власть крута!

Всех тайных недругов страны печальный ждет удел;
 Лжеактивисты смещены, отстранены от дел.
 Одни уже сидят в тюрьме, другие ждут суда.
 От взгляда нашего никто укрыться не сумел.

9. По зову товарища Мирзояна

Так власть Советская дала вредителям урок.
 И для иных секретарей был тот урок жесток.
 Был лозунг: «Пора восстановить село!»
 Тогда-то Мирзояна к нам прислал Дальний Восток.

Со всею страстью Мирзоян принялся за дела,
 Его решительность тогда порядок навела.

Чтобы от голода страну огромную спасти —
Отдать все силы посевной готов народ села.

В трудах все время Мирзоян. Всегда среди забот!
Его призыв позвал в поля весь трудовой народ!
И я пришел к тебе сейчас прощения просить:
Забудь о прошлом и смотри смелее, друг, вперед!

Ведь ты на лебеда похож, мой милый брат, родной,
Подобно птице ты летишь степною стороной.
А ну-ка силы собери, давай-ка потрудись,
Руководитель наш сказал: «Готовься к посевной!»

Давай по полю протяни глубокие бразды,
Как будто это длинный след от мчащейся звезды.
Так покажи, мой друг Кзыл-ат, что ты еще силен,
И в землю черную степей вложи свои труды!

СЛОВА КЗЫЛ-АТА

1. Теперь я не пожалею сил

До глубины души меня растрогал ты, поэт,
Таких приятных новостей не слышал много лет.
Утешили слова твои, я будто бы воскрес!
Я силу чувствую в себе, — а был я как скелет.

Как много истин услышал я от тебя сейчас,
Кровь закипела. Я живу! Меня ты, друг мой, спас!
Я верю, что враги народ хотели обмануть,
И мне понравился, мой друг, правдивый твой рассказ.

Я, милый друг, не подведу колхозный честный люд,
Нет, я еще не инвалид! И я возьмусь за труд!
Я сил своих не пощажу, в работу я впрягусь,
И не смотри, что я, мол, слаб, что я, мол, очень худ.

Ну что поделаешь, спина моя в крови сейчас,
И круп мой плетью иссечен, избит я был не раз!
Все силы я для посевной, однако, собираю,
Хоть израсходован давно терпения запас...

Когда бы не народа взгляд, что зорек и суров,
Не обнаружили бы мы подонков и воров, —
Неужто ты бы тоже лгал, как лгали все они,
Что, дескать, славный конь Кзыл-ат и весел, и здоров?

2. Если хочешь знать всю правду

Ты говоришь, что ко всему отнесся ты всерьез,
Что видишь сам ты, до чего скатился наш колхоз,
Все о вредителях узнал и о проделках их, —
И все, о чем ты разузнал, ты все в блокнот занес.

А если хочешь разузнать подробней, что и как,
 О том, как действовал тайком вредитель и кулак,
 Колхозников ты расспроси, они-то знают все.
 О том, что было здесь у нас, тебе расскажет всяк.

И если истина тебе, мой милый, дорога,
 Иди в конюшню, в хлев, в поля, в свинарник и в луга.
 Расспрашивай всех обо всем, интересуйся всем,
 И вот раскроется тогда тебе лицо врага.

И я желанием горел все выложить до дна,
 Что накопело на душе, все, чем душа полна,
 Но что-то боязливым стал и потому, видать,
 Я не раскрыл ни разу рта. И в том моя вина!

3. Было так

Лжеактивисты были злы у нас в селе в те дни,
 Попробуй лишь не угодить им,— боже сохрани!
 Им были все права даны. Дохнуть при них нельзя.
 Рукам пытались волю дать, того гляди, они.

Лишь заикнись об их делах, они начнут плести
 Интриги, уж они найдут тогда к тебе пути!
 И говоря тебе о них, от страха я сказал;
 Что это, дескать, не враги, а вроде бы, почти...

4. Что проделывали на периферии

От центра наш колхоз далек. И вот какой уж год
 В правленье начал заседать сомнительный народ:
 Лжецы, и воры, и жулье в правленье — как цари,
 А без надзора — инвентарь, а без надзора — скот!

Они гоняли на конях с утра и дотемна.
 Кормов не стало. Как же быть? Не наша, мол, вина!
 Тут начался падеж скота. Напал на птицу мор,
 Они же стали воровать: все тяжелей мошна!

Уполномоченный когда приедет, тут как тут
 Они уже его в поля под локотки ведут.
 «Колхоз у нас передовой!» — они вовсю кричат.
 Сбивают с толку нашу власть. Молчит колхозный люд.

«За власть Советов мы!» — кричат с утра и до утра.
 Кричат: «Да здравствует!.. Привет!» Кричат: «Ура! Ура!»
 А в это время режут скот, уродуют коней,
 Уводят маленьких ягнят с колхозного двора.

А я держался на ногах в те дни едва-едва,
 В глазах темнело у меня, кружилась голова,
 Я от столицы вдалеке жизнь тяжкую влачил,
 О жизни горестно и моей не ведала Москва.

5. Замысел подлецов, господствовавших
в нашем колхозе

Нет, невозможно перечесть все грязные дела.
Их шайка наше все добро по ветру растрясла.
Я без волненья не могу об этом рассказать,
В те дни так много было бед, так много было зла.

Мы посреди степи, от нас столица далека,
И потому творила зло враждебная рука.
В те дни колхоз наш возглавлял не честный коммунист,
А тайный враг, опасный лжец, приспешник кулака.

В колхозе нашем подлый враг успел наделать дел,
Он маску честного борца, чтоб скрыть лицо, надел.
Он, как паук, все время плел свою паучью сеть,
При нем колхоз совсем упал, распался, оскудел.

О, сколько он успел один у нас наделать зла!
Печальные пошли у нас, унылые дела,
Раскидан в поле инвентарь, стоит, шатаясь, хлев,
У нас не стало ни скота, ни корма, ни тягла.

А цель была тогда у них, вредителей, проста —
Чтоб не сбылась моей страны заветная мечта,—
Чтоб отвращение к труду крестьянину внушить,
Чтобы оставила колхоз в испуге беднота.

Они хотели разорить колхозы все дотла,
Чтоб люди плюнули на власть от горя и со зла,
Чтоб нищий, вскинувши мешок, по миру зашагал,
Чтобы протянута в тоске ладонь его была,

Чтоб люд трудящийся беды такой не перенес,
Чтобы глаза больных детей были влажны от слез,
Чтоб проклял, возмутясь, народ колхозный дружный труд,
Чтоб тяжким камнем на душе казался нам колхоз.

Чтобы кричали на весь мир враги: «Смотрите, вот
Колхоз пред вами! Вот он, вот! Всех эта участь ждет!»
Враги хотели очернить колхозный славный строй,
Они хотели запугать трудящийся народ.

Все это, словно страшный сон, нам кажется теперь.
Мы не оправились еще от страха и потерь.
Как будто грянул вдруг на нас мороз среди жары.
Так было, было, милый друг! — хоть верь мне, хоть не верь!

6. Хорошо, что партия узнала правду
о лжеактивистах

Я радуюсь — ушел навек коварный произвол!
Окончилась пора невзгод, пора обид и зол.
Я верю в партию, в ее величие и мощь,
Я силу новую сейчас и молодость обрел.

Я счастлив, что сильна, тверда у партии рука,
 Я рад, что партия грозна и что она крепка.
 Я счастлив, что она смогла всех недругов разбить,
 Что выгнала она от нас навеки кулака.

7. Облик подлых врагов

Ты в наши жалобы скорей, мой милый, загляни,
 И ты увидишь, что у нас творилось в эти дни.
 И одного ты среди нас, пожалуй, не найдешь,
 Кого не били бы они, не мучили они!

Враги, забравшиеся к нам сюда, в степную глушь,
 Хотя преследовали цель они одну и ту ж,
 Все различались меж собой по лицам и делам,
 И по характерам своим, и по трясине душ.

8. Один из подлецов в колхозе

Одни спокойные на вид, безмолвно стиснут рот,
 Глаза их мрачно-холодны. Ничто их не проймет!
 Как ненавидят все они наш пламенный Октябрь!
 В их душах камень в глубине, в их черных душах лед.

Как зверь, огромен. Зол и хмур, на палача похож!
 За пазухою он хранит окровавленный нож.
 Когда увидит тучный скот, колхозные стада,
 От злобы воет и хрипит, от лютой злобы — в дрожь!

И конь под ним всегда хрипит — натянута узда!
 Весь день он скачет по степи, весь день туда-сюда.
 Доволен он собой тогда, когда он режет скот,
 Когда он мучает и бьет. А больше никогда!

Колхозный скот не бережет, убийца и подлец.
 Не бережет он ни коров, ни коз и ни овец.
 И сливками своих щенков отпаивает он,
 Но ничего не даст другим, хоть лопни. И конец!

9. Облик другого

А есть такие, что сидят, в тебя уставя взгляд,
 И головой твоим словам покачивают в лад.
 «Зачем так мучаешься ты, измаялся совсем!» —
 Они с сочувствием тебе, вздыхая говорят.

10. Облик третьего лжеактивиста

А третий ложный активист довольно прост на вид.
 То тих, а то в безумье он несется; как джигит.
 То грозен и надменен он, то улыбнется вдруг,
 Дашь что-нибудь — доволен он,
 не дашь — так он грозит!

Кто угостит его, того и почитает он,
О том и печься будет он, тот будет вознесен.
А если угостить его не сможешь хорошо,
Тебя он «контрой» назовет и подведет «закон».

11. Один из подлецов, забравшихся
в правление

А есть такие хитрецы: по ветру держат нос!
Мы, дескать, все стоим за власть! Радеем за колхоз!
Уполномоченным они стремятся угодить,
Они подозревают всех! На всех строчат донос!

Такой промашки уж не даст. Он бьет наверняка!
Казалось, страдает он невгодам бедняка.
Лжеактивистов меж собой сравил он, как собак,
И всех подуськивает он. Зудит исподтишка.

Вот так орудовали псы в былые дни,
И беззакония свои творили здесь они.
Не знал колхозник, как тут быть и как тут поступать,
А те, орудуя тайком,— в стороночке, в тени!

Такой, приняв смиренный вид, упорно губит скот,
Как пес жиреет. День и ночь себе растит живот.
Всех хочет убедить он в том, что борется с врагом,
А дома тайно сало ест. Пьет молоко и мед.

Одних преследует, теснит и жмет день изо дня,
Клеветает подло на других, их всячески черня.
Упитанных коней чужих нещадно хаёт он,
Но восхваляет до небес тщедушного коня.

12. Наш бывший секретарь, старик...

Все бюрократы как один, кто с ними не знаком!
Был среди них старик. К нему ты хаживал в райком.
Ты факты лживые ему принес бы или нет,
Когда узнал, что до сих пор он на посту таком?

Он до сих пор еще сидит. И это неспроста.
Он заявление подал, сославшись на лета?
Ну что ж, он, право, доказал, на что способен он:
Теперь ему уже пора все же уйти с поста.

В колхозах он бывал, скажи? На поле бросил взгляд?
Умел решенья принимать, чтоб шли дела на лад?
На нас в теченье многих лет он даже не глядел.
Он, видно, не в своем уме. Чиновник. Бюрократ.

Он был ответственным один, один на весь район.
Руководил райкомом он, был высшей властью он.
Руководитель должен быть мыслителем у нас,
Затем что правом нас вести вперед он наделен.

Конечно, не разделит он мои слова вполне,
На шею звонкую медаль он не повесит мне,
Не вызовут мои слова восторга у него,
Не станет он трепать меня ладонью по спине.

Руководитель должен быть мыслителем у нас,
С овец колхозных ты, пастух, сводить не должен глаз.
Никто вовек не оскорбит такого пастуха,
Который стадо от волков и от бурана спас.

Наш секретарь незорок был. Не шли дела на лад.
Враги поднялись. Секретарь все делал невпопад.
Да, «у плохого чабана, что там ни говори,
Но никудышная овца не принесет двойни».

Уж коль руководитель ты, так будь же зорок, брат.
Пусть цифры дутые, мой друг, тебя не ослепят,
Не дай очки себе втереть. Внимательней смотри!
Иначе ты не секретарь, а просто бюрократ.

13. И ты давал лживые сведения

Еще секретарем у нас все этот же старик.
Попробуй-ка сказать ему по-свойски, напрямик!
Как куст, он сразу задрожит, хотя есть у него
И ум и опыт. Но беда: он к лести, брат, привык!

Ты у него, скажи, бывал, беседовал ли с ним,
Сгибал ли спину ты пред ним, как мерзкий подхалим,
Что, словно мелкий лизоблюд, попасть стремится в тон,
Ты говоришь ему, что он велик, неустрашим?

Скажи: робеешь перед ним? Ты бьешь ему челом?
Поддакиваешь ли ему? Иль прешься напролом?
Ты цифры дутые ему подсунуть норовишь,
Когда он важно так сидит за письменным столом?

А если этот секретарь за нерадивость снят,
Ты будешь ли тогда его срамить повсюду, брат?
Вину всю свалишь на него, чтоб обелить себя?
Ты скажешь, что разоблачил его пять лет назад?

Когда уйдет наш секретарь, сидевший много лет,
Ты будешь ли тогда его ругать? А может, нет?
А нового секретаря ты будешь ли хвалить,
А коль уйдет, то и ему кулак покажешь вслед?

О, ежели ты стал таким, что можешь, брат, порой
Душою покривить своей, какой же ты герой?
Ты раб и трус. Кому, скажи, поверить мы должны?
Ответь, прошу тебя, ответь. Всю правду мне открой!

Но если раболепен ты, сгибаешься в дугу,
Противным станешь другу ты, станешь смешным — врагу,

И если, хитро лебезя, заискивать начнешь,
То этого, мой друг, тебе простить я не смогу.

14. Не знающих совести — много...

Есть много на земле людей, не знающих стыда,
Забывших совесть, а она, мой милый друг, святая!
Но мы, животные, себя позорить не хотим,
И, право ж, неспособны мы на подлость никогда.

Способен человек подчас на низкие дела,
Он имя пачкает свое, бывает полон зла.
Но я на подлости не шел, ей-богу, никогда,
Хотя судьба моя была горька и тяжела.

15. Не сбейся друг, с пути Октября!

Не обессуди меня, поэт, прошу, не обессуди!
Когда все выскажешь вот так, то легче дышит грудь.
В дни революционных битв, в годину Октября
Все лучшие сыны страны прямой избрали путь.

Мы штурмовали в эти дни труднейший перевал,
Любой из нас и кровь, и пот в походах проливал.
Хоть много вынесли с тобой, хоть много позади,
Но до победы труден путь, путь впереди немал!

Мой дружеский тебе совет — ты честь не урони,
Не подхалимничай, будь тверд, достоинство храни!
Ведь ради равенства мы шли с тобою, друг, на бой,
Мы за достоинство людей сражались в эти дни.

16. Каждый должен быть оценен по заслугам.

Конечно, я хочу, чтоб ты не шел иным путем,
Ты должен тем идти путем, которым мы идем.
Кто славно воевал в боях, у нас героем слыл,
Тот должен честь свою хранить и помнить о былом.

Без колебанья надо быть с народом, как солдат,
Быть с партией, стоять всегда за справедливость, брат.
Наш секретарь, старик седой, был не на высоте,
Без сожаленья потому и должен быть он снят.

КЗЫЛ-АТУ

1. Все еще обижаешься!

Любимый друг мой, милый друг, ты дерзок и крылат,
Свисает грива до земли, как шитый шелком плат.
Тебе всю правду я сказал, всего себя раскрыл,
Но в голосе обида есть. Напрасно это, брат.

Мне кажется, что речь твоя двусмысленной была,
 Что ты не все мне рассказал, что шутишь не без зла.
 Зачем, товарищ дорогой, все колкости твои?
 Неужто я тебе не смог все изложить дела?

Неужто думаешь, что я какой-то пустослов?
 Все меры для тебя плохи? И ты всю жизнь готов
 Обиду на меня таить? Неужто ты сердит,
 Что поздно раскусили мы все происки врагов?

2. Скажу еще

Я повторю тебе еще то, что сказал всерьез,
 Ведь мы затронули с тобой существенный вопрос!
 Я тоже подтвердить готов все, что поведал ты:
 Вредители из года в год губили твой колхоз!

Но не везде, мой старый друг, творилось то, что тут,
 В колхозах многих шли дела отлично; дружный труд
 Повсюду спорился! Лишь ваш запущенный колхоз
 Был разорен. И от врагов страдал колхозный люд.

В колхозах многих шли дела тогда на полный ход,
 Неведом был падеж скота, неведом недород.
 Лишь в том колхозе, что похож на бедный ваш колхоз,
 Не мог от классовых врагов избавиться народ.

Творили черные дела у вас в селе они,
 Вредили, сами находясь до времени в тени,
 Обманывали, мастера замазывать глаза,
 Старались истину скрывать от партии в те дни.

Меняли кожу, притаясь, коварны и ловки,
 Меняли методы борьбы, двуличны и низки.
 Творя коварные дела, кричали: «Вот враги!» —
 Со всеми вместе. А потом — вонзали в скот клыки.

3. До вас не доводили установки партии.

Хотя и ведали враги, что гром ударит вдруг,
 Что все их темные дела сойти не могут с рук,
 Но все ж вредили, до людей они не довели
 Все указания Москвы. И вот замкнулся круг!

Уже потом слова Москвы узнал колхозный люд:
 «Отныне наш по трудодням оплачен будет труд»,
 Того, кто запустил дела, кто долг свой позабыл,
 За безответственность того ждет справедливый суд.

«Решают кадры все! — в колхоз такой пришел наказ.—
 Ответственность несет за все сейчас любой из нас».
 Беречь колхозники должны и инвентарь, и скот,
 Ведь мы с колхозного добра спускать не вправе глаз.

Народ беседы с ним ведет, о планах говорит,
 Всяк обращается к нему в невзгоде и в нужде.

Ну что же, скинули с поста за дело старика!
 Заслуга нового вождя безмерно велика!
 По настоящему пути величья и побед
 Ведет вперед, ведет вперед нас партии рука!

7. Увидишь, узнаешь ты

Когда его увидишь ты, доволен будешь ты:
 Правдивы все его слова, а помыслы чисты.
 Сюда приехать должен он, ты с ним поговоришь!
 Обрисовать тебе хочу товарища черты.

Довольно молод, с огоньком веселых черных глаз,
 Он полон силы. Он готов в любой подняться час
 И выехать в село! Ведь он отличный секретарь!
 Он самый лучший изо всех работавших у нас!

Размах плечей, стальная грудь и рост богатыря,
 Он прямо смотрит на тебя, в упор, умом горя.
 Он скромн, голову свою все ж держит высоко,
 И поступь у него горда. И это все не зря!

8. Каков же старый секретарь?

Что делал старый секретарь? Бывало, что не раз
 Он на бумаге отдавал неясный всем приказ.
 Он ездил лишь на поездах по разным городам,
 Приказы устно отдавал, туманные подчас.

А в захолустье не бывал, не навещал район,
 Но слухи лживые ползли к нему со всех сторон.
 Он ничего, лентяй, не знал о жизни на местах,
 Он в кресло тяжело воссел, как будто бы на трон.

В неистовство впадал не раз, как злой самец-верблюд.
 Он тряс козлиной бородой. Творил неправый суд.
 И подхалимничали все, стараясь угодить.
 И все склонялись перед ним. И трясся в страхе люд.

9. Разве я себя позорил?

Твои слова — они верны, бьют в сердце напрямик,
 Они ведь ранили меня, они — как острый штык.
 Ты хочешь, видимо, сказать, что нового хвалю,
 А прежнего ругаю я, — а прежний ведь старик?

Ты издевался надо мной, хотя и столько лет
 С тобою не видалась мы, — мне все ж пощады нет.
 Поверь, уж лучше мне не жить, чем средь народа слыть.
 Лжец, проходимец и хитрец, — а я ведь все ж поэт!

Я нового секретаря хвалю не зря, мой брат,
А старого я поругать при всем народе рад.
Но что бы я ни говорил, о чем бы ни твердил,
Я мысли выражаю масс. Пою я с ними в лад.

Я разве на кого-нибудь напрасно, брат, пенял,
Кого-нибудь, скажи, мой брат, я пачкал, очернял?
Попыткой льстить кому-нибудь иль просто угождать,
Скажи, мой старый друг, хоть раз я честь свою ронял?

10. Могу ли я говорить неправду!

Нет, не скажу, что ты меня порочил ложью, нет!
Нет, не скажу, что поносил меня на целый свет.
О том, что я тебя забыл, о том, что покидал,
Верны, мой друг, твои слова. Я не был много лет!

Ты обвинил меня, что я тебя, мой друг, забыл,
Что я не навещал тебя, что я, мол, изменил,
Что я, обманывая власть, втирая ей очки,
О положенье дел в селе неправду говорил.

Способность слово не держать — значительный порок.
Тот, кто двуличен, тот, мой друг, наказан будет в срок.
Напрасно, друг мой, на меня возводишь ты поклеп,
Что я, мол, изменил тебе, тобою пренебрег.

Какое обвиненье, брат, еще ты возведешь?
И ты стыдишь меня, мой друг, твердишь одно и то ж.
Все, что ни делал я,— ничто мне совесть не чернит,
Моей подругой никогда не становилась ложь!

Неправду разве я сказал когда-нибудь, поэт,
На совесть брал ли грех, скажи? Я отвечаю: нет!
Пусть буду я на сей земле, здесь счастья лишен,
От правды не отречься мне. Вот мой тебе ответ!

Уж коль люблю, то я люблю душою до конца!
Я тех люблю, мой старый друг, чьи праведны сердца.
И если я и невзлюблю кого, то невзлюблю,
Я в мире ненавижу, друг, лжеца и подлеца.

Нет, сильным я не угождал, не лаял, словно пес,
И не держал по ветру я, поверь, товарищ, нос.
И ту, которая была постыла, не хвалил,
Не врал, не притворялся я и чепухи не нес.

Коль радости на сердце нет, не веселюсь с утра,
Коль мне невесело, молчит правдивая домбра.
Все струны сердца не поют, когда я загрущу,
Но коли радость, то в душе — и песня, и игра.

Переродиться ли смогу, когда я сердцем чист?
Чиста душа моя, как чист бумиги белый лист.

Могу ль обманывать я власть? Я был душою прям,
Когда обманывал ее в селе лжеактивист!

11. Вот и весна

Скакун мой, бешеный скакун, идет весна-краса!
Несет и радость и любовь и синью бьет в глаза.
И вместе с яркою весной летит издалека
Веселых журавлей косяк. Сияют небеса!

И песни лебедей звучат на высоте с утра,
И на воде озерной рябь — веселых волн игра!
И воздух полон голосов певучих вешних струн,
Что льются с голубых небес. Мир звучен, как домбра!

Ты видишь голубую даль, безоблачный простор?
Ты замечаешь рябь озер, жемчужный блеск озер?
Весенняя простерта степь, покрытая травой,
И надо всем звучит вдали призывный птичий хор.

А утки над водой кружат и весело поют,
Стремительные виражи я вижу там и тут,
Звенят их крылья в высоте, как молнии блестят.
Звучит победоносный крик, как праздничный салют.

А селезни, что, как заря, прельщают пестротой,
Прекрасной шею своей, и гордой и крутой,—
Играют, плавают, стремглав мчат наперегонки
Под неподвижной, голубой и чистой высотой.

Земля, как мать, любя дала всему живому грудь.
Природа хочет, пробудясь, могучая, вздохнуть.
Животные хотят детей, растения — ростков,
Все к жизни тянется, поет, все словно вышло в путь.

12. Скакун мой

Скакун мой, черноглазый мой, подвижный, как сайга,
Мне шея гибкая твоя, приятель, дорога.
Тебя за шею обниму! Мой милый друг, пойми:
Пора за призом трудовым идти в поля, луга.

Твоя знакома сила мне, мой милый друг, давно,
У нас работа впереди, у нас ведь дел полно!
Ты не забудь, мой милый друг, задача нелегка:
Нам вред, что нанесли враги, исправить суждено.

13. Бегун мой

Красавец мой, ты с тонкой схож раковой, со струной,
Ты лучше всех, мой милый друг, на этой посевной.
Ты ласковый, любимый мой, все тянешься ко мне.
Ты будешь, верю я, дружить всегда, всегда со мной.

ПОСЛЕ ПОСЕВНОЙ
КЗЫЛ-АТ ПОЛУЧАЕТ ПРИЗ

Кзыл-ат вернулся с посевной. Округа вся горда!
Кзыл-ат взял первый приз, как обещал тогда!
Но главный подвиг впереди, ждут новые дела!
Там вновь кампания грядет, там новая страда.

Не подкачал наш верный конь, не подкачал Кзыл-ат,
Хотя и был он истощен, хоть был он худоват.
Но слову верен был скакун и не подвел колхоз.
И весь колхоз был за него в тот час счастливый рад.

Труд равен подвигу. Труды теперь настал черед.
Благословенен будет твой рабочий, горький пот!
Когда в работе на полях конь приза не возьмет,
То значит это, что в бою он друга подведет!

ВЕРНЕМСЯ К КЗЫЛ-АТУ

1. Кем его ни называют!..

А ну, поэт, поговорим, похвастаем конем —
Про то, что сделал наш Кзыл-ат и отличился в чем.
Давай обсудим, обо всем с тобой поговорим.
Поскачем резво по степи. Итоги подождем.

Послушаем, что говорят! Зря или же не зря?
Ругают ли его? Бранят? Или богатыря
Задумали хвалить? Чего, скажи, достоин он?
Друг друга прерывают все, о друге говорят.

Одни Кзыл-ата все бранят, зовут его «верблюд».
Другие вовсе не конем — кобылою зовут,
И только третьи молодца как следует поймут.
И скажут: прав поэт, над ним свершивши честный суд!

Ну а четвертые, прочтя правдивый сей рассказ,
Вскричат: «Он хочет очернить, товарищи, всех нас!
Лжеактивистами назвал он нас — сынов села!»
И злобу затаят они: «Смотри! Придет наш час!»

2. Критик-знаток и критик-притворщик

Мне человек по сердцу тот, мне, право близок тот,
Кто указание тебе затем, мой друг, дает,
Чтоб искренне помочь тебе, чтоб выручить тебя,
И это вдохновляет нас на творчество, полет...

А есть и критики. Вот так они себя зовут!
Они взвалили на себя все ж непосильный труд!
Все путают. Где ясно всем — они всю темнят.
А есть — как кляча, что одна впряглась в тяжелый плуг

И тщится глубоко вспахать целинный вязкий луг,
Иль словно заяц, что попал в сыпучие пески
И хочет выбраться, и весь — без силы, весь — испуг.

Как критиком быть нелегко! Искусство «знатока» —
Оно дано не всем, его задача нелегка.
Искусство тонкое схватить не всякому дано,
Вот так лисицу ухватить не можешь ты, рука.

МОЙ ЧЕРНОГЛАЗЫЙ, КАК САЙГА!

1. Какой человек обвинит Кзыл-Ата!

Но кто Кзыл-ата обвинит? Он добрый ветеран.
В чем прегрешение его? Он смирен? Иль буян?
Но кто захочет обвинить, тот что-то да найдет!
Какой-нибудь найдет ущерб, какой-нибудь изъян.

Тот критик — он лжеактивист! Я в том уверен. Вот!
Он подхалимом был всегда, смотрю и вижу: тот,
Что тише всех ходил тогда, боялся больше всех,
О теплой должности мечтал он в тот нелегкий год.

Иль этот, что мастак соврать, мастак втирать очки,
Чьи так «заслуги», говорят, безмерно велики,
Что сведенья давал в райком, сплетенные из лжи...
Скота неслыханный падеж был от его руки!

Они стремились раздуть в скандал любой пустяк,
У каждого своя есть ложь, он врет и так и сяк!
То вражья критика была, она несла лишь вред.
В той критике средь мелюзги встречался лжи мастак!

Лжеактивисты хорошо устроились вполне!
И покровители у них в друзьях или в родне
Ну что ж, я критике внимал. Но я им цену знал.
Ведь птичка каждая, поверь, по собственной цене!

2. Исправлять способна лишь критика рабочего класса.

Как следует критиковать — рабочий знает класс.
Кзыл-ата враг не очернит, Кзыл-ат глубок подчас.
Он искренних друзей поймет, врагов он различит,
Ведь у Кзыл-ата на врага нацелен острый глаз.

ПОЭТУ

1. Кто перед зеркалом

За мужество твое ужель страдаешь ты, поэт?
Кто музу оценил твою, кто подавал совет?
А кто критиковал, скажи, звук сладостный домбры
И душу очернил твою? А ну-ка, дай ответ!

Кто разделял с тобой часы и горестей, и слез?
Кто майским вечером с тобой ждал музыки и грез?
А кто, когда твоя домбра ему терзала слух,
Был обругать тебя готов и растерзать, как пес?

Кто, мой товарищ, кто, скажи, давал отпор тем псам,
Когда не мог протестовать, не мог бороться сам?
Кто радовался всей душой достоинствам твоим?
Кто вел итог твоих побед, счет боевым делам?

Кто ждет того, чтоб ты упал, споткнулся и пропал,
Кто за тобой следит, мой друг, мой верный аксакал?
Лукавый человек, мой друг, все смотрит на тебя,
С улыбкой хитрой на тебя глядит из всех зеркал.

А у кого смешных сторон на этом свете нет?
Порой и ты смешон, мой друг, мой дорогой поэт!
Когда ты в зеркало глядишь сам на себя в упор,
Признайся, ты смешон, мой друг!

Что скажешь мне в ответ?

Поэт с поэтом меж собой заводят разговор,
И разговор начистоту, на совесть, взор во взор.
А то бывает, что они лукавят и хитрят,
Как будто бы они плетут запутанный узор.

2. Задушевные звуки арфы золотой

Пусть отвлечет нас от всего певучая домбра,
Она ведь звуками полна, могуча и добра,
Пускай широкою рекой мелодия течет,
Пускай идет звучна, нежна веселых струн игра.

Пусть слушать музыку легко, приятно будет нам.
Пусть пальцы весело бегут по золотым струнам,
Пусть славной музыки язык беседует с душой,
Пускай душа плывет к звезде, как будто по волнам...

Без музыки была бы жизнь, мой милый друг, не той,
Без песен лебедей, гусей над синею водой,
Возможно разве передать красу родной земли
Без удивительной домбры, прекрасной, золотой.

Сыграл ты музыку свою, прославлен твой Кзыл-ат,
Излил ты в песне и любовь, и радость всю, мой брат,
Ты песню создал про коня, как выткал бы ковер,
Как вышивал бы не спеша чудесным шелком плат.

Настроил ты свою домбру и песнь из чудных слов
Пропел под звуки тонких струн, под шорохи ветров.
И конь-красавец танцевать под твой веселый ритм,
Под звуки струн, под шум ветров от радости готов.

¹ Обращение при сообщении радостной вести равнозначное слову «Поздравление»

Держу домбру и так хочу исторгнуть чистый звук,—
И песня сразу закипит, польется песня вдруг.
И, словно сокол, ввысь взлетев над местностью над всей,
Я с той безмерной высоты увидел ширь вокруг.

Кзыл-ат, мой старый, дорогой, о конь, любимый мной,
Ты победил, мой золотой, на этой посевной!
Дай я за шею обниму тебя, дай потреплю
По гриве, молодец! Мой друг! Мой верный друг, родной!

Прорвалась музыка моя! Что ж, видимо, пора!
Запела звонкая моя, любимая домбра!
Прости, прости, что у тебя я время отнимал.
Как ястреб, каждый день взлетал я в небеса с утра.

Быстрее не видел я коня! Когда Кзыл-ат летит,
И хвост, и грива на ветру среди степей шумит,
Когда летишь как пуля ты, резвишься на тропе,
Седая пыль встает столбом из-под твоих копыт.

Власть требует беречь добро колхозное сильней.
Друзья, велит она хранить — коней, коней, коней!
И лучших самых лошадей приказано сдавать
Для обороны, тех коней, что крепче и стройней.

Пусть мой красавец, тот, что мне и дорог так и мил,
Что из одних составлен мышц, из крепких свитый жил,
Пусть скачет, прыгает, стремглав несется по степи,
Пусть вольной тешится игрой, исполнен свежих сил.

1933

Чжан Цзо-лин — один из генералов, прогремевших в Китае. То, о чем рассказывается ниже, действительно было в жизни. Рассказы о Чжан Цзо-лине появились в печати многих стран. В одном из номеров журнала «Прожектор» за 1925—1926 год тоже была напечатана статья о нем.

В этом году, после того, как генерал Чан Кайши предал трудящихся Китая империалистам, я решил написать о грязных делах Чжан Цзо-линя. Нижеследующее, мне думается, полнее охарактеризует его злодеяния и, возможно, западет в память народа.

БЕГЛЕЦ

Больше, чем собак, в Китае генералов,
И число их никогда не убывало.
Расскажу про одного из них,
Что народу бед принес немало.

У Пей-фу, Сун Шуан-пан и Чжан Цзо-лин,
Цуа Кун, Пин Дуй-сан и Ху Хан-мин,
Чан Кай-ши, Шанпа гун, Уан Тин-бей,
Еще есть Шу Пей и Ли ти-син!

Все они борьбой увлечены
За богатство, и за власть, и за чины.
Кровь китайцев пьют, сдирают шкуру,
С палачами всех народов сплочены.

Самый хитрый и жестокий — Чжан Цзо-лин.
Хоть собака, а рядится, как павлин.
Много о себе он мнит, невежда-щеголь,
Злобный деспот и кровавый властелин.

3 молодости не был знаменит,
1з бродяг бродяга и бандит.
1е один из тех, кто с ним прохожих грабил,
о сих пор еще сей «божий свет» коптит.

С топором разбойничьим в руках,
Укрывался и в лесах он, и в горах,
Всех он убивал, кого ни встретит,
Тем прославился, что всюду сеял страх.

Становился вместе с шайкой «на постой»,
Там, где расстился лес густой.
В грабеже решил искать бродяга
Путь к обогащению простой.

В тайниках маньчжурских гор и скал
Беглецов таких же разыскал.
Вместе с ними совершал набеги,
Ненависть народную снискал.

Только лишь злодей, беглец и джин
С гор к нему сходились и долин —
Главарем разбойников окрестных
Сделался коварный Чжан Цзо-лин.

Будто волк, дороги он стерег,
Убивал, перешагнув порог,
Звался всюду «беглою собакой»
Он, кто честной жизнью пренебрег.

Ты, кто так глумился над людьми,
По заслуге кличку ту прими,
Грабил, но добра казалось мало,
«Неимуший»! Совесть в долг возьми!

С ружьями являлся на грабеж,
Мирных жителей бросало в дрожь.
На разбой способен лишь отребье,
Честных в свой отряд не соберешь!

Нет отпора — значит, власть сильна,
Значит, позабудется вина,
Тысячи свершенных преступлений...
Чаша гнева до краев полна!

Сделав столько зла земле родной,
Власти захотел теперь иной:
Он посмел приказывать народу:
— Голову склони передо мной!

Так в горах маньчжурских, не дремля,
Жил хитрец, мозгами шевеля;
В стороне одной — земля России,
А в другой — японская земля!

И лесов дремучих старожил
Уши для вестей насторожил:
Слух, что в ссоре с русскими японцы,
Голову разбойнику вскружил.

ЧЖАН ЦЗО-ЛИН СТАРАЕТСЯ
УГОДИТЬ ЯПОНЦАМ

Волновала, нюх его дразня,
Кровь плутов, народов двух резня.
Чтоб свои желания исполнить,
Ждет наиудобнейшего дня.

Выгоду война ему несла.
И в японцах он не видел зла.
Снарядил к японским генералам
Он для сделки своего посла.

До небес японцев возносил,
Денег и оружие просил,
Обещал тылы тревожить русских,
Драться с ними, не жалея сил.

И, хотя в душе японец рад,
Не спешил и не сулил наград,
И, сказав: «Жду твоего батыра»,—
Приказал «послу» скакать назад.

Ловко безразличье разыграл,
А потом ладони потирал.
— Послужи — потом проси награду,—
Так решил японский генерал.

Самурай и важен, и спесив,
Чжан Цзо-лина в гости пригласив,
Рассуждал: вблизи гуся рассмотрим,
Может, только перьями красив.

Вот явился Чжон Цзо-лин и вмиг
В сердце самурайское проник.
Перед ним раскрыл японец карты,
Быстро общий с ним нашел язык.

Словно друга, хлопнув по плечу,
Орден преподносит палачу,
Что прикинулся овцой: «Безвинно
Я терплю обиды и молчу!»

С глумошью японцев сей «батыр»
Рад скрутить Китай и целый мир.
Дел: того, кто так мечтал о власти,
Ты, война,— божественный кумир!

Возвратился он в гнездо свое,
Там его встречало воронье.
Обратился к стае черный ворон:
— Вот теперь у нас пойдет житье!

С гордостью о сделке известил
И в полет стервятников пустил.
Нападали на обозы русских,
Часто беспокоили их тыл.

Налетев предательски, орда
На людей в час мирного труда,
Грабила российские селенья,
Рушила столбы и провода.

Нож в крови и удалая стать —
Такова у Чжан Цзо-лина рать,
Что готова услужить микадо,
Беспощадно русских убивать.

Чжан взывает: «Время не теряй!
Больше слез и крови проливай!
Головы руби, чтоб похвалиться,
Чтобы дал награду самурай!»

Чжану больше славы дорога
Зависть в сердце друга и врага.
Женщины пугали в час вечерний
Им своих детей у очага.

ХУН

Горд, молвой и славой вознесен,
Грудь выпячивает колесом...
Был Хуан таким же знаменитым,
Чжан Цзо-лину равен был во всем.

Как пиявка, кровь людскую пил,
С ним в лесах разбойничьих царил.
Говорили — отнимает душу
Он, как ангел смерти — Азраил.

Он упрям, высок, широкоплеч,
Слово дав, умел его беречь.
Над губою ус торчит, как шило,
Взгляд открытый и прямая речь.

Хун доверчив, сердцем не лукав,
Лжив притворный Чжан Цзо-лина нрав,
Но сдружились, всем делаясь друг с другом,
Клятву кровную на верность дав.

Поклялись, что связаны судьбой,
Все мечты делили меж собой,
Если кто из них обижен — мстили,
На обидчика шли в смертный бой.

Многолюден и велик Китай!
Ну-ка, всех китайцев сосчитай.

Кто числом сравниться с ними может?
Где еще такой увидишь край?

Там душа людская широка,
Слово твердо; да и честь крепка,
Но, конечно, есть там и такие,
Слово чье не стоит пятака.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ МЕЖДУ РУССКИМИ
И ЯПОНЦАМИ ЧЖАН ЦЗО-ЛИН СТАЛ ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ

Зверствами напуганный народ
В ужасе и трепете живет.
Всех разбойник замолчать заставил,
Вкруг себя собрав злодеев сброд.

Скажем кратко: денежный мешок
У японцев взял. Он им помог,
Русских вынудив ходить с оглядкой
На скрещеньях ночных дорог.

Он доволен, счастье полонив,
Случай и удачу породив,
Вот уже японцы заключили
Мир, который выгоден для них.

Хвастают, заносчиво глядят,
Петушатся, пьянствуют, галдят,
Чжан Цзо-лин пирует вместе с ними,
Как единомышленник и брат.

И как соучастник их побед,
Он — «батыр», цены какому нет,
Потому японцы обещают
Охранять его от всяких бед.

... И в обратный он собрал поход
Всех своих «сподвижников», весь сброд,
Грабил по пути домой маньчжуров
И теперь поглаживал живот.

Но клейма не смоеет удалец,
Все же был кровавый он беглец,
Хоть враги зовут его «батыром»,
Ненависть запрятав в глубь сердец.

То, как из окраин пустыри
Делали твои «богатыри»,—
Замечать правительство не смело,
Чжан Цзо-лин, судьбу благодари!..

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЖАН ЦЗО-ЛИНА

Начали давно рассказ о нем.
 Помолчим. Немного отдохнем...
 Внешний вид каков у Чжан Цзо-лина?—
 Спросят нас. Опять рассказ начнем...

Не из привлекательных особ.
 Узкие глаза, покатый лоб.
 Редкая борода. А походка?
 Он змеей скользит по склонам троп.

Все, как нитка: от бровей до губ.
 Кровь пьет чашей. В этом он не скуп.
 Смотрит, не смеясь и не моргая,
 Он — с удавом схожий душегуб.

Не болтлив, не тратит даром слов,
 В спор не лезет, сдержан и суров.
 Прячет когти до поры, как кошка,
 Мягким, осторожным быть готов.

Не разводит в деле канитель,
 В сон его не клонит лени хмель.
 Грязными не брезгует делами
 И не медлит — если видит цель.

Чтоб казаться сдержанней, умней,
 Он бывает сумрачной тенью.
 Но покажет нрав свой, если надо.
 Чья душа темней и холодней?

Жизнь других — такому ерунда,
 Не найдешь в нем чести и стыда,
 Ради выгоды — бесчеловечно
 Мать продаст и скажет: «Не беда!»

Здесь картина полная дана,
 В душу заглянули мы до дна,
 Даже и друзья его признают:
 — Что ж, характеристика верна!

ЧЖАН ЦЗО-ЛИН СТАРАЕТСЯ УГОДИТЬ
 КИТАЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

А правительству какой в нем прок?..
 Чжан Цзо-лин спокойно жить не мог.
 Он послал письмо, просясь на службу,
 Не стыдясь былых своих дорог.

Он хотел «добра» друзьям своим,
 Развернуть пошире крылья им,
 Но чтоб было все по указанию,
 Вот тогда б он стал неуязвим.

Кончилась эпоха беспокойств:
Он — на службе! Он — начальник войск!
И пирует он, достигнув цели,
У судьбы не мало странных свойств!..

С гор, где славу зверя приобрел,
Где чинил годами произвол,
Он спустился во главе отрядов
И в Мукден торжественно вошел.

КВАРТИРА ЧЖАН ЦЗО-ЛИНА

Лишь в дворцах покой так щедрый:
И гостеприимство, и дары
Наш «батыр» усердно расточает,
Стелет гостю под ноги ковры.

Широко в свой дом открыл он дверь,
Будто гостю говоря:— Поверь,
Есть во мне и мужество, и скромность,
Я хотя и воин, но не зверь.

Видят те, что у него гостят,
Как хозяин сказочно богат,
Как он дом украсил и обставил,
И расставил у дверей солдат.

Рядом с кубком — сабля и копье,
Редкое старинное литье,
Статуэтки, вазы, шелк и бархат,
Тонкое, искусное шитье.

Горы иноземного добра,
Шкуры и медведя, и бобра,
И лисиц, и тигров. Блеск оружия,
Звон фарфора, вспышки серебра.

КИТАЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАЧАЛО СТАВИТЬ КАПКАНЫ ДВУМ «БОГАТЫРЯМ»

Знаем мы: один из двух вояк —
Хун, «батыра» друг,— лихой вожак,
Тоже храброе имеет войско,
Другу не уступит ни на шаг.

У него в войсках любой джигит,
Снаряжен, воинственен на вид.
Хун его вооружил для боя —
Если надо, птицей полетит!

Хун богатства тратил, не скупясь,
Так же кровь народа пил он всласть.
Страх объял правительство Китая:
Как бы сила двух не поднялась!

Что, когда друзья полны надежд,
Перейдут дозволенный рубеж?..
Пусть же кто-то из двоих погибнет,
И тогда не страшен им мятеж.

Честолюбие — чуткая из струн,
Чжан Цзо-лин поддастся иль Хун?
Пусть один батыр убьет другого,
Кто решится, тот из них — дудзун!..¹

...Да, правительство не без причин
Предлагало столь высокий чин,
То маня одну, а то другую
Из таких заметных «величин»!

ХУН ПРЕНЕБРЕГ ЧИНАМИ

Кто влюблен в чины, а кто везде
Об обильной думает еде,
Кто лишь дружбе рад, как талисману,
Что не сможет изменить в беде.

Жадный до чинов — на все горазд,
И не тверд любитель редких яств,
А другого хоть засыпь деньгами —
Друга не предаст и не продаст.

А иной готов стараться так
За чины — услужливей собак!
Прост рецепт: «Рычи на подчиненных,
А войдет начальник — смирно ляг».

Тип дельца, что жаден до чинов,
Есть в любом народе — он не нов,
Даже мать, что жизнь дала, вскормила,
Предается у таких сынов.

Хуну клятва кровная — закон.
И обман не будет сотворен:
— Друга не предаю я, если даже
Золотой пообещают трон.

ДВА ДРУГА

Хун угрюм. Тоска пробралась в грудь.
Спешно отправляется он в путь.
На коне он мчится к Чжан Цзо-лину,
Чтоб сказать: «Друг, осторожным будь!»

Быстро достигает он дворца,
Видит в зале друга-храбреца,

¹ Д у д з у н — генерал-губернатор.

Что сидит на шелковых подушках
В гордой позе важного лица.

Быстро встал навстречу. Гостю рад:
— Я к тебе хотел уж ехать, брат!
Спутников твоих так угощу я,
Что очаг мой возблагодарят!...

Хорошо, что ты приехал, друг,
Разделить по-братски мой досуг,
Сядь же рядом, мой герой! Мой рыцарь! —
Паутину лести плел паук.

Там веселью не было границ.
Вспоминали уйму дел и лиц,
Но вошел слуга, прервав беседу:
«Ужин подан! — и склонился ниц.

Хвастали, что слава им дана,
И не будет отнята она,
Сели кушать, говоря: «Бессмертны
Рыцарские наши имена!»

Всюду — слуги. Низок их поклон.
На носках плывут, легки, как сон.
Слуги, как охотничьи собаки,
Лезут к ним в глаза со всех сторон.

Неподвижны палачи в дверях,
Знак подай — и сразу сабли взмах,
Голову — не волосы отрежут,
Не за совесть служат, а за страх.

Два стервятника — два главаря
Поклялись, как два государя,
Мстить врагам, не зная сожаленья,
Суд над непослушными творя.

ЧЖАН ЦЗО-ЛИН ДАРИТ СВОЕМУ ДРУГУ
СЕРЕБРЯНЫЙ МЕЧ

На столе бутылки. В них вино,
И шарап в бутылках заодно,
Чжан Цзо-лин показывает другу
Сабли и клинки. Их здесь полно.

Вот одна в серебряной ножне
Манит, вся сверкает, как в огне.
«Другу в память» — надпись золотится...
Чжану дар достался на войне.

«Безупречна сталь. Она к лицу
Вот такому лишь, как ты, бойцу.

Ты носи и ею выделяйся,
Как и подобает удальцу...»

Так промолвил Чжан, вручая дар,
Хуну щеки заливают жар,
Он вскочил, он счастлив, как ребенок,
В голове восторженный угар.

ЧЖАН ЦЗО-ЛИН ХОЧЕТ ПРЕПОДНЕСТИ ДРУГУ
ЕЩЕ ПОДАРОК

Дел и тайн своих коснулись всех,
Одобрив каждый свой успех,
И оправой дружеской беседы
Вспыхивал, переливался смех.

Сделалось за окнами темней,
Хун готовить приказал коней.
Выбирал батыр, подобно тигру,
Для дороги — время попоздней.

Как часы дневные не тяни,
Сумерки сокроют день в тени,
Но народ спешит, шумит, как прежде,
Хоть зажглись на улице огни.

Тайно Чжан послал своих людей
Оседлать двух серых лошадей,
Чтобы конюх их водил по кругу:
«Хун, смотри! А хочешь — так владей!»

Хуну Чжан шепнул к исходу дня:
— Заведен обычай у меня —
Одарять друзей. В моей конюшне
Ты любого выбирай коня!

Город тих, как был и до сих пор...
Звездный накрывал его шатер...
В освещенье фонарей выходят
Два батыра на широкий двор.

Есть у Чжана меткие стрелки,
Как ему, коварство им с руки,
Сзади, словно гончие собаки,
Двигутся, послушны и легки.

Хун глядит: картина — каждый конь,
На таких умчишься от погонь:
Вот хоть этот белый, пятилетний, —
Нетерпенье, быстрота — огонь!

МОЛОДОЙ КОНЬ.

Выхоленный, белый конь пуглив,
Статен и осанкой горделив,
Чистокровный, гладкий, словно лебедь.
Чжан доволен, Хуна удивив.

— Что за конь! Подарок — не пустяк.
Крепкие суставы и костяк.
Мускулами ног, высокой холкой,
Резвостью в движениях — сайгак!

Круп широкий и спина бела,
Уши поднял, пенит удила,
Четок строй зубов его передних.
Весь подобран. В беге как стрела.

Душу гостя белый конь потряс,
Сядешь, свистнешь — скроешься из глаз.
На тулпаре¹ вмиг обгонишь ветры,
Позади пыль рванется в пляс.

ПРОДЕЛКИ ХИТРЕЦА

Чжан Цзо-лин, ты другу угодил!
По двору коня он поводил
И сказал:— Тулпара холить буду,
Доброту во мне он разбудил.

Слушают дружинники, молчат,
Чжан коварству обучил солдат.
Хоть не сводят глаз они с батыров,
Но спокоен, равнодушен взгляд.

— Ах, тулпар!.. Беспомощны слова...
Кружится от счастья голова...—
Резкий выстрел вдруг раздался близко,
Скошен Хун, свалился, как трава.

В спину был сверхметкий выстрел дан.
Сразу смерть. Без всяких легких ран.
Выстрелил один подручный Чжана,
Револьвер упрятавший в карман.

Вот стервятники собрались вокруг
Поглядеть на дело грязных рук.
Чжан-хитрец выхватывает саблю,
Взмах — и обезглавлен верный друг.

Приказал, дружинников созвав,
В путь готовится, оружие взяв,

¹ Тулпар — крылатый конь.

Вытер кровь с меча о шапку друга,
Быстро с головы ее сорвав.

Голову его он поднял вверх —
Смертной темнотою взгляд померк;
Чжан доволен, будто в равной схватке
Недруга заклятого поверг.

Город тонет в сутолоке дней...
Этот вечер был иных шумней...
Вот слуга Ли Тзян подвел храпящих
Серых двух оседланных коней.

Чжан доволен (трудно то постичь),
Как охотник, что свежует дичь.
Друга голову повез он в торбе,
Жаждет цели он своей достичь.

С ним отборная джигитов рать,
Чтобы ценный груз сопровождать.
В торбе — дар правительству Китая,
— Суюнши!¹ — пришла пора сказать.

Голову вручая как сюрприз,
И свою готов склонить он вниз
И сказать: — Сдержал я обещанье,
Заслужил обещанный я приз.

«Чин» за «голову» обещан мне,
Можно мне договорить вполне;
Глубоко ее зарюю в землю,
Чин дадите — послужу стране...

...И коней торопят, мчат вперед,
Всадников сторонится народ,
На луке седла стервятник подлый
Голову убитого везет.

Будто бы от джинов он бежит,
Раздается цоканье копыт.
Скачет с гордым видом, будто делом
Государству послужил бандит.

УЛИЦЫ МУКДЕНА

Вечер. День уж снялся с якорей,
Но, как днем, светло от фонарей,
А народ, по мостовой гуляя,
Как всегда спешит — скорей, скорей.

Пешим толпам — конники взамен...
Сколько разных лиц, событий, сцен!

¹ Обращение при сообщении радостной вести, равнозначное слову «Поздравляю!»

Толкотня и спешка, шумный говор,
...Только ранним утром тих Мукден.

...Кони в пене, блещет потом грудь.
Берегись, чтоб шею не свернуть!
И народ, шарахаясь пугливо,
Хищной своре уступает путь.

Смотрят все на всадников лихих,
За героев принимая их.
Как бы украшением для улиц
Служит кавалькада верховых.

Как обманчива порою статья,
Ведь спешат «герои», чтоб продать
Голову отрубленную друга...
Но откуда это людям знать?..

ЧЖАН ЦЗО-ЛИН СТАНОВИТСЯ ДУДЗУНОМ

Будто скачут вслед враги,— во двор
Быстро въехал Чжан — бандит и вор,
У дворца правительства Китая
Струсил, поубавил свой задор.

Высшее начальство здесь живет,
Главный здесь правитель. Вот и вход.
Черною змеею извиваясь,
Чжан «подарок» на ковер кладет.

«Господин! Я вас спасал от гроз,
Голову врага я вам принес.
О былых моих делах забудьте,
Буду вам служить! — он произнес.—

Кто опасен для Китая был —
Уничтожен. Я его убил.
Мне обещан вами чин дудзуна,
Я его по совести добыл.

Лагерь мой забвеньем взят в полон,
Даже лучший друг мой истреблен.
Неужель столь честною работой
Господин не будет изумлен?..

Верю, что теперь понравлюсь вам,
К вашим я безжалостен врагам,
И клянусь, коль стану я дудзуном,
Затрещат их головы по швам.

Много у правительства врагов,
Каждый скрытно действовать готов,
Вот моя вам верность: мне известны
Все следы таинственных шагов.

Время смутно; все в руках судьбы,
Вам нужны лишь верные рабы.
Я сумею — было бы правило!¹
Выпрямить у недругов горбы.

Я бы усмирил врагов. Дрожи,
Тзан Ци-гуй и ты, Шон Ши Мен-жи!..
Неспокойно все в краю маньчжуров —
Города, селенья, рубежи»...

Поклонился, принял скромный вид,
Как змея, во все глаза глядит.
Пред правителем охаяв многих,
До небес себя вознес, бандит.

Да, дела у Чжана хороши —
Рад правитель главный от души:
— Ты — батыр!.. И вот ему, как другу,
Пуговицу на груди пришил:

«Кто еще, как я, твой ум поймет?
Ты убил того, с кем кушал мед,
Для меня его ты уничтожил,
Кто ж тебя на службу не возьмет?..

Хун тебе был верный, близкий друг,
Ты казнил его, забыв испуг.
Правильны дела твои и речи,
Как же не ценить твоих заслуг?..»

Так преступник умницей прослыл,
Так оценен был мерзавца пыл.
И в итоге: Чжан Цзо-лин — убийца
Важный пост дудзуна получил.

Возвращается домой палач.
Он ценой убийств достиг удач,
Ухмыляется его дружина,
Весело домой несется вскачь.

Друга кровь на сабле запеклась,
Друга злобно предал, не стыдясь,
«Даже волк не обижает волка» —
Ту пословицу втоптал он в грязь.

Горд хитрец, сумел всех обмануть,
Для карьеры выбрал «легкий путь».
Друга голову продав, стервятник,
Все ж дудзуном стал — не кем-нибудь!..

...А теперь вся власть дана ему,
Перебив врагов по одному,

¹ П р а в и л о — станок для выпрямления палок юрты.

Сделался властителем Китая,
Стал известен миру он всему.

Больше, чем собак, в Китае генералов,
И число их никогда не убывало,
Пусть увидит трудовой народ:
Чжан Цзо-лина точно описал я.

О ЗЛОДЕЯХ.

Власти над страной едва достиг,
Сразу к славословию привык.
Стал льстецами всюду восхваляться:
Мол, отважен, мол, умом велик!

Барсукам ли власть его пресечь?..
Льстива кровососов этих речь:
Всей планеты империалисты
Рады поддержать его, сбересть.

Хитрецу сочувствуют в игре
Чемберлен, Ллойд-Джорж, Пуанкаре,
До небес злодея превозносят,
Чтобы помнил он об их добре.

На земле дельцов не перечесть,
Продающих душу, совесть, честь,
Ради шкуры собственной готовы
В жертву жизнь товарищей принесть.

Я хочу, чтоб люди с этих пор
Вынесли злодеям приговор.
Чтобы сажей мазали им лица,
Выставив на вечный их позор.

Лучше ты умрешь, читатель мой,
Лучше с нищей ты пойдешь сумой,
Чем продашь того, с кем мед ты кушал...
Что дороже совести самой?

1927

124. КОКЧЕТАУ СЕГОДНЯ

(Отрывок)

НЫНЕ В КОКЧЕТАУ

Свой рассказ о седой старине этих гор
Я закончил давно, и воды с этих пор
Утекло в направленье известном немало.
Срок пришел о другом начинать разговор.

Кокчетау владели казахи одни.
Этот ласковый край в те далекие дни
Ни с одним из народов делить не хотели
И теснили соседей в то время они.

Царь насильно казахов себе подчинил
(У казахов противиться не было сил).
Раздавая чины, ордена и медали,
Родовую казахскую знать он купил.

Полудикий, отсталый казахский народ
Угодил под двойной и неслыханный гнет.
Баи, бии, чиновники и жандармы
Из него выжимали кровавый пот.

Загрустил тут о вольности прежней казах,
Вспомнил он о прошедших давно временах:
В Кокчетау не знали тогда землемеров,
Где хотел кочевал беззаботный казах.

Но Великий Октябрь опрокинул царя,
Над страной зажглась новой жизни заря,
Равноправными с русскими стали казахи,
Пролилась кровь борцов за свободу не зря.

И казахи, и русские — братья теперь,
Вместе делают общее дело теперь.
О годах деспотизма царей и ханов
Вспоминают они с возмущеньем теперь.

Занялся в Казахстане рабочий класс
Просвещением темных трудящихся масс.
Проникает культура в глухие аулы,
К свету знания тянутся люди сейчас.

ЕЩЕ ОДНО ПОЖЕЛАНИЕ

Жизнь казахов теперь по-другому идет,
 Отобравши у баев и землю, и скот,
 Стала полным хозяином беднота,
 Горлопанам-баям закрыли рот.

Золотые деньки для баев прошли,
 Не лежит перед ними никто в пыли,
 Умоляя простить трехрублевый долг.
 Эти черные дни навсегда прошли.

Баи, прихвостни баев и их сынки
 Возвратить бы не прочь золотые деньки.
 С этой целью они всюду пакостят нам,
 Как здоровым посевам в степи — сорняки.

Если нынче притупится бдительность масс,
 Сорняки все посева заглушат у нас.
 Должен с корнем полоть эту нечисть теперь
 В нашем крае казахский рабочий класс.

И еще пожеланье: пусть встанет стеной
 Наш актив за казахский народ трудовой,
 Чтобы нас не корили за спесь и корысть,
 Чтобы народ не смеялся у нас за спиной.

КУРОРТ БОРОВОЕ

Вырос город на озере Бурабай,
 Знаменитый не только на весь этот край,—
 Был знаменитым на всю Россию
 Курорт на озере Бурабай.

Основали когда-то его богачи.
 — Здесь воздух волшебный,— сказали врачи.
 Из сосны двухэтажных домов настроив,
 «Боровое» назвали курорт богачи.

Проводя в безделье и роскоши дни,
 В Боровом жирели, как свиньи, они.
 Лишь для них сияла краса Бурабая,
 И природой они наслаждались одни.

Знаменитый курорт Боровое теперь
 Широко распахнул для трудящихся дверь.
 Там, где раньше растили живот Карын-бай¹,
 Отдыхают рабочие люди теперь.

Здесь украинец, русский, казах и киргиз
 Загорают и пьют чудотворный кумыс.

¹ Карын-бай — дословно: богач-скряга.

Под надзором врачей поправляют здоровье,
Для того в Боровое они собрались.

Как же здесь тебе не набраться сил,
Если плотно за завтраком ты закусил,
Искупался, потом полежал на пляже
И кумыс с утра до вечера пил.

Ароматный кумыс — самый первый врач.
Если ты тяжело заболел — не плачь!
Пей бутылками солнечный этот напиток —
И болезнь от тебя унесется вскачь.

Если хочешь ветром ты подышать,
Можешь с парусом лодку на озере взять.
Видишь, яхты летят, как белые птицы,
Бороздя Бурабая светлую гладь.

В Боровом вечерами не властна тьма,
Электрическим светом сияют дома,
А над озером блещут из ламп гирлянды,
Пред которыми ночь отступает сама.

Раньше здесь разносился шакалий вой,
Да сова подавала здесь голос свой,
А теперь полюбуйся: в центре курорта
Каждый вечер играет оркестр духовой.

ПИОНЕРЫ

Низвергаясь с высоких каменных круч,
К Бурабаю стремится холодный ключ,
Там, где в светлое озеро ключ впадает,
Он, как горная речка, могуч.

Меж ключом и пещерою Кенесары,
На широком плацу у подножья горы
Пионерского лагеря встали палатки,
И горят вечерами большие костры.

Пионерский лагерь раскинулся там,
Пионеры все лето проводят там,
Закаляя себя работой и спортом,
Привыкают к жизни походной там.

Рано утром — побудка. Ребята встают
И берутся за свой ежедневный труд.
Носят воду одни, рубят хворост другие,
Третьи в лес за грибами к обеду идут.

Их на сбор созывает горнист трубой,
Перед сном на трубе играют отбой.
Словно войско, хранящее Кокчетау,
Пионерский лагерь стоит под горой.

У костра собирается к ночи отряд,
Вслух читают здесь книги и говорят
Про любимых певцов, силачей и героев,
Походить на Адака ребята хотят.

Стать такими хотят, как Шолак и Мукан,
Чтобы силой своей прославлять Казахстан.
А другие, желая воспеть Кокчетау,
Стать певцами хотят, как Ибрай и Биржан.

Стать борцами за лучшую жизнь хотят,
Глубоко овладеть ленинизмом хотят,
Подготовившись тщательно к будущим битвам,
Отплатить угнетателям щедро хотят.

Пионеры — достойная смена для нас,
Пусть играют в футбол детишки сейчас.
Будет день — они комсомольцами станут,
В них опору найдет наш рабочий класс.

ПОЕЗД

Вот, гудя и свистя, поезд мчится вперед,
Белый пар, черный дым над степями ползет.
Вот он только что был у песков Семиречья,
А теперь между гор Кокчетау идет.

Запыхавшись, он дальше и дальше спешит,
Глушь степную тревожным гудком ворошит.
Это ржет «вороной жеребец» в Казахстане,
Бодрый голос его все сильнее звучит.

Нетерпенье в гудке явно слышно сейчас,
Будто хочет спросить он сердито у нас:
Скоро ль жизнь перестроите вы по-другому?
Что творите? Чем заняты важным сейчас?

Поезд наш не собьется и ночью с пути,
Будет прямо по рельсам железным идти,
Негасимыми фарами путь освещая,
Будет к цели упрямо и точно идти.

Эшелон протянулся, как красная нить,
Чтоб народы с народами соединить,
Этот красный состав во главе с паровозом
Может символом власти Советской служить.

Тащит наш паровоз многотонный состав,
Богатырски пыхтит он, в пути не устав,
Рассыпает по ветру горячие искры,
Захолустную спячку и лень освистав.

Паровозу подобен рабочий класс:
Тянет он за собой миллионы масс,

Груз огромных задач на себе он выносит,
Неуклонно ведет к коммунизму нас.

Поезд наш добежал до Сары-Арки,
До высоких гор, до широкой реки,
До целинных степей добежал наш поезд,
Паровозные всюду слышны гудки.

Сколько дней груженный пройдет верблюд?
Сколько дней сюда лошади с грузом идут?
Сколько ждать придется в аулах людям,
Когда будут товары из города тут?

Много ль нужных товаров верблюд свезет?
Много ль возчик на лошадь себе возьмет?
Разве хватит в степи тех товаров людям,
Если каждый товары из города ждет?

Поезд — дело другое. Из города он
Забирает товары десятками тонн
И везет в Семиречье, везет в Кокчетау,
До Сары-Арки их довозит он.

Пусть же больше идет в Казахстан поездов,
Пусть везут они нам токарей, мастеров,
Инженеров, ученых, врачей и артистов,
Пусть везут больше тканей, машин, тракторов!

АВТОБУС, АВТОМОБИЛЬ.

Бегут по степи, поднимая пыль,
Большой автобус и автомобиль,
Грузы возят, возят людей,
Покрывая десятки и сотни миль.

Они имеют хороший ход,
Рулем даешь им любой поворот,
Никто не зовет их шайтан-арбою,
Автомобилем каждый зовет.

Проникла машина в глубь степей,
Не преграда реки и горы ей,
Перевалила за Кокчетау
И побежала еще быстрее.

Неутомима в движенье она,
Обгонит любого она скакуна,
Если прибавишь немного газу —
Так машина эта сильна.

Может она где захочет стать,
Если захочешь — пойдет опять.
Малую, среднюю и большую
Скорость ты можешь ей придать.

Вихрю подобен машины бег,
Отстал от нее бы и Кер-Кожек,
Если бы стал состязаться с нею,
Славу свою потеряв навек.

В этом нет никаких чудес,
Техники в этом виден прогресс.
Только при нашей Советской власти
Мы дошли до таких чудес.

В КАЗГОРОДКЕ

Посмотри, шумит Казгородок,
У подножья горы Кокчетау он лег,
Развивается весело красное знамя
На площадке среди кирпичей и досок.

Городок стоит в окруженье гор,
Рядом с ним блестит серебро озер,
От него недалеко могила Биржана,
А за нею тенистый сосновый бор.

Городок пока еще невелик,
Он недавно на этом месте возник,
Но уже звенят топоры и пилы,
Где вчера еще филина слышался крик.

Скоро будет здесь культуры очаг,
Видишь, сделан к этому первый шаг,
Нашу школу, больницу, радиоузел
В городке уже знает каждый казах.

Видишь, жизнь трудовая бьет ключом,
Не уйдет отсюда никто нипочем.
Инженер и рабочий, механик и плотник —
Каждый трудится здесь на месте своем.

В городке, кто желает трудиться,— тот
Для себя всегда работу найдет:
На железной дороге грузчиком будет,
Письмоношцем на почту служить пойдет.

Молодежь городка — вся в лагерях,—
Видишь, легких палаток белеет ряд.
Пулемет и винтовку там изучают,—
Слышишь, выстрелы как гремят?

КООПЕРАТИВ

Сгрудились подводы у кооператива,
Лошади хвостами шевелят лениво,
Чай, иголки, мыло, нитки, керосин —
Все, кому что надо, покупают живо.

И свои продукты здесь сдаются тоже:
 На полу тюками шерсть лежит и кожа,
 Завалили лавку так своим сырьем,
 Что заготовитель все принять не может.

Хлеб сдают и шерсть, конину и свинину,
 Кто привез пшеницу, кто пригнал скотину,
 Кто набил, охотясь, зайцев и лисиц
 И теперь приехал, чтобы сдать пушнину.

Каждый свой товар на весах отвесил,
 Деньги получив, стал богат и весел,
 Бязь купил и ситец, байку и сатин,
 Все, связав тюками, на коня повесил.

Кооператив — это промтовары,
 Он заменит нам рынки и базары.
 К новой, светлой жизни это лучший путь,
 Чтоб уйти от жизни нищей, темной, старой.

Пусть людей не грабят больше паразиты,
 Для рвачей отныне двери все закрыты,
 Пусть не голодает нынче беднота,
 Пусть во всех аулах люди будут сыты.

РАДИО

Вот ты услышал радио. Что ты скажешь о нем?
 Голос из неизвестности в твой проникает дом.
 Звуки, что были изданы на разных концах земли,
 Без телеграфной проволоки к твоему очагу пришли.

Раньше бы не поверили этому никогда,
 Каждый сказал бы: выдумка, рассказы, ерунда!..
 Теперь же власть Советская двинула технику так,
 Что проникает радио не только в одни города.

В дальнем ауле слушают голос из Кзыл-Орды,
 Мудрые аксакалы и те разевают рты,
 Слушают, удивляясь, женщины и юнцы,
 Тесной толпой стоят у рупора до темноты.

Если бы вдруг по радио стал говорить ишан,
 Начал бы проповедовать верующим коран,
 Был бы народ, как чудом, речью той поражен,
 Каждый бы думал, слушая: «С неба свалился он»...

Но далеки от радио ныне ишан и мулла,
 Радио власть Советская трудящимся отдала,
 Несутся слова из рупора: «Религия — дурман!
 Религии и невежества развеется скоро мгла».

Внимательно люди слушают. Стоит тишина вокруг.
 Внимательно люди слушают, боясь пропустить хоть звук.

Радио к ним обращается, с каждым из них говорит,
Внимательно люди слушают о том, кто им враг, кто д

Речь прекратилась в рупоре, но люди стоят и ждут,—
Может, еще что нужное по радио передадут?
Вечер сгущает сумерки, в небе зажглась звезда,
С гор потянуло холодом, но люди стоят и ждут.

Вдруг в безмолвии вечера возникла из темноты
Всем хорошо знакомая мелодия «Уш-тоты».
А чей это голос? Слышите? Кто же это поет?
Но невозможно в рупоре увидеть певца черты.

Голос такой знакомый, а слышит его весь мир!
И сразу толпа вздохнула: «Это же наш Сабир?»
Женщины улыбаются, щелкают языком.
Все повторяют радостно: «Диво! Поет Сабир!»

АЭРОПЛАН

Это чудо придумал двадцатый век:
На стальном Самуруке¹ летит человек.
Человек управляет стальным Самуруком!
Не к нечистой ли силе он нынче прибег?

Нет, нечистая сила тут ни при чем,
Самолет оказался хорошим врачом,
Он излечит народ от всех суеверий,
Не оставив темных сомнений ни в чем.

Где же демоны, ведьмы и джины теперь?
Самолет говорит своим гулом: — не верь
Этим выдумкам мулл,— нету силы нечистой!
В небеса нынче настужь распахнута дверь.

И огромный стальной Самурук-самолет
Продолжает все выше свой дерзкий полет.
Он исследует сферы заоблачных высей,
Тайны неба бесстрашно он узнает.

Он — крылатый разведчик вселенной. За ним
Мы еще дерзновеннее ввысь полетим,
В мир комет и планет, к ослепительным звездам
Нашу смелую мысль мы теперь устремим.

Недалеко тот день долгожданный, когда
Нам доступною станет любая звезда,
И земной человек не Земли властелином,
А хозяином космоса станет тогда.

¹ Самурук — двуглавый орел колоссальной силы, сказочная птица.

В межпланетную вечно манящую высь
И теперь устремляется смелая мысль,
День придет — взовьются наши потомки
На стальных Самуруках в заветную высь.

И, вспугнув межпланетную тишину,
Прилетят наши правнуки на луну,
Средь далеких планет мирового пространства
Посетят они в будущем не одну.

Будет время — прикажет земле человек
Задержать иль ускорить стремительный бег,
Южный полюс иль Северный солнцу подставить —
Будет время — прикажет земле человек.

1928

С поэзией Сакена Сейфуллина всесоюзный читатель начал знакомиться еще в середине 30-х годов. В то время были опубликованы на русском языке поэмы «Советстан» (пер. В. Бугаевского и А. Тарковского), «Кзыл-ат» (пер. С. Талжанова), «Кокчетау» (пер. Н. Феоктистова), а также стихотворения «Маузер», «В музее Ленина» (пер. К. Алтайского), «Два письма» (пер. Н. Феоктистова), «Ленин» (пер. В. Виноградова), «Весенняя песня» (пер. М. Тарловского) и др.

Следующий период перевода и распространения произведений С. Сейфуллина начинается лишь в конце 1950-х годов. В 1958 г. в связи с Декадой казахской литературы и искусства в Москве было выпущено два сборника его поэтических произведений: «Стихотворения и поэмы», под редакцией И. Сельвинского, М., 1958; «Избранные стихи и поэмы». Ответственный редактор М. Львов, Алма-Ата, 1958.

Настоящее издание — четвертая книга поэта, выходящая в переводе на русский язык. Она составлена на основе предыдущих сборников стихотворений и поэм Сейфуллина, изданных на русском языке. Впервые на русском языке публикуется здесь полный текст поэмы «Кзыл-ат» в переводе Евг. Винокурова и целый ряд стихотворений Сейфуллина, переведенных для настоящего издания Вс. Азаровым, С. Ботвинником, П. Карпом, М. Синельниковым, Н. Яварской и др. Заново выполнен А. Сендыком перевод поэмы «Альбатрос» (в предшествующее издание она была включена в переплете Ю. Коренева).

Рукописи Сейфуллина не сохранились, поэтому казахские издания его произведений основываются на книгах поэта, выпущенных при его жизни. Наиболее полное собрание сочинений С. Сейфуллина (в 6 томах) осуществлено в 1960—1964 гг. Русский перевод произведений поэта сделан по текстам этого издания.

Начиная со сборника «Асау тулпар» («Неукротимый конь», Оренбург, 1922), С. Сейфуллин у большей части произведений помечал год, а у некоторых — даже день и месяц написания. Эта авторская датировка сохраняется и в настоящем издании. Затруднения вызывает лишь датировка стихотворений, вошедших в первый сборник Сейфуллина «Өткен күндер» («Минувшие дни», Казань, 1914), куда были включены ранние стихотворения поэта, созданные им в 1910—1914 гг. Поэтому некоторые дореволюционные стихи, включенные в настоящее издание, имеют приблизительную датировку.

В книгу вошли стихотворения Сейфуллина из сборников «Өткен күндер» (1914), «Асау тулпар», «Домбра» (1924), «Экспресс» (1926), «Турмыс толкынында» («На волнах жизни», 1928), «Социалистан» (1935) и отдельные стихотворения, не включавшиеся в сборники и опубликованные в периодической печати, а также в посмертном собрании сочинений Сейфуллина в 6 томах. Поэмы Сейфуллина входили в книги: «Экспресс» (1926), «Турмыс толкынында» («На волнах жизни», 1928), «Кокчетау» (1929), «Альбатрос» (1933), «Кзыл-ат» (1934). Поэмы «Разлученные лебеди», «Песня о лашине» при жизни поэта опубликованы лишь в периодической печати — в журнале «Жана мектеп» («Новая школа», 1925, № 2; 1926, № 11—12).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Одно из самых ранних стихотворений Сейфуллина. Нура — река на родине Сейфуллина.

4. Одно из первых стихотворений Сейфуллина, созданных как подражание любовной лирике Абая. Так же как №№ 6, 7, 8, 13, 18 написано в студенческие годы.

18. Нигмет Нурмаков (1896—1938) — друг Сейфуллина, студент Омской учительской семинарии, впоследствии — видный общественный и государственный деятель Казахстана.

19. Одно из первых стихотворений поэта, направленных против национализма. Высмеивается хвастливое пустословие молодого поэта-националиста Магжана Жумабаева, студента Омской учительской семинарии. Жакан — Миржакип Дулатов — поэт-националист, один из видных деятелей националистической партии. Акан — Ахмет Байтурсынов — один из лидеров партии Алаш-Орда. Жусуп — Жусупбек Аймауытов — писатель-националист, один из видных деятелей Алаш-Орды. Абай Кунанбаев (1845—1904) — казахский поэт-просветитель. Тукай Габдулла (1886—1913) — татарский поэт-демократ, произведения которого очень популярны среди казахов.

20. Направлено против М. Жумабаева (см. примеч. 19, 118).

26. Написано в июле 1916 г. в родном ауле Сейфуллина.

27. Написано в ауле Сары-Арка.

28. Стихотворение посвящено Февральской революции 1917 г. и свержению царя.

29. Написано в марте 1917 г. в ауле Сары-Арка. По старому казахскому календарю началом года считался март, когда уходила зимняя стужа, стада приносили приплод, больше становилось молока и кумыса.

32. Написано как призыв к революционной борьбе.

40. Написано в марте 1919 г., после побега из колчаковского концлагеря в Омске.

41. Написано в апреле 1917 г. в изгнании, в Баян-Ауле (ныне находится в Павлодарской области).

42. Написано в изгнании. Тока — название рода, из которого происходил поэт. Ескене, Байбек, Жанибек — предки поэта.

43. Стихотворение положено на музыку и стало одной из широко распространенных песен Сейфуллина.

44-46. Написано на пути в Туркестан.

47. Написано в 1919 г. на последнем этапе странствования после побега из концлагеря, когда поэт пробирался через пустыню Бетпак-Дала (Голодная степь) в Туркестан.

48. Написано после бегства из колчаковского концлагеря в Омске 1919 г., когда поэт, скрываясь от врагов, бродил по павлодарским степям.

49. Одна из широко распространенных песен С. Сейфуллина. Музыка написана самим поэтом.

50, 51. Написано в изгнании.

54. В 20-е годы достижения техники, изменявшие жизнь степняков, поэты изображали, пользуясь традиционными фольклорными образами. Паровоз сравнивался со степным скакуном, жеребцом, аэроплан — с орлом, легендарной птицей Самурык и т. д.

55. Абдулла Асылбекович Асылбеков (1896—1938) — соратник поэта по революционной борьбе, командир Красной Армии. В 20-е годы — секретарь Казахского обкома партии в Оренбурге.

58. Написано в Омском аэропорту перед вылетом вместе с А. Асылбековым (см. примеч. 55.)

59. Написано в 1921 г., во время посещения рабочих Карагандинского, Нильдинского, Спасского рудников. Одно из первых в казахской литературе стихотворений, посвященных рабочим.

60. А. Досов — (1899—1938)— видный революционный и государственный деятель Казахстана. М. Саматов — общественный и государственный деятель в 1920-е годы — нарком продовольствия КазАССР.

61. Сатира на националистов. Как и № 62, направлена против М. Жумабаева (см. примеч. 19, 118).

67. Впервые напечатано в сб. «Асау тулпар» как посвящение его читателям.

70. Написано 8 февраля 1923 г. Пуанкаре Раймон (1860—1934)— французский политический деятель, президент Французской республики (1913—1920), с января 1923 г.— премьер-министр. Выразил настроения наиболее агрессивных кругов французской буржуазии. Активное участие Пуанкаре в подготовке первой мировой войны принесло ему грозвище Пуанкаре-война. В 1923 г., в связи с оккупацией Рура и в ответ на провозглашенную правительством Германии политику «пассивного сопротивления», страну охватила мощная стачечная волна. К осени в Германии назрела революционная ситуация. Но всеобщая забастовка была сорвана правыми социал-демократами, 23 сентября была прекращена политика «пассивного сопротивления». Реакция перешла в наступление. В ответ осенью 1923 г. вспыхнуло революционное восстание пролетариата, были сформированы рабочие правительства в Саксонии и Тюрингии. Но все выступления революционных масс были подавлены. В связи со всеми этими событиями и было написано стихотворение Сейфуллина, Карынбай — имя богача-скряги, ставшее в народе олицетворением скупости.

71. В стихотворении, при всем его несомненном революционном звучании и смысле, отразилась некоторая растерянность Сейфуллина. Не случайно стихотворение написано от имени мальчика, настроения которого разделяет сам поэт. Глубоко волновало Сейфуллина то, что при новой экономической политике подняли головы баи и их прихвостни — ненавистные ему представители эксплуататорских классов. В этом разоблачительном стихотворении поэт показал, как оживают перетрусившие было вчерашние «хозяева жизни», как ловко используют они новые условия для дальнейшего обогащения, как хитро пробираются в советские учреждения. Лирический герой стихов — бедняк, сын Советов, обиженный баями,— недоволен нэпом, вернувшим определенную свободу действий торговцам и богатыям.

75. Абулхаир Досов — см. примеч. 60.

78. Назипа Кулжанова — видный деятель женского движения в Советском Казахстане.

81. Написано 22 января 1924 г. в Москве. С. Сейфуллин, в то время бывший Председателем Совета Народных Комиссаров Казахской АССР, возглавил казахскую делегацию на похоронах В. И. Ленина. Впервые — в газ. «Енбекши казах» 13 февраля 1924 г.

95. В 20-е годы казахские писатели создавали циклы стихотворений и рассказов из жизни бедняка. Из таких героев особенно полюбился читателям Мыркымбай Б. Майлина. Подобные образы привлекли многих других казахских поэтов и писателей (Шокпыт у С. Муканова, Кусен у Г. Мусрепова, Ершойын у Г. Мустафина и т. д.). Созданием образа Жумата Сакен Сейфуллин внес свою лепту в изображение казахского бедняка. Стих. № 94—96 составляют цикл из жизни бедняка Жумата.

98. Мустафа Шокаев — видный представитель буржуазно-националистической партии Туркестана, активный борец против Советской власти. После установления Советской власти в Казахстане эмигрировал во Францию. В годы второй мировой войны служил фашистам.

99. Посвящено Гулбарам Батырбековой, позже ставшей женой поэта (ныне Сейфуллина). Стихотворение во всех русских изданиях напечатано под названием «Моей сестре — студентке совпартшколы». У казахов принято обращаться к девушкам мо-ложе их словами «сестра», «сестрица». Этот смысл не уловили переводчики, и в названном стихотворении добавлением слова «моей» усилен оттенок слова «сестра». На

самом деле героиня стихотворения — не сестра поэта, а девушка из аула, поступившая в совпартшколу. С этим новым шагом и поздравляет ее Сейфуллин.

100. Написано 1 января 1927 г. и посвящено Саре Есовой (р. в 1903 г.), видной революционной и общественной деятельнице Казахстана. Сара Есова встретила вместе с С. Сейфуллиным Новый год в поезде. В русских изданиях стихотворение имело ошибочный подзаголовок «Сестре Саре».

105. 12—13 мая 1926 г. в Польше был совершен вооруженный переворот, в результате которого был установлен военно-фашистский «санационный» режим. Глава режима Пилсудский готовился к нападению на Советский Союз. 7 июня 1927 г. в Варшаве был злодейски убит советский полпред П. Л. Войков. Эти обстоятельства вызвали революционный подъем польского рабочего класса, антифашистские и антивоенные выступления пролетариата. В стихотворении С. Сейфуллин выражает солидарность с польским рабочим движением.

110. Перевод стихотворения был опубликован в журн. «Литературный Казахстан», 1936, № 3. Оригинал не сохранился.

112. Последнее опубликованное произведение поэта, созданное после его поездки в Киргизию. Дайрабай — казахский народный композитор, автор кюев.

113. Одно из последних произведений Сейфуллина. Оригинал не сохранился и не был опубликован. Русский перевод осуществил и сохранил К. Алтайский («Литературная газета», 1936, 6 ноября), печатается (с небольшими исправлениями) по тексту газеты.

114. Восьмая сессия — Чрезвычайный VIII съезд Советов (25 ноября — 5 декабря 1936 г.), на котором была принята Конституция СССР.

ПОЭМЫ

117. Лебедь — часто встречающийся поэтический образ в творчестве С. Сейфуллина. Автор использует его преимущественно как символ красоты, в которую он безгранично влюблен. Выстрелить в такую красивую птицу, как лебедь, — это, значит, стрелять в красоту. Поэт, видимо, слышал много преданий и рассказов о лебедях, считающихся в казахском народе неприкосновенными птицами, и собрал большой материал о них. Об этом говорит его статья «О благородной птице лебедь», опубликованная в 1931 г. (журн. «Жана Эдебиет», № 12). Там он писал: «Прекрасный лебедь, рассекающий гладкую поверхность глубокого серебряного озера, обрамленного шелестящим, как зеленый шелк, тростником, пробуждает мечты кочевников, ласкает их взор. Лебедь гордо и отрешенно плывет над таинственной глубиной, волны которой обнимают его белоснежную пуховую грудь. Трубя звонкую песню, плещется он в алмазных брызгах, затем белые красавицы ныряют в холодную прозрачную глубину и срывают молодые листья камыша, колыхающихся подводных растений, чтобы после снова нежно курлыкать от радости жизни. Они отдыхают за плотиной, как за занавеской новобрачных, — зеленой стеной камыша и рогоза. Невинные и прекрасные, чистые птицы с серебряным мелодичным голосом украшают озеро, делают его привлекательным. Кочевник — казах, выросший и живущий в объятиях чудесной природы, превращает лебедя в символ чистоты, благородства, безупречной красоты».

118. «Советстан» — первая поэма в казахской литературе, созданная в лирико-публицистическом плане. В ней образ стремительно мчащегося экспресса был широко использован поэтом для передачи неудержимого движения советского народа к счастливому будущему. С точки зрения формы «Советстан» также относится к новым явлениям в национальной литературе. Ритм стиха Сейфуллина организуется в соответствии с ритмом несущегося поезда. Для этого поэт перестраивает одиннадцатисложный размер казахского стиха, разбивая третью строку обычного одиннадцатисложника на три строки с одной рифмой. Советстан — восьмилетний лев — фольклорный образ. В казахском народном творчестве лев является символом и воплоще-

...ем силы, мочи. В день восьмилетия Советской власти поэт Страны Советов видит ее в образе могучего восьмилетнего льва, устрашающего врагов.

119. В «Песне о лашине» отразились переживания самого поэта. В середине 20-х годов тогда еще неженатый Сакен встретился с девушкой по имени Гуль. Жила она в степском районе Каркаралинского уезда. Местный житель, позже ставший известным казахским артистом — домбристом, Абикен Хасенов (см. в поэме: «Абеке! Вас душвенно прошу...») помогает Сакену познакомиться с Гуль. Девушка тоже полюбила поэта. Но молодые влюбленные не смогли осуществить свои мечты и соединиться. Отец девушки не желает отдать дочь без калыма. По его повелению богатые заправили степи, заплатившие за Гуль большой калым, приезжают толпой и с помощью местных баев силой увозят ее от любимого. Ожесточенный неудачей, Сакен пишет эту поэму, передавая историю как приснившийся ему сон.

120. Поэма написана в 1925—1928 гг. Отрывки из нее были опубликованы в 1925 г., заключительная часть — в 1929 г. Полностью издана отдельной книгой в 1929 г. Кокчетау (буквально: синие горы)—горы на севере центрального Казахстана. Окружены многочисленными озерами (в народе насчитывают—80), в том числе Бурабай (Боровое), на берегах которого находится курорт «Боровое». Жеке-батыр — буквально: одинокий батыр, иногда его называют «спящим батыром». Аблай — хан среднего жуза. Касым-хан — сын Аблая. «Батыров и ханов, и биев одни Хвалили, кровавые славили дни». Речь идет о поэте-националисте Магжане Жумабаеве, создавшем поэму «Батыр Баян», где он воспевал «батырские традиции» ханских времен и «доблесть» самого хана Аблая. «Рубаху надел на доспехи джигит» — таков отличительный признак воина из войска Аблая.

121. Поэма «Альбатрос» опубликована отдельной книгой в 1933 г. В новаторских исканиях Сейфуллина «Альбатрос» занимает значительное место. «У меня был большой замысел,— писал С. Сейфуллин о своей поэме,— ибо я хотел в собранном виде дать обзор гражданской войны. Я стремился описать классовую борьбу, войну красных и белых и показать ожесточенную борьбу классов на земле, на воде, на всех фронтах. Я хотел создать образ великого командира красных войск в этих сражениях — Ленина». (газ. «Казах адебиети», 1936, 5 мая). Нова поэма и по форме. В «Советстане» поэт использовал традиционный казахский одиннадцатисложник, изменив его строфику: оставляя в обычном виде первую, вторую и четвертую строки четых-сехстишья, он разделял третью строку на три самостоятельные, рифмующиеся между собой. В поэме «Альбатрос» он делит на две части первую, вторую и четвертую строки. Это новшество носит не внешний характер: каждая из вновь полученных коротких строчек приобретает большую смысловую самостоятельность, большую ударность. Вместе с тем в поэме встречаются места, где поэт совершенно выходит за рамки казахского одиннадцатисложника. Вандервельде Э. (1866—1938) — бельгийский политический деятель, правый социалист, один из лидеров II Интернационала. Выступал против признания СССР. Дутов А. И. (1864—1921) — один из руководителей казачьей контрреволюции на Урале в период Октябрьской революции и гражданской войны. В 1918—1919 годах командовал Оренбургской отдельной казачьей армией, входившей в состав войск Колчака (1873—1920) — одного из лидеров российской контрреволюции, установившего в Сибири военную диктатуру в качестве «верховного правителя российского государства». Дутов в марте 1920 г. бежал в Китай. Убит казаком в своем штабе в Суйдине. Колчак после разгрома его войск арестован и в 1920 г. расстрелян в Иркутске по приговору большевистского революционного комитета. Алиев Т. (1892—1941) — активный участник революционного движения в Казахстане, один из организаторов кавалерийского казахского полка в годы гражданской войны. Абдулла Ярмухамедов (Ярмухамед, 1896—1940), Мухаметкали Татимов (1894—1937) — активные участники революции и герои гражданской войны в Казахстане. Джангильдин Алибий (1884—1953) — видный казахский революционер, чрезвычайный комиссар Степного киргизского (казахского) края. Встречался с В. И. Лениным. Асыл-

беков — см. примеч. 55. «Ту, что стреляла». Имеется в виду Ф. Каплан — эсер-террористка, совершившая 30 августа 1918 г. покушение на жизнь В. И. Ленина

122. Поэма «Кзыл — ат» («Красный конь») написана в 1933 г. и издана отдельной книгой в 1934 г. Переведена в отрывках (с некоторыми сокращениями) М. Львовым в 1958 г. и опубликована в предыдущих сборниках. Для настоящего сборника переведена заново.

Об обстоятельствах, при которых написана поэма, сказано во вступит. статье см.с. (316—318).

Поэма вскоре после ее опубликования вызвала разноречивые оценки. Но время определило ее значение — поэма была мужественным выступлением Сейфуллина, поэта-коммуниста, против перегибов, допущенных в Казахстане в процессе коллективизации сельского хозяйства. Л. И. Мирзоян был избран первым секретарем краевого комитета Коммунистической партии Казахстана (1933—1938) — после освобождения от занимаемого поста секретарей крайкома Ф. И. Голощекина и И. Курамысова. Тогда же была организована правительственная комиссия по оказанию помощи Казахстану. Все хозяйства животноводческих районов были временно освобождены от государственных налогов и обязательных платежей. С них была снята вся государственная задолженность за прошлые годы, оказана продовольственная помощь и семенная ссуда. К. Е. Ворошилов (1881—1969) с 6 ноября 1925 г. по 20 июня 1934 г. был народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Революционного Военного Совета СССР. С. М. Буденный (р. 1883) был с 1923 г. помощником главнокомандующего Красной Армии по кавалерии и членом Революционного Военного Совета СССР. В 1924—1937 гг. был также инспектором кавалерии РККА.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА. С. Кирабаев	5
СТИХОТВОРЕНИЯ	
1. НУРА. Перевод Вс. Рождественского	24
2. ПЕРЕКОЧЕВКА НА ДЖАЙЛЯУ. Перевод М. Синельникова	25
3. ПЬЮТ КУМЫС НА ДЖАЙЛЯУ. Перевод А. Кафанова	26
4. НЕЗАБВЕННАЯ. Перевод П. Карпа	26
5. ТАМ, ГДЕ ПРОСТИЛИСЬ МЫ. Перевод П. Карпа	26
6. ТОСКА. Перевод М. Синельникова	27
7. СОН. Перевод Вс. Рождественского	27
8. КТО ПОВЕДЕТ МОЙ НАРОД? Перевод Л. Друскина	28
9. ИСПОВЕДЬ КАЗАХА. Перевод Л. Друскина	29
10. О НЕВЕЖЕСТВЕННЫХ БАЯХ. Перевод Л. Друскина	30
11. БРАТУ. Перевод П. Карпа	30
12. СИРОТА. Перевод Л. Друскина	31
13. ПОЭТ. Перевод П. Карпа	31
14. ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ. Перевод М. Синельникова	32
15. МЕЧТА. Перевод А. Кафанова	33
16. ЛЮБИМОЙ. Перевод С. Наровчатова	34
17. В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ. Перевод М. Синельникова	35
18. ПЕЧАЛЬ. Перевод Г. Гампер	38
19. НЕКОЕМУ... Перевод Н. Яворской	39
20. ОТ КОМПРОМЕТИРУЕМОГО. Перевод Н. Яворской	40
21—23. МАЙСКИЕ ДНИ. Перевод Вс. Рождественского	40
1. «Все небо майское ломилось...»	40
2. «Прекрасен май! В лесах, в предгорьях...»	41
3. «Чудесен май! Весь мир зеленый...»	41
24. «СЕРДЦЕ МУЗЫКОЙ ОБВИТО...» Перевод Г. Гампер	41
25. ВОЛНЫ. Перевод Г. Гампер	41
26. СТРАСТЬ. Перевод Вс. Рождественского	42
27. СВЕТ МОЙ. Перевод М. Львова	42
28. МЫ СПЕШНО СОБРАЛИСЬ В ПОХОД. (Встречая свободу). Перевод В. Виноградова	43

29. НОВЫЙ ГОД. Перевод П. Карпа	44
30. В СТЕПИ. Перевод С. Наровчатова	45
31. ПОРОША. Перевод С. Наровчатова	45
32. А НУ-КА, ДЖИГИТЫ! Перевод М. Львова	46
33. НА ХОЛМЕ. Перевод М. Демина	47
34. ПРОШЕДШИЙ ДЕНЬ. (Осень). Перевод Вс. Рождественского	47
35. ЕСЛИ ДОПЫТЫВАЕШЬСЯ — СКАЖУ... Перевод М. Львова	48
36. В ЗАТОЧЕНИИ. Перевод С. Наровчатова	48
37. МОЙ КРЫЛАТЫЙ СКАКУН. Мольба узника. Перевод Г. Пагирева	50
38. ЗАБЛУДИВШИМСЯ. СЛОВА ЗАКЛЮЧЕННОГО. Перевод С. Наровчатова	51
39. СОСКУЧИЛСЯ Я. Перевод С. Наровчатова	51
40. ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ. Перевод М. Львова	52
41. В НАШЕМ КРАЕ. Стихи, написанные в изгнании. Перевод С. Наровчатова	53
42. ПРЕДКАМ. Перевод С. Наровчатова	54
43. МАРСЕЛЬЕЗА КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ. Перевод П. Карпа	55
44—46. В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ. Перевод Вс. Рождественского	
1. К домбре	57
2. К лебеди	57
3. Моему темно-рыжему коню	58
47. АУЛ БЕГЛЕЦА. Перевод В. Виноградова	59
48. ПОДАВЛЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ. Перевод М. Львова	61
49. В ГОРАХ. Перевод М. Львова	61
50. ВЕСНОЮ. Перевод В. Виноградова	63
51. В ПУРГУ. Перевод В. Виноградова	63
52. В ЛАДЬЕ. Перевод М. Львова	64
53. БАЛОВЕНЬ МОЙ. (Своему настроению). Перевод М. Львова	64
54. ВОРОНОЙ СКАКУН. (Паровоз). Перевод Г. Пагирева	66
55. МЫ. Перевод С. Ботвинника	67
56. КРАСНЫЕ БОГАТЫРИ. Перевод Н. Яворской	68
57. МАРЖАН. Перевод Н. Яворской	70
58. В ПОЛЕТЕ. (На аэроплане). Перевод Н. Яворской	71
59. РАБОЧИМ. Перевод М. Львова	72
60. ТОВАРИЩИ. Перевод С. Ботвинника	73
61. БРЕД НАЦИОНАЛИСТА. Перевод М. Львова	74
62. БРЕДНИ ОДНОГО ПОЭТА. Перевод С. Ботвинника	75
63. КРАСАВЕЦ ТОПОЛЬ. Перевод М. Синельникова	76
64. В КОМ ЭНЕРГИЯ БЬЕТСЯ. Перевод М. Львова	76
65. НАША ЖИЗНЬ — ЭКСПРЕСС. Перевод М. Львова	77
66. НАША САУЛЕ. Перевод М. Земской	78
67. В СТЕПИ. (Посвящение). Перевод С. Ботвинника	79
68. ДОМБРА. Перевод Вс. Рождественского	81
69. АЛТАЙ. Перевод М. Синельникова	82
70. НЕМЕЦКИМ РАБОЧИМ. Перевод Вс. Азарова	83

71. ДУМЫ СОВЕТСКОГО МАЛЬЧИКА. Перевод С. Ботвинника	84
72. ЮНОМУ КАЗАХУ. Перевод Г. Пагирева	86
73. МУСКУЛЫ. Перевод Г. Пагирева	86
74. САРСЕН. Перевод М. Земской	87
75. БОРЕЦ ЗА НАШЕ ДЕЛО. Перевод Вс. Азарова	87
76. ЛЕТОМ В СТЕПИ. Перевод М. Синельникова	90
77. НЕ ЖАЛЕЙ СИЛ. Перевод М. Синельникова	91
78. САМУРЫК. Перевод М. Синельникова	93
79. АВТОМОБИЛЬ. Перевод Л. Друскина	94
80. ЛЕНИН. Перевод П. Карпа	99
81. СКОРБНАЯ ВЕСТЬ. Перевод С. Наровчатова	100
82. ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ. Перевод С. Наровчатова	100
83. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА. Перевод Г. Пагирева	101
84. РАНЕНАЯ САЙГА. Перевод С. Наровчатова	101
85. ОСЕНЬЮ В СТЕПИ. Перевод И. Лиснянской	103
86. МАТЬ-ЗЕМЛЯ. Перевод В. Виноградова	105
87. ЛЕБЕДЬ. Перевод В. Виноградова	108
88. ТАЙГА. Перевод В. Виноградова	108
89. ОЗЕРО. Перевод В. Виноградова	110
90—91. ДВА ПИСЬМА. Перевод Н. Феоктистова	
1. Письмо матери	111
2. Письмо сына	113
92. ТАИНСТВЕННЫЙ ЛАРЕЦ. (Из письма к другу). Перевод В. Виноградова	115
93. МОЙ БЕДНЫЙ АУЛ. Перевод М. Синельникова	117
94. ДУМЫ МОЛОДУХИ. Перевод В. Виноградова	121
95. БЕДНЯЦКИЙ АУЛ ПРИ ТРЕСКУЧЕМ МОРОЗЕ. Перевод В. Виногра- дова	123
96. В ЛАЧУГЕ ЖУМАТА В ТРЕСКУЧИЙ МОРОЗ. Перевод В. Виногра- дова	124
97. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ. Перевод С. Наровчатова	125
98. БЕЛЫЙ ПЕС И ПАРОВОЗ. Перевод П. Карпа	127
99. ДЕВУШКЕ ИЗ СОВПАРТШКОЛЫ. Перевод С. Наровчатова	129
100. ИЗ ОКНА ВАГОНА. Перевод С. Наровчатова	132
101. НАБОРЩИКИ. Перевод М. Синельникова	135
102. ЛАСТОЧКА. Перевод М. Львова	136
103. НА ВОЛНАХ ЖИЗНИ. Перевод Г. Гампер	137
104. СРАЖАЮЩЕМУСЯ РАБОЧЕМУ КЛАССУ. Перевод С. Ботвинника	140
105. ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА. Перевод П. Карпа	144
106. НА ТКАЦКОЙ ФАБРИКЕ (Под стук колес). Перевод С. Ботвинника	145
107. МАУЗЕР. (К 12-й годовщине Октября). Перевод К. Алтайского	147
108. ПЕСНЬ КАМЕНЩИКОВ. Перевод М. Синельникова	149
109. В КОЛХОЗЕ. Перевод М. Львова	151
110. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ. Перевод М. Тарловского	154
111. РОЗА И СОЛОВЕЙ. (Майские напевы). Перевод М. Земской	154
112. В ГОРАХ КИРГИЗСКОГО АЛАТАУ. Перевод С. Ботвинника	156
113. В МУЗЕЕ ЛЕНИНА. Перевод К. Алтайского	160
114. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. Перевод В. Виноградова	161
115. ПОЭТЫ — ИМПРОВИЗАТОРЫ. Перевод Ю. Феоктистова	162
116. ЧЕЛОВЕК. Перевод П. Кузнецова	163

ПОЭМЫ

117. РАЗЛУЧЕННЫЕ ЛЕБЕДИ. Перевод И. Озеровой 166
118. СОВЕТСТАН. Перевод В. Бугаевского и А. Тарковского 172
119. ПЕСНЯ О ЛАШИНЕ. Перевод Ю. Окунева 180
120. КОКЧЕТАУ. Перевод В. Корнилова 185
121. АЛЬБАТРОС. Перевод А. Сендыка 219
122. КЗЫЛ-АТ. Перевод Евг. Винокурова 248
123. ЧЖАН-ЦЗО-ЛИН. Перевод Ю. Окунева 276
124. КОКЧЕТАУ СЕГОДНЯ. Перевод Ю. Феокистова 291
Примечания 301

Сакен Сейфуллин

ИЗБРАННОЕ

(Перевод с казахского)

Редактор О. Жанайдаров
Художник М. Искаков
Художественный редактор Н. Нурмуханбетов
Технический редактор Б. Карибаева
Корректоры Э. Магина, Т. Сажина

ИБ 2827

Сдано в набор 17.04.84. Подписано в печать 10.10.84. Формат 70×100^{1/16}. Бумага тип. № 1. Журнальная рубленая гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 25,4. Усл. кр.-отт. 25,9. Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1816. Цена 2 р. 20 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Гитал» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Сейфуллин Сакен.

С 28 Избранное. Стихотворения и поэмы / Пер. с казахского.
Вступительная статья, составление и примечания
С. С. Кирабаева.—Алма-Ата: «Жазушы», 1984.—312 с., ил.

В книгу вошли переводы избранных произведений основоположника казахской советской поэзии Сакена Сейфуллина (1894—1938).

Имя Сейфуллина, видного общественного деятеля, поэта и прозаика, драматурга и критика, педагога и композитора неразрывно связано с историей родного народа. Поэзия Сейфуллина характеризуется тесной связью с современностью, умелым использованием лучших традиций народного творчества. В сборник включены произведения самых разных жанров: поэмы «Разлученные лебеди», «Кокчетау», «Альбатрос», «Кзыл-ат», лирические, сатирические и агитационные стихотворения.

С $\frac{4702230200-163}{402[05]-84}$ 174—84

Каз 2